

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№6 2021

Казань - 2021

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №6 2021г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2021. – 128.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № Е11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Н.В. Бараханова</i> К СЕМИОТИКЕ «ГОРОДСКОГО ТЕКСТА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	7
<i>И.А. Еникеев</i> КРИМИНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ ДИАСА ВАЛЕЕВА	10
<i>Б.В. Кондаков, Чжан Юаньюань</i> КИТАЙСКАЯ ПОЭТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ В. ПЕРЕЛЕШИНА	13

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>А.А. Калитник</i> КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РОЛЬ ЗАГЛАВИЯ В ПОВЕСТЯХ С.В.ЭНГЕЛЬГАРДТ «НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ, А ТАК КАК БОГ ВЕЛИТ» И «НА ВЕСЬ СВЕТ НЕ УГОДИШЬ»	17
<i>Ю.О. Любановская, А.А. Остапенко</i> ЭФФЕКТИВНЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ: КАК УЛУЧШИТЬ РЕЗУЛЬТАТЫ? ЧАСТЬ 2	20
<i>Ф.Х. Миннуллина, Л.Ш. Гарипова, Г.А. Хуснутдинова</i> ИСТОРИЯ ТАТАРСКОГО КИНО: «КИНОСЦЕНАРИЙ «КОМЕТА» И ЕЕ АНАЛИЗ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ»	24

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>А.Р. Дадаева</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ СОВЕСТЬ/ЧЕСТЬ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКОВ	27
<i>З.М. Дударева, С.В. Минибаева, А.В. Кривицкая</i> УРБАГРАФЕМЫ В ИДИОСТИЛЕ ГОРОДА	30
<i>А.А. Качанова, С.В. Сабурова</i> СПЕЦИФИКА ЭТИКЕТНЫХ НОРМ РЕЧИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА	33
<i>А.Н. Печенюк</i> СПОСОБЫ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТАЦИОННЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	36
<i>П.А. Якимов</i> ЭККЛЕЗИОНИМЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ	40

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Т.С. Аникян</i> РОЛЬ ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В УСИЛЕНИИ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ	43
<i>Н.Е. Бажайкин</i> ПЕРСУАЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ А. БЕРБОК)	48
<i>Е.Ю. Баженова, Н.М. Залесова</i> МЕДИЙНЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА В США	51
<i>Р.В. Гатауллина, Р.И. Мухаметзянова, В.В. Тарасова</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, СО ЗНАЧЕНИЕМ РАДОСТЬ В НЕМЕЦКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ	54
<i>А.В. Гончарова, А.Ю. Команова, Д.М. Костина</i> СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	58
<i>Е.В. Гусева, Е.В. Стрельцова</i> ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК СРЕДСТВО ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗАГЛАВИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	61

А.А. Смирнов АВТОРСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В РАССКАЗАХ ДЭВИДА МИТЧЕЛЛА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА <i>BLACK SWAN GREEN</i>)	66
Е.В. Третьякова, С.А. Хахалова ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕКЛАМНОГО ТУРИСТСКОГО ДИСКУРСА	69

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

М.М. Аюпов, А.Р. Гатиатуллин, Н.А. Прокопьев, Д.Ш. Сулейманов ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ ФРЕЙМОВОГО ТИПА ДЛЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ	73
С.В. Богдашкина, О.И. Налдеева, Г.А. Натуральнова, В.А. Маскаева МЕТАФОРА КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МОКШАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ	77
А.Д. Большеченко, А.Д. Романова, П.Н. Сафонова СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ И МЕТОДИК ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	81
В.И. Волчкова, С.Г. Каримова, В.В. Теганюк РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНТОВ ГОСТИНИЧНО-ТУРИСТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ В БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПРОЕКТА «PROFENGLISH»	84
В.Р. Габдуллина АКТУАЛИЗАЦИЯ РАЗНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПОЛИСЕМАНТИЧНЫХ СЛОВ В АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАХ	87
А.Н. Гарипова ЗНАКОВАЯ ПРИРОДА ЯЗЫКА	91
Г.З. Дарзаманова РОЛЬ КОМПОНЕНТА АТРОПОНИМА В ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИКИ РУССКИХ, ТАТАРСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	94
А.В. Кулешова, И.С. Марченкова ПЕРИФРАЗА В ЛЕКСИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ЯЗЫКА	97
В.И. Миколайчик, В.В. Белоконь СТРУКТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ЯЗЫКА ДАРИ	101
Е.П. Пензева «ЭКСПОЗИТИВНЫЙ» СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА	105
О.И. Подкопаева КОНЦЕПТ КАК МЕНТАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ С НЕЧЕТКИМИ ГРАНИЦАМИ	108
Ф.К. Сагдеева, А.К. Булатов, Р.Т. Сафаров СПЕЦИФИКА АБСТРАКТНЫХ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ	111
И.В. Убушаева ПУНКТУАЦИЯ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ РАЗНОСТИЛЕВЫХ ТЕКСТАХ XX-XXI ВВ.	114
Е.В. Янкина ЦЕННОСТИ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ «РУКОВОДИТЕЛЬ-ПОДЧИНЕННЫЙ» (НА ПРИМЕРЕ АНЕКДОТА)	117

АННОТАЦИИ	120
-----------	-----

THE RELEASE MAINTENANCE

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>N.V. Barakhanova</i> TO THE SEMIOTICS OF "URBAN TEXT" IN RUSSIAN LITERATURE	7
<i>I.A. Enikeev</i> CRIMINAL DISCOURSE IN THE WORKS OF THE RUSSIAN-LANGUAGE WRITER DIAS VALEEV	10
<i>B.V. Kondakov, Zhang Yuanyuan</i> CHINESE POETICS IN THE WORKS BY V. PERELESHIN	13

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>A.A. Kalitnik</i> THE CONCEPTUAL ROLE OF THE TITLE S.W. ENGELHARDT'S STORIES: "DO NOT LIVE AS YOU WISH, BUT AS GOD WILL" AND "YOU WILL NOT PLEASE ALL THE WORLD"	17
<i>Ju.O. Lyubanovskaya, A.A. Ostapenko</i> EFFECTIVE SPECIAL REPORT: HOW TO IMPROVE RESULTS? PART 2	20
<i>F.H. Minnullina, L.Sh. Garipova, G.A. Khusnutdinova</i> HISTORY OF TATAR CINEMA: «THE FILM SCRIPT «COMET» AND ITS ANALYSIS ON THE PAGES OF THE PERIODICAL PRESS»	24

10.02.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>A.R. Dadaeva</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF CONSCIENCE/HONOR CONCEPTS BASED ON RUSSIAN AND CHECHEN LANGUAGES	27
<i>Z.M. Dudareva, S.V. Minibaeva, A.V. Krivitskaya</i> URBAN GRAPHEMES IN THE CITY'S IDIOSTYLE	30
<i>A.A. Kachanova, S.V. Saburova</i> PECULIARITIES OF THE RULES OF ETIQUETTE IN THE DIGITAL ENVIRONMENT AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY	33
<i>A.N. Pechenyuk</i> VERBAL REPRESENTATION MEANS OF VALUE-ORIENTATIONAL COMPONENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR PRECEDENT PHENOMENA	36
<i>P.A. Yakimov</i> ECCLESIONYMS IN RUSSIAN POETRY	40

10.02.04 – PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>T.S. Anikyan</i> THE ROLE OF PROSODIC MEANS IN INTENSIFYING THE EXPRESSIVENESS OF THE INAUGURAL ADDRESS	43
<i>N.E. Bazhaykin</i> THE PERSUASIVE POTENTIAL OF PRECEDENT PHENOMENA BASED ON BAERBOCK'S SPEECH	48
<i>E.Y. Bazhenova, N.M. Zalesova</i> THE MEDIA IMAGE OF A FEMALE POLITICIAN IN THE USA	51
<i>R.V. Gataullina, R.I. Mukhametzyanova, V.V. Tarasova</i> PHRASEOLOGICAL UNITS DENOTING THE JOYANCE, IN GERMAN AND TATAR LANGUAGES	54
<i>A.V. Goncharova, A.Yu. Komanova, D.M. Kostina</i> MANIPULATION MEANS IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE OF POLITICAL ORIENTATION	58
<i>E.V. Guseva, E.V. Streltsova</i> DISCOURSE ANALYSIS AS MEANS OF INTERPRETING ENGLISH LITERARY TEXT TITLE	61
<i>A.A. Smirnov</i> AUTHORIAL OCCASIONALISMS WITH A ZOONIM COMPONENT IN DAVID MITCHELL'S BOOKS (BASED ON THE STORY <i>BLACK SWAN GREEN</i>)	66
<i>E.V. Tretyakova, S.A. Khakhalova</i> LINGUISTIC AND AXIOLOGICAL COMPREHENSION OF INTEGRATIVE ADVERTISING TOURIST DISCOURSE SPACE	69

10.02.19 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>M.M. Ayupov, A.R. Gatiatullin, N.A. Prokopyev, D.Sh. Suleymanov</i> FRAME TYPE LINGUISTIC DATABASES FOR TURKIC LANGUAGES	73
<i>S.V. Bogdashkina, O.I. Naldeeva, G.A. Naturalnova, V.A. Maskaeva</i> METAPHOR AS A BASIS FOR CREATING IMAGES IN THE WORKS OF MOSHAN WRITERS	77
<i>A.D. Bolshechenko, A.D. Romanova, P. N. Safonova</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF MODERN APPROACHES AND METHODS OF TEACHING ENGLISH	81
<i>V.I. Volchkova, S.G. Karimova, V.V. Teganiuk</i> SPEECH BEHAVIOUR OF HOSPITALITY AND TOURISM STUDENTS IN BUSINESS COMMUNICATION IN THE PROJECT «PROFENGLISH»	84
<i>V.R. Gabdullina</i> ACTUALIZATION OF DIFFERENT POLYSEMANTIC WORDS' MEANINGS IN THE ASSOCIATION EXPERIMENTS	87
<i>A.N. Garipova</i> THE SYMBOLIC NATURE OF LANGUAGE	91
<i>G.Z. Darzamanova</i> THE ROLE OF THE ANTHROPONYM COMPONENT IN THE FORMATION OF THE SEMANTICS OF RUSSIAN, TATAR AND ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS	94
<i>A.S. Kouleshova, I.S. Martchenkova</i> PERIPHRAIS IN THE LEXICAL ASPECT OF LANGUAGE	97
<i>V.I. Mikolaichik, V.V. Belokon</i> STRUCTURAL SPECIFICS OF THE MILITARY-TECHNICAL TERM SYSTEM OF THE DARI LANGUAGE	101
<i>E.P. Penzeva</i> "EXPOSITIVE" WAY OF ORGANIZING DISCOURSE	105
<i>O.I. Podkopyayeva</i> CONCEPT AS A MENTAL PHENOMENON WITH INDISTINCT BORDERS	108
<i>F.K. Sagdeeva, A.K. Bulatova, R.T. Safarov</i> THE SPECIFICS OF ABSTRACT NOUNS	111
<i>I.V. Ubushaeva</i> PUNCTUATION IN INGLISH AND RUSSIAN DIFFERENT STYLES OF THE XX – XXI CENTURIES	114
<i>E.V. Yankina</i> VALUES OF DIALOGICAL COMMUNICATION BETWEEN MANAGERS AND SUBORDINATES (ILLUSTRATED BY ANECDOTES)	117
ABSTRACTS	120

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Н.В. Бараханова канд. филол. наук

Технический институт (филиал)
Северо - Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
кафедра филологии,
Нерюнгри, nata.priwet@mail.ru

К СЕМИОТИКЕ «ГОРОДСКОГО ТЕКСТА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В работе представлены результаты осмысления категории «городской текст».

Ключевые слова: *город, «городской текст», семиотика.*

Многие авторы начала 19 века (периода активного развития городской цивилизации) обращались к теме города, разрабатывали городские образы и мотивы: издавались циклы, в названии которых содержалась семантика «города» (Ср.: «Город» А. Белого и А.Блока и др.), печатались стихотворения, были написаны романы, в центре которых вырисовывались образы Москвы, Петербурга и иных культурно и исторически значимых городов России. Смело можно говорить о том, что в обозначенный период формируется своеобразная концепция города, выкристаллизовываются «городские» мифы, в которых реальность причудливо сочетается с вымыслом и традицией, формируются «городские тексты» авторов символизма, акмеизма, футуризма.

Вырабатывая концептуальные представления о городе как культурологическом объекте чувственного созерцания, некоего явления, целесообразно опираться на труды культурологов и философов.

Так Ю.М. Лотман в статье «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» убедительно говорит о городах концентрического и эксцентрического типа [2]. Концентрическое расположение города в пространстве связано с образом города на возвышенности, на холме. Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него группируются мифы об основании, в котором, как правило, участвуют боги. Подобный город имеет начало, точку сотворения, отсчета своего земного бытия, но не имеет конца – это некий аналог «вечного града». В описании данных город авторы используют мелодичные, приятные звукоподражания (Ср.: трели птиц, шелест листвы и т.п.), приятные цветовые решения (Ср.: голубой цвет как небесный или цвет спокойного моря). Эксцентрический же город наоборот расположен на краю: на берегу моря, в устье реки, на обрыве. С разработкой с ним отчетливо проявляется оппозиция «естественное/искусственное», «природное/ рукотворное». Это город, созданный вопреки законам природы и находящийся в противопоставлении к ней что дает двойную возможность оценки уранического пространства: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как нарушений естественного состояния, с другой. Вокруг такого города группируются, воплощаются предсказания гибели, идея обреченности, трагические мотивы (Ср.: образ Санкт- Петербурга). При описании городов данного типа авторы используют цвета, подчеркивающие негативные коннотации (Ср.: желтый, болезненный цвет при описании Петербурга и т.п.)

Несомненно, что город – это способ организации, окультуривания и структурирования пространства, введение человеческого измерения в природный мир. Город преобразовывает, преображает среду обитания посредством архитектуры. Характерные урбанистические структуры делают город принципиально новой средой человеческого обитания.

Город – это и культурная среда, средоточие истории и культуры, и подчас и некое сакральное место. Сакральность города связана с тем, что город, находясь на земле, всегда устремлен вверх: возвышается высотками, как будто желая стать «Небесным градом» [1], именно в городе строятся храмы для воцерковленных прихожан.

Город упорядочивает, организует пространство с точки зрения материальных ресурсов и духовных ценностей. В городе также сосредотачиваются духовная и муниципальная власти. Город противостоит внешним стихиям и пытается организовать внутреннюю гармонию в отношении человека и природы, при определённых усилиях он может превратиться в город-сад [3]. Город должен защитить и дать ощущение комфорта, спокойствия его жителю.

Любой город реализует идею пространства жизни человека, включая различные формы телесности: самого человека внутри урбанистического, нового пространства и некую внешнюю «телесность» самого города (строения, здания, улицы, фонари) (Ср.: уподобление города женщине в статье В.Н. Топорова «Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте или у В. Маяковского «Улица провалилась как нос сифилитика»).

Человек в пространстве города – житель, горожанин, который «городит», структурирует пространство вокруг себя и самого себя, свое внутреннее, духовное начало.

Блаженный Августин в своем знаменитом труде «О Граде Божьем» обосновал идею символического противопоставления двух типов городов – Града земного и Града Небесного, соотнося их существование с двойственностью человеческой души – греховной и божественной.

Множество конкретных художественных, авторских, воплощений темы города в поэзии объединяется в сложное семиотическое единство, некий сверх-текст. Этот сверх-текст парадигматически объединяет комплекс образов, мотивов, сюжетов, которые воплощают специфическую модель городского бытия и характеризуются единой системой средств художественного выражения (Ср.: символическое уподобление города и лирического героя и т.п.).

Таким образом, города в русской литературной традиции, при всем разнообразии авторских интерпретаций, имеют общую «семантическую территорию», обусловленную новым состоянием мир рубежа эпох и новым, неклассическим типом мышления, сложившимся в модернистском пространстве.

Город изображается как конкретный культурно-исторический объект и трактуется поэтами как некое образование, пространственно-временное целое, существующее одновременно в прошлом, настоящем и будущем.

Вместе с тем, городское пространство определяется как среда жизни человека, находящегося накануне преобразований, в силу чего город городской текст автора отражает картину мира, сложившуюся в его историческом отрезке (Ср: исторический детерминизм и т.п.). При этом каждый из этих городов мощно связан с предшествующей литературной традицией и одновременно отражает новую модель городского пространства – городской цивилизации, находящуюся на грани преобразований, как правило, катастрофических изменений.

Город воспринимается в соотношении и противостоянии с природой, которая, с одной стороны, служит моделью для утопического города-сада (вариант «Града Божьего»), а с другой стороны, отчетливо противопоставляется «падшей» городской цивилизации. Сочетание этих вариантов в различных течениях модернистской поэзии дает разные типы городского текста и определяет разное поэтическое видение грядущего существования города: падения или возрождения.

Зачастую образ города во всех своих деталях (жители, строения, запахи, цвета и т.п.) обретает трагико-демонические, мертвенно-призрачные черты. Его мифологическими прототипами выступают то падший Вавилон, то библейские Содом и Гоморра, за которыми прочитывается архетипический образ «Града обреченного». В этой парадигме мифологических подтекстов центральное место занимает «петербургский миф», сложившийся в русской литературной традиции (Пушкин А.С., Гоголь Н.В. и др.),

который реминисцентно преломлен в творчестве В.Брюсова, А.Блока, А.Белого, А.Ахматовой, О.Мандельштама, В.Маяковского, В.Хлебникова и других значимых авторов первой трети 19 века.

Необходимо заметить, что авторы пунктирно намечают и пути возможного спасение городского пространства от разврата и падения (Ср.: в городской модели А.Блока это спасение видится автору через вмешательство высших сил, воплощённых в его поэтических текстах «Девой», «Женой» и т.п.), а согласно А.Белому, благополучная развязка «городской» трагедии должна быть оплачена личной жертвой).

Таким образом, «Городской текст» – это совокупность образов (концептов), мотивов, сюжетов, которая воплощает авторскую модель городского бытия как в общих, так и в частных его представлениях.

Список литературы

1. *Гурин С.П.* Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты // [Электронный ресурс] URL: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm (дата обращения 17.06.2021)
2. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // [Электронный ресурс] URL: https://historicus.ru/simvolika_Peterburga_i_problemi_semiotiki_goroda (дата обращения 17.06.2021)
3. *Максимов Ю.* Город и сад: Образы ветхого и нового рая // Глаголь, 2002. № 7.
4. *Стародубцева Л.* В метафизических ландшафтах города // Философская и социологическая мысль. 1993. № 9-10. С. 213-226.
5. *Топоров В.Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С.121-132

10.01.01

И.А. Еникеев

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ,
отдел литературоведения,
Казань, eniki07@mail.ru

КРИМИНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ ДИАСА ВАЛЕЕВА

В статье рассмотрены особенности криминального дискурса в творчестве русскоязычного писателя Диаса Валеева. Писатель осознавал свою принадлежность разным культурам. Эта особенность повлияла на криминальный контекст его произведений: он вводит в него элементы жанра политического детектива, философский и религиозный подтекст.

Ключевые слова: *криминальный дискурс, жанр, политический детектив, религиозность, подтекст, Д.Валеев, Ш.Идиатуллин.*

Обращаясь к проблеме криминального дискурса в творчестве Д.Валеева, мы имеем в виду тесную связь криминальных образов и элементов жанра политического детектива с художественно-философским мировоззрением писателя Диаса Валеева, и его конспирологическим подтекстом. В основе творчества писателя находится образ героя-борца, иногда сотрудника правоохранительных органов, находящегося по ту или иную сторону борьбы мирового Добра и Зла. Одна из традиций «оттепели», которая сохранилась в русскоязычной литературе Казани и которая ушла в подтекст в татарской литературе 60-80-х годов, это социальный пафос героев направленный против общественных условий. Бунтующими героями были не только персонажи их произведений, но и сами авторы литературных объединений Казани, такие как Б. Галеев, В. Мустафин, Р. Суфеев, Д. Валеев. Диас Валеев до конца жизни остался писателем, сохранившим критический вектор, пафос в своем творчестве. Уже в своих первых пьесах о КАМАЗе он заявил о себе как о мастере масштабного социального конфликта, умевшего на примере нескольких персонажей сделать критический срез окружающего общества.

Творчество Д.Валеева отличает тематическое и жанровое разнообразие. Он написал целый ряд пьес, повести и рассказы, публицистические эссе, философско-религиозные трактаты, проповеди и документальный роман. Диас Валеев всю жизнь ощущал себя не одиноким мальчиком без отца, как Р.Кутуй, а скорее юношей-революционером о чем написал в авторской ремарке к исторической трагедии «1887»: «Светится в тумане окно - негаснущий лик конспиративной подпольной России, устремленной в неведомое, глядит на меня из прошлого. И мне кажется иногда, что где-то там и родина моего духа. И там, с ними - я сам». [1:40] В силу этого противостояния писатель стал ощущать себя борцом, посланцем Бога, судьба которого донести в человеческий мир весть об идеях завтрашнего дня. Конфликт с внешне различными, но внутренне и организационно едиными силами, в итоге вылился для него в стратегический конфликт с неким сатанинским Монстром, а ориентиром для Д.Валеева в этом противостоянии стала опора на давно искомого им Сверхбога. В театральном романе «Изгой или очередь на Голгофу» он отмечает: «По существу я пишу о Боге и Сатане. Есть ли более великий сюжет, чем этот?» [4:567] Данный сюжетный мотив сквозной линией проходит через все творчество Валеева. Проявление сатанинского начала он наблюдает в трагикомедии «Пророк и черт», в молодых революционерах в трагедийной хронике «1887», в трагифарсе «Карликовый буйвол», в романе «Изгой», в трактатах «Меч вестника – слово», «Истина одного человека или Путь к Сверхбогу», «Третий человек или Небожитель». Свою задачу как писателя Д.Валеев видел в том, чтобы проникнуть в сложный

внутренний мир “сильного человека”, который стоит на пороге окончательного подведения итогов всей своей жизни. И здесь проявляются типичные грани творчества писателя- тонкий психологический анализ, точное видение современности и стремление к ее философскому осмыслению. “ Мои программные взгляды на литературу, - писал Д.Валеев, - состоят в том, чтобы писать о преодолении человеком невозможного в самом себе и во вне. Аномалии подвига и любви есть то, чего жаждет сам человек, есть глубинное явление его духа. Меня интересует человек-максималист, формирующий действительность, а не формируемый средой и обстоятельствами”.[4:39]. В первой пьесе Д.Валеева «Сквозь поражение» представлен конфликт сильной личности, человека дела – директора строящегося завода и идеалиста – его приемного сына. Для Д.Валеева очень важна сила страстей и стремление к масштабным мега-характерам. И на этом фоне писатель сумел показать еще одного типичного героя 70-х годов – разочарованного молодого человека, который судит не окружающий мир, а самого себя.

Поэтому Валеева вполне можно назвать апологетом советского классицизма – романтического направления в театре, приветствовавшее изображение бурных конфликтов и чрезмерных страстей в противовес соцреализму, где был идеальный герой и вымышленные, мелкие конфликты. Не случайно критик Р.Копосов назвал персонажа второй драмы Валеева «Охота к умножению» Гамлетом в прокурорском мундире. В пьесе, позднее названной «Суд совести», бушуют поистине шекспировские страсти. Здесь многослойный семейный конфликт, замешанный на давнем преступлении отца из сталинского прошлого – убийстве жены. Младший сын Азгар, расследуя дело начальника районного ГАИ и конфликтуя со старшим братом – новым хозяином жизни и крупным хозяйственником, выясняет имя убийцы их матери. Помимо этого профессор Арсланов предаёт своего учителя в ходе дела биологов. Эта правда разрушает семью – сестра сходит с ума, а дед умирает с Кораном в руках, где успевает подчеркнуть 102 суру – Охота к умножению. Именно отсюда идет название пьесы. Если в первой пьесе мы видим путь писателя от прозы к реалистической драме, во второй накал возвышенной романтической трагедии, то в третьей пьесе писатель обратился к жанру комедии эпохи классицизма и создал трагифарс «Пророк из Казанского Заречья и Чёрт». Всю трилогию объединила теория диасизма о трех ипостасях человеческих характеров: личное – групповое - божественное. Наиболее приблизился к третьему мега-характеру следователь Азгар Арсланов, выступивший против своей привилегированной семьи и негласных общественных устоев. Позднее Д.Валеев создает еще одну трилогию производственной тематики, в которую помещает своего трёхипостасного человека. Для писателя важно, чтобы герои преодолевали не просто инерцию быта, семейных и соседских раздоров, а сталкивались с более мощной силой организованной стаи, сплоченного клана. Новаторство Д.Валеева здесь в том, что конфликт переходит в мир директорских кабинетов, министерских интриг. Происходит столкновение государственных интересов с личными амбициями и определяется способность человека взять на себя огромную ответственность за большие дела. Писатель вышел здесь на новый уровень социального конфликта – противостояния трех ветвей власти, когда руководитель градообразующего предприятия, пользуясь огромными ресурсами, по хозяйски ведет себя с партийной и советской властью. Третья часть трилогии « Ищу человека» появилась только через 15 лет, когда в обществе созрела новая ситуация, новый расклад сил. Жизнь потребовала других героев, иного типа драматических коллизий. Производственная драма изжила себя и захлебнулась в потоке конъюнктурных произведений и все же производственная тема отражала потребность общества в сильной фигуре социального героя 70-х годов, а в 80-е годы назревала социальная и политическая драма. В третьей пьесе Д.Валеев нащупал свежий мировоззренческий конфликт между людьми политического и философского звучания. Это произошло в 1984 году и писатель отступил от производственных стереотипов советской драматургии. Как он пишет в примечаниях на полях трилогии: «Общество в эти годы все более раскалывалось, по нему бежали трещины, человек менялся. Я интуитивно схватывал близость грядущих драматических перемен». [2: 61] Драма « Ищу человека» писалась

одновременно с книгой «Третий человек или Небожитель» и в философе-фотографе Иванове автор воплотил свои идеи о примыкающих приспособленцах, групповых эгоистах, ограниченных существующими нормами общества, его уровнем экономики и культуры, и о людях, выходящих за пределы эгоизма. Действие происходит в том же вновь отстроенном городе, и фотограф сталкивается с племянницей генерального директора Жиганова – Гульнарой, циничной и развратной хищницей, приказывающей местным бандитам наказывать не угодившего ей Иванова. В этой пьесе проявилась важная черта Д.Валеева как писателя: «У него какое-то особенное видение жизни – умение заметить то, мимо чего спокойно прошли бы другие люди, заинтересоваться этим и построить на этом материале не совсем обычную, но подлинно реалистическую картину трагедийно-эпическую по своему характеру». [3: 65]

В данной трилогии отразилась диалектика советского времени: от романтической оттепели 60-х, через нервные словопрения 70-х, к предчувствию перемен 80-х годов. Д.Валеев сумел смело сказать об этом раньше других. «В первых своих пьесах Д. Валеев помещал персонажей в мир межсемейных отношений, погружал в быт. В трилогии о строителях его герои уже пытались вырваться из тесных общественных рамок, преодолевая групповые, клановые, партийные интересы. К концу семидесятых годов автор решился вывести на сцену героев, действующих на мега-уровне человеческой истории – в самые роковые, поворотные её моменты». [2:66] Действие исторической хроники «1887», первоначально названной автором «Божество у всех одно – свобода!», происходит на глухих улицах старой Казани, где снимают углы бедные студенты и где собираются запрещенные студенческие землячества. Основное действие трагедийной хроники разворачивается вокруг кровавых событий, вызванных провокацией жандармского управления. Мотив тайных интриг и их роль в истории общества также затронуты в пьесе «Улица Каюма Насыри» (1989) другого русскоязычного писателя из Казани – Равиля Бухараева. Тема тайных операций полиции, технология вербовки предателей и создания агентурных сетей, поднятая Д.Валеевым в хронике «1887» и в пьесе «День Икс» нашла свое абсурдно-сюрреалистическое воплощение в политическом трагифарсе «Карликовый буйвол». Появилась легкая и живая хулиганская комедия, что не свойственно другим драматургическим произведениям Д.Валеева. В основу сюжета положен анекдот о двойниках и самозванце, о том как спецслужбы подменили настоящего президента Ворвачева и последний, без средств существования оказывается в одном из провинциальных городов Поволжья. Тема доводится до абсурда тем, что количество двойников постоянно увеличивается, и их начинают истреблять до последнего. Проблема самозванства начинает проявляться не только в карикатурно-кукольном, но и в трагическом реальном свете.

В современной русскоязычной литературе Татарстана сильнее проявился отрицательный аспект правоохранительной системы, обозначенный в пьесах Д.Валеева «1887» и «Карликовый буйвол». Например, в романе Ш.Идиатуллина «Город Брежнев» (2012) феномен враждующих уличных группировок и неоднозначные образы сотрудников милиции изображены в контексте формирования новой молодежной субкультуры, стирающей национальные различия и трансформирующей общепринятые нормы морали. Творчество Диаса Валеева задало определенные параметры криминального дискурса (политический и религиозный подтекст) в национальной литературе и его необходимо учитывать при изучении данной проблематики.

Список литературы

1. Валеев Д.Н. Пророк и Черт. – Казань: ТКИ, 2005. – 544 с.
2. Воронин А.Г. Драма диасизма. – Казань: Отечество, 2008. – 111 с.
3. Золотарев Е. Золотое двадцатилетие: этюды о татарских драматургах и актерах. – Казань: ТКИ, 1989. – 104 с.
4. Либертус или Люцифер: к анализу творчества Диаса Валеева. – Казань: Заман, 2011. – 576 с.

10.01.01

Б.В. Кондаков, Чжан Юаньюань

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
филологический факультет,
кафедра русской литературы,
Пермь, kondakovb@mail.ru, zuyjudith@qq.com

КИТАЙСКАЯ ПОЭТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ В. ПЕРЕЛЕШИНА

В статье рассматриваются особенности восприятия В. Перелешиним поэтики китайской литературы и воздействие ее принципов на творчество поэта, исследуется художественный мир и стиль его произведений (в сопоставлении с китайской поэзией), анализируется влияние философско-религиозных размышлений китайских классических поэтов (в частности, Ван Вэя) на творчество Перелешина.

Ключевые слова: Перелешин; художественный мир; китайская поэтика; образ.

Русский поэт и переводчик В. Перелешин выделялся среди современников прекрасным знанием китайской культуры. Одной из особенностей поэзии Перелешина было наличие «китайских элементов», обогащавших мир его произведений. Большое внимание поэт уделял переводам китайской классической литературы: он подготовил антологию китайской поэзии «Стихи на веере» (1970) [5], перевел философский трактат «Дао Дэ Цзин» (1990) [1], поэму Цюй Юаня «Ли Сао» (1975) [8]. В предисловии к антологии Перелешин указал на наиболее важные особенности китайской поэзии: 1. «склонность к заимствованиям из старых книг»; 2. условность; 3. интеллектуальность и философичность (в отличие от западной поэзии, которая характеризовалась повышенной эмоциональностью и страстностью) [5, с. II]. Эти наблюдения помогают понять взаимодействие его поэзии с русской и китайской традициями.

Китайская литература повлияла на множество произведений Перелешина, – в первую очередь, на стихотворения, в которых присутствовали китайские мотивы. В стихотворении «Поездка в Дун-лин» (1940), опубликованном в сборнике «Звезда над морем» (1941) [3], использовался принцип выражения эмоций через описание жизненных эпизодов, что было характерно для китайской лирики. В стихотворении «Вид на Пекин из Би-юнь-сы» (1943), чтобы выразить стремление героя удалиться от мирских забот и соблазнов, поэт обратился к приёму, характерному для китайской поэзии: воспроизведению пейзажа, увиденного с вершины возвышенности. В стихотворении «Чжунхай» (1943) был использован другой прием: взгляд лирического героя поочередно сосредоточен то на увиденных с близкого расстояния деталях пейзажа, то направлен в необъятное пространство и время, а созерцание пейзажа оказывалось поводом для философских раздумий.

Обращение поэта к принципам китайской поэтики было характерно для всего его творчества: «Работая над переводами китайских поэтических текстов, В. Перелешин <...> экспериментировал с формой стихов, пытаясь найти в русском языке ритмические конструкции, <...> похожие на <...> принятые в китайском стихосложении. <...> Он предложил вариант организации русского стиха, в котором, как и в китайском языке, стихотворные строчки содержали небольшое количество односложных слов (слогов)», – отмечает современный исследователь [2, с. 12].

Ключевое понятие китайской поэтики – ‘意境’ [Yì Jìng] – не имеет однозначного эквивалента в русском языке (на английский язык оно переводится словом ‘ideorealm’). Ближе всего к нему понятие «художественный мир», используемое в российском литературоведении. Первый иероглиф ‘意’ [Yì] обозначает выраженные поэтом мысли и чувства; второй иероглиф ‘境’ [Jìng] указывает на картину жизни, изображенную в тексте;

сочетание иероглифов ‘意境’ символизирует слияние мыслей и чувств поэта с действительностью: это поэтический *мир*, в котором субъективные чувства сливаются с объективными образами.

В китайском литературоведении существует понятие «художественный образ» – ‘意象’ [Yì Xiàng], которое может быть отнесено к любому виду искусства – литературе (как к поэзии, так и к прозе), театру, живописи, музыке, архитектуре и пр. Оба понятия – и ‘意境’, и ‘意象’ – указывают на объединение субъективного и объективного, чувства и бытия; однако между ними имеются существенные различия: 1) художественный образ (意象) в литературном произведении создается при помощи слов, словосочетаний и предложений (являющихся *частями* текста), а ‘意境’ – *целостным* текстом произведения; 2) образ – категория, характеризующая *форму, структуру* текста (анализ образов предполагает описание их *системы*) и соотнесенные с ним *ассоциации читателей*, а ‘意境’ раскрывает *глубину* эстетического переживания и его связь с философскими взглядами *автора*; 3) создание художественного образа оказывается лишь *первым шагом* автора в процессе организации художественного мира произведения, а сотворенный писателем ‘意境’ является *результатом* его деятельности, определяющим *ценность* произведения; 4) образ в китайской культуре рассматривается как относительно простое по структуре *художественное* явление, а ‘意境’ – не только художественная, но и *философская* категория, созданная *системой образов* и стилистических средств (то есть *всем* художественным текстом).

Понятие ‘意境’ связано с китайскими философскими представлениями, в которых человек и действительность рассматриваются как единое целое; оно определяет принципы восприятия *окружающего мира* (в том числе искусства), то есть указывает на *метод* воспроизведения действительности и способы ее презентации, *существование* и *движение* пространства-времени; оно формируется на основе органичного сочетания образов, возникающих в сознании читателя в процессе восприятия поэтического произведения, а образ выражают конкретные *мотивы*, создающие ‘意境’: если образом считается *цветок*, то ‘意境’ обозначает *весну*.

Для китайской поэзии определение *значения* образов является *первым шагом* на пути постижения художественного замысла, *основой* понимания стиха; созданный сочетанием образов *художественный мир*, в котором философские размышления гармонично сочетаются с картиной действительности, оказывается *целью* поэзии, осуществление которой приводит к слиянию *чувств читателя* с естественной окружающей *обстановкой*. Литературное произведение рассматривается как «затрагивающее чувства читателя» и имеющее *ценность* тогда, когда оно выражает как «состояние» объекта, так и «переживания» автора и читателя.

Рассмотрим восьмистишие 《临安春雨初霁》 [«После весеннего дождя в столице»], написанное поэтом Лу Ю (1125–1210) в конце жизни. В стихотворении имеются строки: 小楼一夜听春雨, / 明朝深巷卖杏花 [«Ночью в скромном доме, всю ночь сплю и слышу стук весеннего дождя. / Завтра рано утром в глухом переулке будут продаваться цветы абрикоса»]. Образы *скромного дома* и *глухого переулка* передают ощущения, связанные с тихим местом, где в одиночестве живет поэт, а образы *весеннего дождя* и *цветов абрикоса* воссоздают веяние весны. При помощи наполненных глубоким смыслом образов поэт создал художественный мир, в которой радость от прихода весны сочеталась с горечью, вызванной ощущением быстротечности времени. Если эти строки интерпретировать в контексте исторической обстановки и *судьбы поэта*, то станет понятно, что герой не может уснуть, поскольку ему мешают печаль о судьбе своей страны, размышления о неосуществленной мечте – служении Родине, – которые постоянно – словно морозящий дождь – присутствует в его сознании...

В процессе развития китайской поэзии сформировалось множество *символов*. Образ *ивы* стал символом нежелания расставаться, поскольку слово «ива» [‘柳’ – liǔ] звучало так же, как слово «оставаться» [‘留’ – liú], что привело к возникновению обычая дарить отъезжающему ивовую ветвь, подчеркивающую грусть расставания. Образ *журавлей* символизировал ностальгию скитальца, поскольку вид перелетных птиц вызывал у странников тоску по родному дому. Перелешин, несомненно, знал о существовании этого символа. Образ журавлей появлялся в его стихотворениях «Майя» (1942) [6, с. 101], «Ностальгия» (1943) [6, с. 118], «Прощание» (1944) [6, с. 101], «Дом» (1944) [6, с. 248], «Необычайный день» (1973) [6, с. 425], а также в венке сонетов «Поэма о мироздании» (1944) [6, с. 195–210]: «Счастье – север, счастье – дорога. / Там у нас живут журавли: / улетят, а весной – вернутся» («Дом»).

В стихотворении «Дом» есть и другие символы, вызывавшие философские раздумья («сосна», «буддийский рай», «Храм Неба»). Сосна символизирует долголетие, нестигаемость характера и принципиальность человека; бамбук и зимние абрикосы рассматриваются как символы героизма. В конфуцианском каноне «Луньюй» есть строки, в которых восхваляется «верность» человека: «Сосна и кипарис последними увядают при морозе, но старыми себя не ощущают» [岁寒，然后知松柏之后凋也]. Храм Неба выражает космологический взгляд на «единство человека и природы» [天人合一], а его образ указывает на духовную мощь Китая.

Вторая строчка стихотворения «Дом» («...В золотом буддийском раю / пусть волненья мои остынут!») демонстрирует знание Перелешиним буддийской поэзии, развитие которой было характерно для эпохи Тан, когда многие поэты (Ван Вэй, Ду Фу, Ли Бо и др.) стали выразителями идей этого учения и предложили *личные* варианты буддийской практики. Огромное воздействие на лирику оказали стихи Ван Вэя (его нередко называют «Буддой поэзии»), который использовал образы окружающего мира для выражения душевного состояния, т. е. «объективное» применялось для раскрытия *субъективного*. Этот принцип был реализован в четверостишии 《鹿柴》 [«Олений лог»], которое Перелешин включил в антологию «Стихи на веере»: 空山不见人， / 但闻人语响。 / 返景入深林， / 复照青苔上 [В пустых горах не видно никого, / Но слышен голос человека. / Тени заходящего солнца нимбом проникают в лес / И блещут на темном мхе].

Талант Ван Вэя проявлялся не только в поэзии, но и в *изобразительном и музыкальном* искусствах. Стихотворение передавало *восприятие звуков* – так, как их слышит музыкант; *понимание света* – так, как его представляет художник и *отбор слов* – так, как это делает поэт. Ван Вэй воспроизвел тишину пустынной долины, лежащей в глубоком мраке: слышится разговор людей, однако лирический герой никого не видит. Такая сцена помогала читателю представить густые леса и высокие горы, а отрывки разговора подчеркивали пустынную и тишину гор. Темнота леса подчеркивалась контрастом между бликами, создаваемыми косыми лучами, и бесконечным пространством мрака. Анализируя стихотворение Ван Вэя, мы приходим к выводу, что в нем при помощи образного описания пейзажей передавались *буддийские* размышления героя и просветление в процессе медитации.

Творчество Ван Вэя глубоко повлияло на русского поэта. Рассмотрим перевод стихотворения, сделанный Перелешиним: Людей в пустынных не найти горах, / Но голоса доносятся, тихи. / Лучи заката, преломясь в лесах, / Зеленые чуть освещают мхи. Переводчику удалось воссоздать художественный мир Ван Вэя: перед читателем открывается типичный для китайской живописи ландшафт, вызывающий философские размышления.

В стихотворении «Картина» (1940) [3] воспроизведен пейзаж, созданный по законам композиции китайской живописи, для которой было характерно перемещение взгляда наблюдателя от дальнего плана к ближнему (аналогичный приём постоянного изменения точки зрения применялся и в стихотворении Ван Вэя). Поэт Су Ши (1037–1101) отметил, что поэзия Ван Вэя «наполнена» пейзажами [9]. Перелешин в «Примечаниях» к антологии

«Стихи на веере» развил эту мысль: «...Видя его картины, слышишь его стихи, а слыша его стихи, видишь его картины» [5, с. 39].

Понятие ‘意境’ характеризует поэтическое пространство, в котором гармонично сочетаются внутренний и внешний мир, реальность и нереальность. Оно обозначает не случайное сочетание субъективных идей или тривиальное соединение «объективных» образов, а *развитую форму* образности, *систему*, выражающуюся через единение субъективного и объективного миров: «реальное» пространство используется для организации в восприятии читателя «нереального», которое, в свою очередь, становится *сублимацией* реального; «нереальное» не только определяет облик реального, но и создает *эстетический эффект*. В ‘意境’ «нереальное» занимает главенствующее положение; при этом «нереальное» не может быть создано из ничего, – оно возникает только на основе конкретного описания реального пространства.

Рассмотрим стихотворение Перелешина «Карусель» (1944) [6, с. 273–274], в котором показываются *иллюзии* лирического героя, находящегося «в жару»: постель превращается в «карусель» и возвращает его «домой» – «в безоблачные дни». Используя типичный для китайской поэтики прием – сочетание внутренних эмоций с описанием окружающей обстановки, – поэт создал ряд образов («лошадка», «закат», «сад», «дом», «полукруг», «нежные руки»), воспроизводящих оставшийся в прошлом родной край и передающих глубокую тоску. Художественный мир стихотворения включает далекую родину – Россию, – и несколько «слоев» пространства Китая, где были «временные приюты» поэта-скитальца – Пекин и, возможно, Харбин; этот мир насыщен *печалью*, которая создается при помощи образов *запущенного пустыря* и *незастроенного сада*.

Китай был для Перелешина не только художественным пространством и образом, но и источником культурных ассоциаций и стилевых приёмов. Его произведения были насыщены характерными для китайской поэзии приемами: выражением эмоций через описания конкретных эпизодов, постоянным изменением позиции созерцателя, использованием анафор и т. п. Слияние субъективных чувств поэта с образами окружающего мира – то есть качество, предполагавшееся ‘意境’, стало принципом его творчества, из которого проистекали другие особенности поэзии – лаконичность и музыкальность, сочетание «реального» пространства с «духовным», философско-религиозных размышлений – с картинами жизни. Китайская культура и литература расширяли тематику творчества русского поэта, позволяли ему обрести душевное спокойствие.

Список литературы

1. Дао Дэ Цзин / В. Перелешин // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. – № 3. – С. 144–161.
2. Красноярова А.А. Русские эмигранты как переводчики китайской поэзии // Казанская наука. – 2020. – № 6. – С. 11–15.
3. Перелешин В. Звезда над морем. – Харбин: Заря, 1941. – 31 с.
4. Перелешин В. Жертва. – Харбин: Заря, 1944. – 51 с.
5. Перелешин В. Стихи на веере: антология китайской классической поэзии. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1970. – VI; 41 с.
6. Перелешин В. Три родины: Стихотворения и поэмы. Т. 1. М.: Престиж Бук, 2018. – 608 с. [Серия «Золотой серебряный век»].
7. Перелешин В. Южный дом. – Мюнхен: Изд. авт., 1968. – 47 с.
8. Цюй Юань. Ли Сао: поэма / [в стихотворном переводе с кит. orig. В. Перелешина]. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1975. – 27 с.
9. 苏轼, 《东坡题跋》【М】, 杭州, 浙江人民美术出版社, 2016年, 260页。= Су Ши. Запись Дунпо. – Ханчжоу: Изд-во «Чжэцзянское народное искусство», 2016. – 260 с. (на кит. яз.).

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

А.А. Калитник

Череповецкий государственный университет,
филологический факультет,
кафедра отечественной филологии и прикладной коммуникации,
Череповец, tancazu@gmail.com

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РОЛЬ ЗАГЛАВИЯ В ПОВЕСТЯХ С.В.ЭНГЕЛЬГАРДТ
«НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ, А ТАК КАК БОГ ВЕЛИТ» И
«НА ВЕСЬ СВЕТ НЕ УГОДИШЬ»**

В статье рассматривается творчество С.В. Энгельгардт 50-х гг. XIX века. Анализ проводится на примере жанра повести. В качестве инструментов применяются такие категории поэтики, как жанр, сюжет, хронотоп, персонажи и формы повествования.

Ключевые слова: повесть, сюжет, хронотоп, конфликт, формы повествования.

Имя Софьи Владимировны Энгельгардт (1828-1891) – мало известно широкому кругу читателей. Между тем она была незаурядным представителем литературного процесса своего времени. Энгельгардт вела активную переписку с писателями и поэтами: И.С. Тургеневым, Ф.М. Достоевским, А.А. Григорьевым, А.Н. Островским. Особое место в ее биографии занимает переписка с А.А. Фетом, опубликованная Н.П. Генераловой [4, 43].

На первом этапе своего творчества (конец 1840-х гг.) Энгельгардт писала стихи на французском языке и занималась переводами с русского на французский. В 1853 году в журнале «Отечественные записки» был опубликован ее первый рассказ — «Деревня». В дальнейшем Софья Владимировна печатается на страницах таких известных журналов, как «Библиотека для чтения», «Современник», «Русский вестник».

Современники по-разному отзывались о творчестве Энгельгардт. Так, А.В. Дружинин в обзоре «Письма иногороднего подписчика» дает положительный отзыв на повесть «Суженого конем не объедешь» (ОЗ, 1854, №7). Д.И. Писарев, напротив, в статье «Прогулка по садам русской словесности» критически отозвался о повести Энгельгардт «Где же счастье?» (РВ, 1864, №9).

Основным жанром в творчестве писательницы была повесть, хотя она также написала две пьесы и несколько рассказов. Названия ее пьес («Ум придет - пора пройдет», 1855, «Конь о четырех ногах, да спотыкается», 1856) отсылают к пьесам А.Н. Островского, написанным в славянофильский период и связанных с эстетикой и этикой народной жизни. Энгельгардт прибегает к подобным пословичным названиям не только в пьесах, но и повестях: «Не так живи, как хочется, а так — как Бог велит» (Современник, 1854, №12) и «На весь свет не угодишь» (ОЗ, 1855, №2). Название первой из этих повестей частично совпадает с написанной в том же году пьесой А.Н. Островского.

Обращает на себя внимание тот факт, что Энгельгардт (как и Островский) перефразирует известную пословицу. В книге В.И. Даля «Пословицы русского народа» (1853) она звучит следующим образом: «Живи не как хочется, а как Бог велит». Даль приводит следующие значения пословицы: «живи правильно, не нарушая моральных правил; 2) нужно быть готовым к тому, что не все, что хочешь, сбудется» [2, 826]. Однако в ней главное не просто моральный, но религиозный императив. Название повести «На весь свет не угодишь» тоже можно истолковать, обратившись к словарю В.И. Даля. Энгельгардт использует отчасти перефразированную пословицу «На всех не угодишь». В статье, определяющей значение слова «угодить», сказано: «Угодить — сделать так, как другому любо, угодно, приятно или

нужно». В качестве примера приведена пословица: «Правду говорить — никому не угодить» [3, 666]. Пословичное название, являясь одной из сильных позиций текста, его рамочным компонентом, уже включает в себе авторскую точку зрения, которая будет раскрыта в произведении.

В обеих повестях сюжет связан с изображением семейных, личных отношений. Если в повести «Не так живи, как хочется, а так как Бог велит» конфликт основан на взаимоотношениях между тремя персонажами: Виктор Тарбенева, Анна Кремницкая и Елизавета Петровская, — то во второй повести любовный треугольник усложняется и становится «многоугольником»: Брежнев, Александра Михайловна (фамилия не названа; близкие называют ее Алина), Магдалина Елецкая и ее муж. Действие в обеих повестях разворачивается в Москве, в различных ее местах: Сокольники, Останкино, Остоженка и др. Более частный топос — дворянская усадьба (как в самой Москве, так и за ее пределами), быт и устройство которой Энгельгардт описывает очень подробно. Время действия точно датировано только в повести «Не так живи, как хочется, а так как Бог велит», но дата появляется в самом конце: 1852 год. Как указывает автор, это год свадьбы Тарбенева и Анны и год, когда Тарбенева познакомился с Петровской.

Автор — повествователь нередко дает непосредственную оценку характерам и поступкам героев; в то же время прибегает к психологическому объяснению их взаимоотношений. Как становится ясно, каждый из персонажей преследует свою цель, которая может усложняться по мере развития сюжета. Герои стремятся преодолеть возникающие препятствия и стать счастливыми. Счастье для каждого из них заключается в обретении настоящей любви, которую главный герой так и не может обрести. Виктор Тарбенева переносит искусственный идеал красоты на представление о своей невесте. Автор называет такую любовь «ослеплением». Виктор влюбляется в созданный им образ, а потом жестоко разочаровывается, когда Анна в различных ситуациях открывается для него с неожиданной стороны. Характерными чертами ее натуры, как показывает Энгельгардт, являются упрямство, эгоизм и глупость. Внутренние метания героя усиливаются, когда он влюбляется в родственницу Кремницких, Елизавету Петровскую. Цель Виктора теперь — расстроить свадьбу, мешающую его счастью, но с морально-нравственной точки зрения герой не способен на подобный поступок. Елизавета Петровская тоже далека от идеального женского образа. Ее любовь не менее эгоистична, чем любовь Анны. Финал оказывается трагичен для главного героя, вынужденного, в силу данных им обязательств, жениться на нелюбимой женщине. Так, развязка сюжета повести напрямую перекликается с ее заглавием, хотя религиозный аспект в повести не очевиден. Авторский вывод касается только судьбы Анны: «Одно могу сказать наверное: Анна совершенно счастлива» [7]. Сама по себе фигура умолчания — повествователь не говорит о чувствах Виктора, о его дальнейшей судьбе — оказывается минус — приемом, рассчитанным на сотворчество читателя.

Любопытно, что автор — как свидетельствует финал — является если не участником событий, то персонажем, который находится внутри созданного ею художественного мира. Сообщая о том, что Петровская уезжает из Москвы, автор уточняет: «Я в это время искала квартиры на зиму, и мне посоветовали дом, где жила Петровская» [7].

В повести «На весь свет не угодишь» сюжет тоже связан с развитием личных, любовных отношений между персонажами. Главный герой повести характеризуется неоднозначно. Сергей Николаевич Брежнев — дворянин, занимающий высокое положение в обществе, образованный, мыслящий человек. Он способен заступаться за слабых, не лишен эстетических чувств: видит красоту природы (пейзажей в его родном Васильевском). Однако доминантой его характера оказывается самолюбие и эгоизм; он не забывает «ни зла, ни добра» [6]. Внутренняя независимость позволяет Брежневу быть беспощадным в своих суждениях, далеко не всегда справедливых; более того, не считаться с чувствами других людей.

Внутренняя противоречивость характера героя проявляется прежде всего в личных отношениях. Создается впечатление, что он испытывает искреннее чувство к Алине, однако это не мешает ему начать флирт с близкой подругой Алины, Мадленой Елецкой. Для Брежнева чувства к Елецкой, как и для нее самой, — это, прежде всего, возможность избавиться от скуки. Авторское осуждение подобных отношений связано и с тем, что Иван Елецкий, муж Мадлены, искренне любит ее и не пытается выяснять отношения с соперником. Таким образом, смысл пословичного названия вновь оказывается связан с личностью главного героя.

Как отмечает Ю. Б. Орлицкий, «именно заглавие произведения остается в памяти читателя как его заместитель» [5]. Пословичные заглавия, которые использует С.В. Энгельгардт, позволяют рассматривать сюжеты ее повестей в контексте национальных представлений о нравственных нормах поведения человека, его праве на выбор поступка, но и ответственности за него.

Список литературы

1. Введение в литературоведение. Литературное произведение и термины: Учеб. пособие [под ред. Л.В. Чернец]. — М.: Высш.шк.; Издательский центр «Академия», 1999. — 556 с.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. Полное издание в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 984 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 736 с.
4. Ежегодник РО ПД на 1994 г. Санкт-Петербург., 1998. — С. 43-147.
5. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. — М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. — 358 с.
6. Энгельгардт С.В. На весь свет не угодишь. Повесть // Отечественные записки, 1855, №2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_s_w/text_1855_na_ves_ne_ugodish_oldorfo.shtml (дата обращения: 15.06.2021).
7. Энгельгардт С.В. Не так живи, как хочется, а так как Бог велит. Повесть. Современник, 1854, №12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_s_w/text_1854_ne_tak_zhivi_oldorfo.shtml (дата обращения: 15.06.2021).

*10.01.10***Ю.О. Любановская канд. филол. наук, А.А. Остапенко канд. филол. наук**

Институт гуманитарных наук,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, lakunamia@gmail.com, AAOstapenko@kantiana.ru

**ЭФФЕКТИВНЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ:
КАК УЛУЧШИТЬ РЕЗУЛЬТАТЫ?
ЧАСТЬ 2**

В статье рассматриваются способы повышения эффективности коммуникационного воздействия специального репортажа в рамках парадигмы конструктивной журналистики. В исследовании анализируются релевантность применения социологических и социобиологических методов для телевизионных практик на разных стадиях производства регионального инфопродукта: подготовки, анонсирования, работы над сценарием, вещания и организации обратной связи с аудиторией. В основе предлагаемых решений лежат публичные практики развития опыта принятия решения, кооперации, реципрокного альтруизма, преодоления пассивной агрессии и социальной депрессии.

Ключевые слова: *региональное телевидение, конструктивная журналистика, специальный репортаж, реципрокность, игры с ненулевой суммой, кооперация, репутация, социальная компетенция.*

Идея конструктивного журнализма (constructive journalism) или журналистики решений, появившаяся в еще в 40-х годах прошлого века, родилась в ответ на неприятие массовой аудиторией растущей сервильности СМИ (особенно государственных медиа, к каковым по понятным причинам относилось подавляющее число вещающих телекомпаний), недоверие к журналистам, с одной стороны, и поискам достойного места и роли медиа в условиях роста значимости публичной сферы и коммуникативного разума - с другой [5].

Изначально под конструктивной журналистикой понимался активный, вовлекающий формат подачи, тщательная передача реакции людей на происходящее, позитивный взгляд на будущее, основанный на более активном, чем традиционно принято, участии журналиста в формировании сюжета и его влиянии на действительность. Тенденция была услышана, подхвачена и, к сожалению, зачастую переиначена - советская журналистика, например, называла организационную функцию СМИ в числе фундирующей, наряду с идеологической и культурно-образовательной, хотя отводила ей скорее обслуживающую роль при агитационно-пропагандистском комплексе.

Реабилитация понятия и практик моделирования действительности через целенаправленное расширение фокуса информационного повода пришла в России на годы перестройки, гласности, построения гражданского общества и обретения многими СМИ статуса независимых, чтобы они под этим ни подразумевали. Еще раньше началось обращение к методам журналистики решений в среде СМИ общественно-правового формата, например датских и нидерландских вещательных компаний. Несмотря на то, что исследователи и практики не всегда используют единообразные термины для обозначения явления, ренессанс феномена очевиден, а интерес к нему по-прежнему стоек, даже исходя из количества свежих референс и редакторских правок на тему на странице англоязычной Wiki (https://en.wikipedia.org/wiki/Constructive_journalism).

В данной работе под конструктивным журнализмом мы будем понимать такую доэфирную, эфирную и постэфирную организацию информации с последующим ее стратегическим воплощением, которая бы позволила моделировать решение текущих социальных вопросов и конфликтов на основе долговременного планирования. Данное

положение не входит в противоречие с институциональным характером медиа (быть “над схваткой”, сохранять объективность, избежать ангажированности), не отменяет и не подменяет функции мониторинга и контроля. Проводя аналогии в терминах внешней политики, медиа “понуждают к мирному решению” конфликтующие стороны, предлагая в процессе обсуждения и публичной проработки вариантов, найти приемлемое для всех сторон решение. Solution-focused reporting дает представление аудитории о том, чтобы она могла сделать с информацией, то есть не решает за нее проблему, но обозначает пути ее решения, в отличие, например, от таких программ-реконструкций как “Час суда”, “Дачный ответ” и т.п.

Специальный репортаж, по нашему мнению, является наиболее эффективным инструментом и форматом для конструктивной журналистики: презентация социально значимого конфликта двух и более сторон, выявления его причин и следствий, совместный поиск путей решения проблемы, консенсус и интеграция усилий – все его элементы гипотетически крайне востребованы современным обществом, пребывающим в стадии очередной социальной пертурбации. Причины, почему его роль так мала и незначительна в телевизионном эфире, была нами рассмотрена ранее [2]. Настало время рассмотреть пути повышения значимости и воздействующей силы данной жанроформы, отталкиваясь от недостатков и промахов вышедших в калининградский эфир передач в период 2019-2020 гг.

Наиболее сильно формат проигрывает из-за своей куцей функциональности в части целеполагания телепрограмм, которые сводятся к обозначению проблемы, номинации сторон конфликта и презентации их полярных мнений, но не приближают само решение проблемы. Интересен не столько результат, сколько процесс, причем его эмоциональная сторона. Повышение градуса эмпатичности, даже если оно связано с пониманием или ощущением чужой боли, возмущением несправедливостью, автоматически блокирует просоциальные действия, особенно в условиях стресса, к каковым мы можем отнести участие в прямом эфире. “Чем лучше человек контролирует эмоции, перенятые у другого, тем с большей вероятностью он будет вести себя альтруистически, просоциально” [4]. Усиление просоциального, общественно ориентированного поведения возможно реализовать через такие тематические направления или дополнительные фокусы темы конструктивной журналистики, как перспективность (планирование, прогнозирование, оценка прогресса), миротворчество (поиск точек соприкосновений, общих ценностей, опыт зрителей по социальному взаимодействию) и восстановительный нарратив (воспроизводимость результатов, преемственность), но они, как правило, находятся вне поля зрения тележурналистов из-за меньшей драматичности, якобы автоматически снижающей рейтинг. И напрасно – редактор и основатель популярнейшей в нулевые газеты Huffington Post Арианна Хафффигтон говорила, что постоянно обращается к воодушевляющему рассказу о людях и комьюнити, которые находясь в сложных ситуациях, тем не менее, находили силы решать и решали свои проблемы.

Выходом из сложившейся ситуации может стать изменения технологической карты производства специального репортажа, где значимую роль должны занять предваряющие процедуры рационализации проблемы: предварительной проработки возможных сценариев экспертами, доэфирного лингвистического программирования акторов на “результат с ненулевой суммой”, разработки непосредственного публичного поощрения реципрокного альтруизма в поведении участников в процессе съемок – всего, без чего не возможен конечный результат. Конечно, увеличивается доля пред- и постпродакшн, а значит расходов, но реальное разрешение конфликта становится зримым, а значит, растет репутационный капитал СМИ и остальных акторов, который можно рассматривать, в том числе и как некие инвестиции, так как есть опосредованные схемы монетизации положительного паблисити.

Вторая функциональная проблема связана с недопониманием своих выгод акторами публичной дискуссии. Прежде всего, необходимо выяснить и внятно артикулировать, какую выгоду рассчитывает получить каждая сторона, одновременно помня, что оптимальный результат для двух сторон вовсе не означает наилучший для каждой из них в отдельности. Камень преткновения зачастую лежит в том, что “потерпевшая сторона” хочет полной

справедливости здесь и сейчас, не готова к компромиссам и неспособна оценить издержки – ресурсные, моральные, организационные – другой стороны. Этологи называют в качестве причин этого либо синдром отсутствия “модели психического состояния другого”, либо “выученную беспомощность” (болезненное ощущение потери контроля или депрессия), когда вся ответственность и активность перекладывается на чужие плечи. Пошаговое алгоритмирование путей решения, выработка “дорожной карты” по решению проблемы, сопоставление плюсов и минусов на каждом этапе делает достижение компромисса более реальным, а соглашения о промежуточных результатах – более приемлемыми для обеих сторон. Акторы получают не только позитивный социальный опыт, развиваются социальные компетенции в принятии точки зрения другого, рост самооценки, но также мы “выключаем” пассивную агрессию и ажитацию, социальное напряжение, избавляемся от ярлыков и предрассудков, ломаем привычные и неэффективные паттерны поведения. Вместе с тем, необходимо помнить, что меритократические решения (каждому по заслугам) на порядок сложнее эгалитарной препозиции (всем всегда поровну), потому что последняя акцентируется лишь на конечном результате, а первая учитывает причины того или иного исхода, системность, понесенные издержки и значимость вознаграждения. Самоочевидно, что при выборе меритократической модели решения все вышеперечисленные аспекты должны быть артикулированы и доведены до сведения сторон и публики, чтобы они могли заняться перестройкой своей системы оценок “побед” и “проигрышей”. Стоит здесь отметить и выгоды медиа и массовой аудитории – между ними улучшается и становится понятным формат “рабочих отношений”, растет доверие, развивается творческое начало масс, придумывающих, предлагающих и оценивающих прогресс в решениях реальных проблем, с которыми они сталкиваются каждый день.

Третий функциональный казус является продолжением первых двух, отвечающих на вопросы “зачем” и “почему”, и связан с недопониманием формата взаимодействия, то есть ответом на вопрос “как”. Обычная практика взаимоотношений подразумевает либо формат возмездного рыночного обмена, либо бескорыстного альтруистического акта (разумеется, силовой вариант решения мы не будем рассматривать в принципе), например, в игровых шоу или программах типа “Кто хочет стать миллионером” или “Жди меня”. Первый отличает паритетность сторон, четкое следование регламенту непосредственного взаимодействия, оговоренную стоимость транзакции, что не очень вяжется с нашей задачей – решения социальных проблем. Во втором случае нормативность отсутствует в принципе, и речь о возмездном поощрении не идет, поэтому транзакция будет носить разовый или случайный характер. Возможной альтернативой обычной практике может стать реципрокный альтруизм – возмездное опосредованное (или отложенное) взаимодействие, в котором стороны подразумевают и незримо оценивают стоимость “социального контракта”, но не оговаривают сроки и формат благодарности за “дар”. По сути, это “игра с ненулевой суммой”, при которой нет единственного выигравшего всё, но есть некий общий положительный результат. “Условия «сделки» нигде не оговариваются, но однозначно понимаются, поскольку участники реципрокных отношений умеют декодировать смысл даров, не выходить за допустимый диапазон просьб и выдавать ожидаемые реакции на призыв о помощи” [1]. И что для нас особо значимо, данная практика является “рабочей” для многих популяций. Почему это работает?

Во-первых, как говорят этологи, подкрепление коллективистских интенций для нашего вида уже само по себе является наградой, так как ассоциировано с сотрудничеством, кооперацией, взаимовыручкой, то есть действиями закрепляющими обратную положительную связь. Во-вторых, вертикальные социальные контакты, строящиеся на использовании административного или иного ресурсного капитала, в отличие от горизонтальных социальных связей, строящихся за счет социального капитала (капитала доверия), ставят стороны конфликта в неравную позицию [3]. Неравный доступ к ресурсам формирует отношение зависимости, что определяет дальнейший формат взаимодействия. Реципрокные отношения глубоко персонализированы, так как медиа проводят уравнивание

значимости субъектов конфликта за счет перераспределения публичного и репутационного капитала. В-третьих, рыночный обмен не всегда подходит для решения морально-этических конфликтов, так как при таком обмене всегда жестко проговариваются условия сделки, выторговывается режим благоприятствования для себя в ущерб контрагенту, что вовсе не обязательно предполагает общность культурного пространства. Реципрокность основывается на внутриличностной “калькуляции цены” социальных трансферов [6], догадливости в рамках культурного контекста, а личностный аспект и всякого рода персонализация (или мимикрия под нее) очень хорошо стимулирует альтруистические склонности людей. Наконец, реципрокность, в отличие от чистого альтруизма, подразумевает баланс выгод, хоть и отложенных в перспективе, и наказание (порицание) за нарушение “социального контракта”. Выгодой для стороны ответчика может выступать публичный репутационный капитал, так как “плата может быть самой разнообразной, вплоть до почтительного отношения к дарителю” [1]. Так, “поддержка социального статуса, собственной репутации иногда приводит к щедрости в социальном контексте, если гордость за себя основывается на честности, культурных стандартах, публичном социальном одобрении (много свидетелей героического поступка) так называемого “мужчины-общественника” [4]. Если говорить о более масштабных репутационных эффектах, то можно вспомнить средовую теорию “разбитых окон”, когда снижение норм жизни, демонстрация полного безразличия (или неспособности) властей провоцировали людей на аналогичные или даже худшие поступки, однако доказана тенденция, имеющая и диаметрально противоположную реакцию. Необходимо помнить, что в массе своей носители коллективных ценностей социума по типу восприятия информации являются адаптерами, то есть склонны дольше рассматривать и лучше запоминать именно “контекстуальную” информацию и окружающую обстановку, общие тренды в коммуникации, наработанные поведенческие паттерны, что делает воспроизводимость получаемых в ходе программы эффектов крайне важной, а их систематическую демонстрацию, анонсирование обязательными, так как “реципрокность предполагает рутинизацию и ритуализацию дарообмена” [1].

Список литературы

1. Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003. № 2. - с. 23,24.
2. Любановская Ю.О. Эффективный специальный репортаж: что мы делаем не так? // Казанская наука. 2019. №12. - с. 52-56.
3. Радаев В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. - с. 5-17.
4. Сампольски Р. Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. - с. 155, 100.
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2001. - с. 32.
6. Якубович В. Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Составитель и научный редактор В.В.Радаев. - М.: РОССПЭН, 2002. - с. 220.

*10.01.10***Ф.Х. Миннуллина, Л.Ш. Гарипова, Г.А. Хуснутдинова**

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ,
отдел литературоведения,
отдел Центра письменного и музыкального наследия,
отдел текстологии,
Казань minnullina77@mail.ru, leilyashamilevna@mail.ru, kh-gulnaz71@mail.ru

ИСТОРИЯ ТАТАРСКОГО КИНО: «КИНОСЦЕНАРИЙ «КОМЕТА» И ЕЕ АНАЛИЗ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ»

В статье рассматривается творчество А. Рахманкулова в контексте татарской периодической печати. Особое внимание в статье уделено фильму “Комета”. Освещаются ранее опубликованные работы на данную тему.

Ключевые слова: *Ахмет Тажетдин Рахманкулов, история, кинематография, наследие, киносценарий.*

Татарский народ дал миру много известных и выдающихся личностей. Среди них есть писатели, ученые, деятели искусств, политики. Однако при изучении жизни и деятельности известных людей, оказавших значительное влияние на духовно-культурное развитие народа, выясняется, что еще много «белых пятен» и многое осталось в тени, за пределами круга исследований ученых. Изучая историю своего народа, возрождая национальные традиции и обычаи, мы воспитываем любовь, веру в свой народ. Чтобы сохранить язык и культуру, нужно знать историю, корни, деяния предков. Мы должны вернуть народу уже позабытые имена людей, внесших существенный вклад в развитие литературы и культуры. Как известно в XX веке под репрессии попадали видные деятели науки и искусства. Одним из таких является писатель, редактор газеты «Хөр милләт» («Свободная нация»), ратовавшей за идеи освободительного движения татарского народа Ахмет Тажетдин Рахманкулов. Писателем были написаны пьесы «Чингизхан» («Чынгызхан», 1914), серия драм: «Пропась» («Упкын», 1925), «Волны подо льдом» («Су астында дулкын», 1926г.), «Когда всколыхнулся мир» («Жиһан тетрәгәндә», 1926), «Черные тени» («Кара күләгәләр», 1931) и др. Его пьесы ставились не только на татарской сцене, но с успехом шли и в русских театрах, по его киносценариям были сняты художественные фильмы. В свое время Нил Юзеев в труде «Художественная красота и мастерство» («Сәнгатьчә матурлык һәм осталык») писал: «...наверно, уже пора изучить творчество А. Рахманкулова и определить его место в истории татарской литературы» [10,136]. После репрессий творчество А.Т. Рахманкулова оказалось забытым на многие годы, архив, содержащий его произведения и документы, был утерян.

В изучение жизни и творчества писателя много сил вложил Ю. Сафиуллин. Он исследовал архивные документы, встречался с родственниками писателя, собрал материалы и опубликовал статьи о драматурге. Режиссёром Фаритом Бикчантаевым была поставлена драма «Боз астында дулкын» («Волны подо льдом»).

«То ли театральные критики были заражены пролеткультовской болезнью, но в каждой своей рецензии они А. Рахманкулова обвиняли в политических ошибках. В довершение всего к А. Рахманкулову прилепили ярлык «писатель-натуралист». Драматурга, несмотря ни на что продолжавшего писать по-своему, стали называть «буржуазным писателем», что могло повлечь опасные последствия для писателя [9, 73]. Таким образом, критики 20-30-х годов прошлого века постоянно обвиняли его в «национализме», «внедрении буржуазной идеологии в литературу» и т.п. [9, 73]. Н. Юзеев вспоминает: «Наки ага Исанбет, Амирхан ага Еники рассказывали о том, что в 20-х годах XX века в Татарском государственном академическом театре пьесы А. Рахманкулова имели неизменный успех: «Когда в театре шли

трехсерийные пьесы А. Рахманкулова «Боз астында дулкын» («Волна подо льдом»), «Упкын» («Пропась»), «Үлмәс ханым» («Бессмертная дама»), для предупреждения беспорядков у театра всегда дежурил конный милиционер. Постановки его пьесы превращались в удивительное событие и для самого театра» [10]. Почему имя татарского писателя – талантливого сына своего народа, получившего известность даже и в русском мире, наряду со многими нашими писателями было подвергнуто жестокой критике, а пьесы были вычеркнуты из репертуаров театров? Как известно, во второй половине 1920-х годов усилилось идеологическое давление коммунистов на писателей, репрессии ослабили и вогнали в жестокие рамки творчество писателей, не оставив им никакой возможности свободно высказывать свои мысли. А. Рахманкулову пришлось писать именно в это тяжелое время. Хотя его пьесы успешно ставились на театральной сцене, однако в свое время не были опубликованы и в 1937-х годах окончательно утеряны. Актриса Фатима Камалова отмечает, что писатель и в 30-х годах писал сценарии: «Я видела Рахманкулыя последний раз в 1935 году во время нашей театральной поездки в Самарканд. Мы встретились с ним в городском саду. Он рассказал, что написал киносценарий «Мәчет астында» («Под мечетью») и ещё заканчивает другой сценарий». [10]. «Драматург, известный под именем Ахмет Тазетдин Рахманкулов, написал сценарии под названиями «Боз астында дулкын» («Волна подо льдом»), «Упкын» («Пропась»), «Үлмәс ханым» («Бессмертная дама»), «Жиһан тетрәгәндә» («Когда сотрясалась вселенная»), «Килмешәк» («Пришелец»), «Сафура», «Аферист», «Тигәнәк» («Репейник») и предложил снять фильм по ним. Московские кинематографисты отказались экранизировать их, тогда Рахманкулов решил сотрудничать с узбеками и азербайджанцами. Одно из его произведений было поставлено на сцене Казахского театра. Киностудия «Ленфильм» запланировала снять художественный фильм по пьесе «Упкын» («Пропась»), но лишь в 1928 году под названием «Мулланың өченче хатыны» («Третья жена муллы») фильм был снят и предложен зрителям. Но в титрах было указано, что автором сценария является Люсиль Сквайр, а режиссёром – Вильямс [5, 253]. Известно, что Москва, Петербург, Киев стали тогда кинематографическими центрами, где успешно снимались фильмы. Следует отметить и то, что до Октябрьской революции в Казанской губернии работало девять киноустановок. Такие же киноустановки были и в других губерниях, где проживали татары [5: 253]. В 1926 году «Таткино», «ощущая острую потребность в разработке художественно-бытового сценария из татарской жизни», объявляет «конкурс на 2 сценария: из жизни татар со времен феодализма, завоевания и до настоящего времени». Победителем стал молодой партийный работник из Агрыза Абдрахман Шакиров. По его заявке известный киносценарист Натан Зархи написал сценарий фильма «Булат-Батыр», режиссером которого стал Юрий Тарич. О том, как проходили съемки фильма, вспоминал известный татарский композитор Джавдат Файзи: «Вот уже несколько дней с языка не сходит весть о том, что группа из Москвы будет снимать у нас фильм «Булат-Батыр». Съемки шли в Кремле, на берегу Казанки... Возле кремлевских стен, на берегу Казанки, на нижних этажах башни Сююмбеки видны пестро одетые люди, многие в чалмах, в чапанах» [1, 39]. В 1928 году в прокат вышел первый фильм о татарах «Булат-батыр», который остается самым значимым для Казани артефактом времен немого кино.

Второй фильм, посвященный жизни татар – это картина «Койрыклы йолдыз» («Комета») по пьесе А. Рахманкулова «Пропась». Она была снята товариществом под руководством режиссёра студии «Восточное кино» В. Инкижинова. На широкие экраны фильм вышел летом 1930 года. История создания данного произведения писателя последовательно освещалась и подвергалась критике на страницах периодической печати того времени. Газета «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан») оценивает картину как «непригодную и по идеологии, и по художественным характеристикам». Были озвучены такие мысли, что Заки Баязитский очень плохо сыграл роль учителя (хальфы), татарские богачи не показаны как эксплуататоры. В статье отмечалось, что хотя картина и была снята в Казани на местном материале, режиссёр не смог раскрыть и передать национальный уклад жизни татар [8].

Такие рассуждения объясняются требованиями того времени, преобладанием вульгарно-социологических взглядов в критике. Как отмечает Н. Юзеев, картина стала одним из фильмов, снятых на высшем уровне, и по своему идейно-художественному воплощению соответствовала требованиям тех лет. Это подтверждает и то, что картине было уделено много внимания и на страницах таких журналов, как «Яналиф», «Безнең юл» («Наш путь») «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан») [2-3; 6-8], и участие в нём артиста кино и режиссера В. Инкижинова, а также то, что помощником режиссёра стал Каюм Поздняков, исполнителями главных ролей известные артисты – Галина Кравченко и Заки Баязитский. (Уроженка Казани Галина Кравченко, начав учиться во французской гимназии в Москве, прервала обучение и поступила в школу театра балета, затем закончила Московский техникум кинематографии. С 1919 года начала сниматься в кино и вскоре получила заслуженное признание зрителей, в картине «Комета» сыграла главную роль – роль Хаят.) О съёмках фильма сохранились воспоминания актрисы Галины Кравченко: «Чтобы вжиться в свою роль, мне пришлось бывать в домах, где проживают татары, общаться с татарскими семьями, а также учиться не только носить калфак и повязывать шаль, но и как правильно вести себя в той или иной ситуации» [3]. События в фильме происходят в 1900-х годах в Казани. В сюжет картины вплетена история любви кучера и служанки купца. Автор удивительно тонко чувствует и передает исторический материал. В итоге, как было освещено на страницах печати того времени, «вопросы реквизита, массы, типа, а также все вопросы, касающиеся работы над картиной, всегда решались положительно. Жители и соответствующие учреждения Казани всесторонне помогали» [6].

В заключении отметим, что своим творчеством А. Рахманкулов внёс значительный вклад в развитие татарского искусства кино.

Список литературы

1. *Алексеева Е.П.* «Таткино» - первая киноорганизация поволжья // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. – 2016. – № 4.
2. *Арат.* “Койрыклы йолдыз” картинасын алу йомшак бара // Кызыл Татарстан. – 1929. – 4 июль.
3. *Арат.* Хаят ролендә – Галина (“Койрыклы йолдыз” картинасыннан) // Безнең юл. – 1929. №11.
4. *Загрутдинова А.* 15-минутный путеводитель: история татарстанского кино в пяти главных фильмах // Инде: <https://inde.io/article/14970-15-minutnyy-putevoditel-istoriya-tatarstanskogo-kino-v-pyati-glavnyh-filmah>
5. *Зарипов Ә.* Кинематография, телевидение һәм Тукай // Духовное наследие: поиски и открытия. – Казань: ИЯЛИ, 2016. – Вып. 1. – С. 253.
6. Кинорежиссеры Инкижинов // Кызыл Татарстан. – 1929. – 18 июнь.
7. Кино яңалыклары // Кызыл Татарстан. 1929. – 9 июнь.
8. Койрыклы йолдыз // Кызыл Татарстан. – 1929. – 3 ноябрь.
9. *Сафиуллин Ю.* Атылган йолдыз // Идел. – 2000. -№ 9. – Б.70-76.
10. *Юзеев Н.* Кино һәм татар әдәбияты <http://gabdullatukay.ru/tukay-science/scientists/yuziev-n-kino-hem-tatar-edebiyaty/>.
11. *Юзиев Н.Г.* Сәнгатьчә матурлык һәм осталык. – Казан: Татар.кит. нәшр., 1995. – 233б.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

А.Р. Дадаева

Чеченский государственный педагогический университет,
кафедра русского языка и методики ее преподавания,
Грозный, azalija7@mail.ru, atermlan@mail.ru

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ СОВЕСТЬ/ЧЕСТЬ
НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКОВ**

В данной статье проведен анализ концептов СОВЕСТЬ/ЧЕСТЬ в русском и чеченском языках, автором выделены сходства и отличительные особенности в лингвокультуре данных языков. Автор приходит к выводу о том, что репрезентация метафорического видения совести, чести позволяет утверждать о концептуальной сущности нравственного концепта и многообразной форме лексических средств его воплощения.

Ключевые слова: *концепт, лингвокультура, метафора, фразеологизмы, лексема.*

В каждой культуре картина мира складывается из целого ряда универсальных концептов, но в то же время у каждого народов эти концепты характеризуются отличительными чертами, которые и создают специфику национального самосознания.

Как утверждают современные исследователи, в структуре концепта можно выделить три основных слоя: понятийный, образный и ценностный Ю.С.Степанов, С.Г.Воркачев, В.И.Карасик, Г.В.Токарев и др. В нашем исследовании мы выделили ключевым объектом изучения семантические способы метафорической реализации концепта СОВЕСТЬ/ЧЕСТЬ в русском и чеченском языках.

Как отмечает Колесникова С.М., «соотносительный ряд понятий «Долг», «Честь», «Совесть», семантическая структура которых объединена архисемой «моральная ответственность», представляют собой этические категории человека-личности-деятеля и отражают морально-этическое и социальное представление о личности, его ценностях и жизненных ориентирах» [5, с. 139].

По мнению В. А. Масловой, концепт СОВЕСТЬ относится к числу нравственно-этических концептов, и несмотря на то, это относится универсалиям, тем не менее, имеет социокультурные различия [6, с. 82].

Как известно, понятие «совесть» можно рассматривать с различных точек зрения: психологической, религиозной, этической, философской и т. д. По мнению Ф. Гренюка, совесть следует рассматривать как один из аспектов религиозной и выделяет ее характеристики такие метафоры, как «глас Божий», «Божье око». Концепт СОВЕСТЬ встречается еще в летописях Киево-Печерской патерике:.. прибывал он в келье с чистой совестью...» [4, с. 76]. По мнению Ю. Д. Апресяна совесть также имеет метафорический смысл, характеризуется как «внутренний голос», «внутренний судья» [1, с. 353]. Исследователь М.В. Пименова указывает в своей работе на связь концептов «душа» и «совесть»: «возможно, совесть, часто проявляясь эмоционально, мыслится как часть души...» [8, с. 134]. Приведем в качестве сравнения определение совести у В.И.Даля: «нравственное сознание, чутье или чувство в человеке, внутреннее сознание добра и зла» [2, с. 349]. Как считает Т.Д. Радбиля, в русской ментальности совесть и стыд противопоставлены в рамках внутреннего и внешнего [7, с. 59]. В русской лингвокультуре концепт СОВЕСТЬ носит комбинацию чувства и знания, к примеру «спокойная совесть» - комфорт на душе, эмоциональное спокойствие, умеренность. «Эх, ты, совесть!...» - говорила героиня повести Н.С. Лескова, подразумевая ощущение вины, соответственно, концепт СОВЕСТЬ

неразрывно связан с нравственными установками личности. Реальное и предполагаемое отсутствие совести может служить и высказыванием упреков: «Бессовестные! Право, так и есть...» - гласила Марья Кузьминична (Л.Н. Толстой).

В произведениях русских писателей можно найти связь между совестью и понятием греха, к примеру: «Да, на моей совести большой грех» (М.А.Булгаков), «Лестница, как будто показывала Раскольникову, что ему придется заглянуть вглубь себя, отравленной грехом совести» (Ф.М.Достоевский). У М.Горького в романе «Ф.Гордеев», концепт СОВЕСТЬ отражает внутреннюю борьбу героя: «...иногда они со страхом говорят о совести, но порою мучаются в борьбе».

Примечательно, что некоторые выражения, связанные с концептом СОВЕСТЬ: «успокоить совесть, «мучает совесть», «муки совести», совесть спать не дает» и т. д. отражает живые проживания личностью этого состояния. Также с концептом СОВЕСТЬ связана и деятельность, выполнением какой-либо работы, к примеру: «выполнить на совесть».

Концепт СОВЕСТЬ/ЭХЬ-БЕХК в чеченском языке отражает наличие нравственного начала у личности, к примеру о совестливом человеке говорят : «эхь-бехк долу стаг» (чеч.яз.); и наоборот, человека бесчестного, коварного: «эхь-бехк доцу стаг» (чеч.яз.), что является выражением крайне негативного отношения[3, с. 649].

Но можно отметить, что в обеих лингвокультурах концепт СОВЕСТЬ отражает благо: «чистая совесть» - эхь-бехк долу стаг, делать что-л. на ~ть - даггара цхьа хлума дан; для очищения совести - дагахьбаллам ца бисийта.

Понятие чести относится также как и совесть, к морально-этическим категориям, регулирующим социальное поведение личности.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что понятие чести связано в первую очередь, с моральным сознанием, рефлексией субъекта. Во-вторых, честь выступает как нормативно-этическая социальная категория, определяющая правила хорошего поведения человека в обществе, соответствующего исторически сложившимся представлениям о долге.

В современном русском языке концепт ЧЕСТЬ представлен лексико-фразеологическим полем, доминантой которого является лексема честь;

- ✓ устойчивыми словосочетаниями: воинская честь, мужская честь, кодекс чести др. ;
- ✓ идиомами с заглавным компонентом: честь имею и др.;
- ✓ пословицами и поговорками: «Честь дороже жизни» [5, с. 139].

Языковая ментальность чеченского языка объединяет в концепте ЧЕСТЬ/СОВЕСТЬ нравственное чувство человека, его достоинства и совести. Основными нравственно-этическими категориями в системе духовных ценностей чеченцев считаются: оздангалла – благородство; кьонахалла – кодекс чести; сий – честь, достоинство; эхь-бехк – совесть, чувство долга. «Хьайн сий а, хьайн кьоман сий а ларде». – «Храни свою честь и честь Родины», гласит чеченская пословица.

Концепт ЧЕСТЬ в национальной культуре включает в свою структуру признак особой значимости сохранения чести - «сий лардар», «юьхь ларьяр», сохранить достоинство - «яхь хилар» - (чеч.яз.). У чеченского народа с давних времен существует нравственная категория, называемая ЯХЬ, в переводе означает поддержание собственного достоинства, чувство быть не хуже, чем все остальные. Чеченцы, придерживающиеся закона ЯХЬ, никогда не покажут свою бедность, не выразят страдание от недуга. Яхь у чеченцев — это в первую очередь мужская честь, достоинство, однако нельзя в то же время утверждать, что этот термин имеет определенную гендерную идентичность. Также встречаются определенные лексемы: «яхь йолу йол»- девушка, имеющее чувство собственного достоинства. С древних времен в самосознании чеченцев особенно отмечалось почтение к достоинству и чести горянки.

Примечательно, что в чеченской языковой картине мира находило отражение того, что «яхь хила еза» - человек должен иметь высокое чувство внутреннего достоинства.

В качестве примера можно привести выражения: «яхь йолу къонах» - человек чести, «добналлех ца вуху жима стаг» - сохраняющий лицо в трудных ситуациях, «юьхк1ай во1» - человек с незапятнанной честью и т. д. «Сий долчо, сий лардина - «Тот, кто имеет честь, уважает ее у других».

Отметим, что содержательно концепт ЧЕСТЬ имеет схожие черты, отраженные во фразеологизмах: к примеру: «Всякому своя честь дорога» - «Х1ора стеган шен яхь ларьян декхар ду» (чеч.яз); За честь голова гибнет «Шен яхь, сий ларьян дахар д1адала мегар ду» (чеч.яз); «Лучше умереть с честью, чем жить с позором» - «Юьхь 1аьржанонехь хуттучул стаг валар г1оле ду сий д1а ца луш» (чеч.яз); «Береги платье снову, а честь смолоду и др.» - «Жима волуш дуйна лардан деза сий» (чеч.яз). Чеченская поэтесса Г.Байтукаева использовала в своих стихах образ чистой совести, чести «Хьан юьхь ас ларйина сайн **эхь-бехк**, сайн сий сана». Бесчестный поступок воспринимается в чеченской культуре отрицательно и влечет репутационные потери. В качестве примера можно привести чеченскую пословицу: «Гиллакх - адамца хьоста санна хуьлу». — «Непорядочность или благородство не должно быть в сердце».

Таким образом, сравнительный анализ содержания концептов ЧЕСТЬ/СОВЕСТЬ в русском и чеченском языках дает возможность описать содержание, метафоричность и многозначность, показывает близкую связь, в которой находятся понятия нравственности, совести и сознания человека.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избр. тр. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. - М., 1995. - 478 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - Т. IV. М.: Русский язык, 1955. - 691 с.
3. Карасаев А.Т., Мациев А.Г. Русско-чеченский словарь. - М.: Русский язык, 1978. - 728 с.
4. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. - СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2011. - 480 с.
5. Колесникова С.М. "Категории "долг" - "честь" - "совесть" как показатели "высшей" моральной ценности человека в системе русского языка" // Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в неязыковых вузах- Рязань: ФСИН России, 2017. - С. 139.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. - М.: Юрайт, 2015. - 321 с.
7. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. - 328 с.
8. Пименова М.В. Концептуализация и объективации совести в языковых картинах мира. // Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира. Кемерово; Landau, 2012. С. 162-169. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 3).

10.02.01

З.М. Дударева, С.В. Минибаева, А.В. Кривицкая

Башкирский государственный университет,
Стерлитамакский филиал,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Стерлитамак, dudarevazm@mail.ru, sveta.minibaeva@yandex.ru, nastena.str@yandex.ru

УРБАГРАФЕМЫ В ИДИОСТИЛЕ ГОРОДА

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы формирования языкового портрета города. Авторы рассматривают язык города как феномен, специфика которого определяется лексико-семантическими, грамматическими и графическими особенностями. Акцент в данной работе сделан на специфике визуального восприятия городских вывесок. Новизна исследования заключается в изучении и описании языкового портрета провинциального города Стерлитамак Республики Башкортостан.

Ключевые слова: язык города; урбанонимы; идиостиль города; языковой портрет города.

Городская речевая среда, в которую погружен человек, – это многочисленные указатели, объявления, призывы, вывески, плакаты. Письменные тексты – неотъемлемая часть языкового портрета любого города, которая составляет идиокомпонент городского культурного пространства. Таким образом, можно говорить об индивидуальном языковом стиле городского пространства, отражающем коммуникативное творчество горожан и позволяющем характеризовать его как *неповторимый* стиль. В связи с этим по отношению к языковому пространству города уместно употребление термина «идиостиль».

Язык города состоит из номинаций различных городских объектов: 1) официальные названия учреждений, фирм, магазинов и т.д.; 2) названия улиц, площадей, переулков; 3) различные рекламные щиты; 4) тексты, используемые при оформлении витрин магазинов; 5) язык городской прессы и телепередач и др. [4, с. 30].

В данной работе мы рассмотрим лишь один вид текста городского пространства – официальные наименования различных учреждений, магазинов, салонов и т.п., зафиксированные на вывесках.

Урбаноним антропоцентричен, поскольку является отражением мировосприятия носителя языка – создателя данного номинатива. Следовательно, это одна из единиц городского дискурса, которая отражает специфику идиостиля города. Урбаноним выступает продуктом естественного процесса интерпретации знака, т. е. «поиска имени, способного выступить в качестве социально признанного знака, позволяющего партнерам по коммуникации "высветить" в своем перцептивно-когнитивно-аффективном опыте опоры, в достаточной мере подходящие для того, чтобы они могли служить базой для взаимопонимания» [2, с. 56].

Поскольку урбаноним рассчитан не только на понимание, но и на запоминание графического изображения, то последнее играет не менее важную роль, чем внутренняя форма лексемы. Причина активного использования различных графических средств – урбаграфем – в наименованиях городских объектов вызвана тем, что современные потребители быстрее реагируют на выразительные, яркие и краткие тексты.

Анализ урбанонимов г. Стерлитамака позволил обозначить несколько тенденций, связанных с явлением урбаграфем.

Первая тенденция – использование в текстах вывесок латиницы в том случае, когда наименование представляет собой иноязычное слово или словосочетание, например, кафе «RED MANGAL», «The Cafe mini»; ресторан «Mamounia Lounge».

На улицах города встречается и транслитерация русских слов латинскими буквами, например: ресторан «*BULVAR*». Иногда латинская буква используется в качестве заглавной в русскоязычном слове, например, в названии магазина табачных изделий и товаров для курения «Зажигалка».

Вторая тенденция – это шрифтовыведение. Суть данного приема заключается в замене шрифта, т. е. изменении размера, цвета, очертания букв, за счет чего в наименовании городского объекта реализуются новые ассоциативные связи. При этом одним из наиболее распространенных графических приемов является окказиональное словообразование – контаминация с графически выделенным сегментом. Например, в наименовании «*BEERBURG*» – часть «*BEER*» – «пиво», соединяясь с немецким словом «*BURG*» – «замок, крепость», образует сложное слово. Поскольку выделенная первая часть является частотной для вывесок города («*SBEERBANK*», «*BEERHOUSE*», «*BEERTIME*») и не требует перевода, то адресат сразу понимает назначение данного заведения. Использование латиницы делает урбаноним особо запоминающимся, а выделение его части рождает новые ассоциативные связи межъязыкового характера.

Наиболее распространены в написании городских пивных питейных заведений «слова-вкладыши», в которых выделенную часть можно рассматривать как отдельное слово, нередко раскрывающее имплицитный, скрытый смысл эргонима. Названия питейных заведений «*iceBEERg*», «*BeerЛога*», «*BeerЖа*», «*BEERlin*» в первую очередь воспринимаются как полноценные лексемы «айсберг», «берлога», «биржа» и топоним «Берлин», не имеющие отношения к пиву. Однако графически выделенное латиницей слово «*Beer* (пиво)», несет основную информативную и прагматическую функцию.

Третья тенденция – использование в текстах вывесок элемента параграфемки, определяемого как «знак какой-то другой знаковой системы, который до попадания в текст имел свое первичное значение, т. е. знак знаковой системы и конкретная функция, скрывающаяся за этим знаком» [3, с. 65]. Примером может служить название магазина по продаже табака и курительных принадлежностей «*T@б@чок*» (рис. 1), в вывеске которого присутствует знак @, сообщающий о том, что помимо прямого предназначения в данном заведении можно воспользоваться бесплатной сетью интернет. Такое употребление анализируемого знака является уникальным и не встречается в других вывесках города Стерлитамак.

Рис. 1 - Элементы параграфемки

Подобное употребление отмечается и для знака & (амперсанд), который заменяет английский соединяющий союз *and* в наименованиях городских объектов: магазины «*Хмель&Эль*», «*Светлое&Темное*», «*Красное&Белое*». Если в английском языке его употребление обусловлено экономией языковых средств, то в русскоязычных урбанонимах данный знак заменяет соединительный союз *и*, состоящий из одной буквы и служит своего рода «крючком», призванным привлечь внимание потенциального покупателя.

Четвертая тенденция – использование креолизованного текста, в составе которого наряду с вербальными (языковыми) применяются невербальные средства, позволяющие привлечь внимание потребителя, передать максимум информации в пределах небольшого по объему

высказывания. Замена слова картинкой повышает эффективность восприятия, поэтому на вывесках, например, питейных заведений Стерлитамака активно используются символы (картинки), заменяющие отдельные буквы. Например, в названии магазина «KEGA», торгующего разливным пивом, вместо буквы G изображена емкость с краником. На представленном ниже рисунке вместо буквы I в наименовании пивного бара «REPUBLIC» представлено изображение пивной бутылки (рис. 2). Подобные примеры В.П. Москвин определяет как графическую метафору [6, с. 77].

Картинка может сопровождать городское наименование, делая его понятным. Например, изображение пивной кружки, дублирующее наименование «Кружка» (рис. 3).

Рис. 2 - Креолизированный текст – 1

Рис. 3 - Креолизированный текст – 2

Наконец, пятая тенденция – использование в текстах вывесок элементов дореформенной графики, создающих уникальный графический образ. Примером может служить наименование магазина по продаже табачных изделий «ОГОНЁКЪ», в составе которого использована буква Ъ (ер).

Как показывает практика, в целях более активного воздействия на адресата номинаторы не ограничиваются представленными вариантами и часто объединяют различные способы урбаграфемы. Так, например, в наименовании питейного заведения «BEERбанкЪ» мы наблюдаем и выделение шрифтом основного продукта потребления, и использование буквы Ъ.

Представленные примеры наглядно демонстрируют то обстоятельство, что графическая специфика урбанонима становится одним из активно работающих элементов, выделяющих его на фоне других городских текстов.

Список литературы

1. Дударева З.М., Кривицкая А.В. Эргонимы в лингвокультурном пространстве города // Русский язык: история и современное функционирование: коллективная монография. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. – С.25-38.
2. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: Монография. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. – 240 с.
3. Кузьмич В.В. Применение элементов параграфемы при оформлении упаковки // Наука и техника. – 2014. – №2. – С. 62-66.
4. Ларина О.В. Интертекстуализм как один из видов семиотических подходов к изучению письменной системы языка города. // Язык города: Материалы Международной научно-практической конференции. – Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2007. – С. 29-32.
5. Минибаева С.В., Ермоленко Е.В. Лингвистические особенности урбанонимов города Стерлитамака Республики Башкортостан // Филологический науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Т. 12, Вып. 5. – С. 140-144.
6. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. – М.: Изд. ЛКИ, 2012. – 200 с.

10.02.01

А.А. Качанова канд. филол. наук, С.В. Сабурова канд. педагог. наук

Московский городской педагогический университет,
институт гуманитарных наук,
кафедра русского языка и методики преподавания филологических дисциплин,
Москва, AnjaLioutaja@yandex.ru, Svetlana.saburova@rambler.ru

СПЕЦИФИКА ЭТИКЕТНЫХ НОРМ РЕЧИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

В статье описываются особенности коммуникативно-этической грамотности студентов и преподавателей в связи с переходом на масштабное онлайн-обучение в вузах России. Актуальность исследования объясняется фактором трансформации устойчивых формул и выражений в принятых и предписываемых обществом ситуациях вежливого контакта с собеседником в начале XXI века. Студенты, перешедшие на масштабное онлайн-обучение в связи с пандемией 2020-2021 года, испытывают проблемы овладения нормами сетевого этикета, правилами речевого поведения в цифровой среде. Основным методом при рассмотрении вопроса специфики этикетных норм в цифровой среде начала XXI века стал описательный метод с элементами контекстуального анализа. В перспективе результаты анализа предполагают разработку практических упражнений, направленных на развитие грамотности в использовании этикетных норм и формул в письменной речи студентов вузов.

Ключевые слова: онлайн-обучение, русский язык, цифровая среда, этикетные формулы, этические нормы речи.

Понятие «речевое общение» напрямую связано с культурой речи носителя русского языка, что определяет владение нормативной базой языка и коммуникативными качествами устной и письменной речи [1]. Своеобразными минимальными нормами «коммуникативно-этической грамотности» в типовых ситуациях письменного или устного общения является этикет и его предписания [2]. Данная проблематика раскрывалась в работах таких исследователей как А. А. Акишина, Л. А. Вербицкая, Б. Н. Головин, Л. К. Граудина, Т. Ф. Ларина, Н. И. Формановская, Е. Н. Ширяев и др. Как утверждает исследователь Т. В. Ларина, речевой этикет – национально специфичные правила речевого поведения, реализующиеся в системе устойчивых формул и выражений в принятых и предписываемых обществом ситуациях «вежливого» контакта с собеседником [3].

Переход на масштабное онлайн-обучение в 20-х годах XXI века обострило ситуацию взаимодействия носителей русского языка в цифровой среде, проблему овладения правилами речевого поведения в сетевой коммуникации, то есть сетевым этикетом. В связи с пандемией 2020 года все вузы стремительно перешли на онлайн-обучение и стремились разрабатывать правила поведения студентов и преподавателей в цифровой среде в рамках дистанционного обучения, например, на базе платформы MS Teams.

Этические нормы письменной речи студентов – это, в первую очередь, правила должного поведения, основанного на нормах морали. Они воплощаются в этикетных речевых формулах в письменном общении коммуникантов. Методом сплошной выборки нами был проведен анализ 403 переписок в чате и по электронной почте студентов Московского городского педагогического университета с преподавателем, преподавателя того же вуза с преподавателем в рамках работы и обучения на базе платформы MS Teams. Анализ показал, что 91% отобранных нами переписок коммуникантов характеризуются наличием этикетных формул, 9% переписок между студентом и преподавателем не содержит этикетных формул. Заметим, что примеры отсутствия этикетных формул выпадают именно на переписку в чате студента с преподавателем на базе платформы MS Teams, в то время как в переписках

студента с преподавателем по электронной почте все известные нормы речевого поведения присутствуют. Объясняется это, по нашему мнению, тем, что письмо в электронной переписке воспринимается студентом как «электронный документ», который наделен определенной структурой и имеет обязательные клишированные этикетные формулы. В то время как чат рассматривается студентом как площадка для неформального общения с другими студентами и преподавателями.

Рассмотрим сущность и особенности этикетных норм письменной речи в цифровой среде. К этикетным речевым формулам можно отнести формулы приветствия и обращения по имени и отчеству (*Здравствуйте!, Добрый день, Иван Иванович! и т.п.*). В фактическом общении эти формулы используются студентами при написании электронного письма и сообщения в чат (по просьбе интервьюируемых мы заменили все фамилии, имена и отчества на Иванова Мария Ивановна и Иванов Иван Иванович, номера телефонов и сохранили орфографию и пунктуацию в примерах):

MS Teams (эл. письмо), 11.03,2021 14:12 Мария Ивановна, добрый день, а во сколько у нас с вами собрание? Я просто в календаре не вижу.

MS Teams (чат), 31.03,2021 11:48 Мария Ивановна, здравствуйте! Иванова М.И. сказала, что я могу Вам написать, попросить задание для зачёта.

При общении коллег по электронной переписке, этикетные формулы приветствия и обращения обогащаются именами прилагательными (*Уважаемый..., Глубокоуважаемый!*):

MS Teams (эл. письмо), 04.05,2021 15:54 Добрый день, глубокоуважаемая Мария Ивановна! Для решения этого вопроса необходимо мнение специалистов по направлению.

MS Teams (чат), 18.05,2021 09:18 Уважаемая Мария Ивановна, здравствуйте! Иванов выложил документы в Тимс. Посмотрите, пожалуйста.

В 3% случаев представленной выборки этикетные формулы приветствия и обращения при первом сообщении отсутствуют в переписке между студентом и преподавателем в чате MS Teams. Это может объясняться тем фактором, что преподаватель видит, от кого получено сообщение (фамилию, имя и отчество студента), понимает (из текста сообщения), что информация направлена именно ему и студент в таком случае сообщает конкретную информацию, пропуская этикетные формулы:

MS Teams (чат), 05.06,2021 08:27 Я студентка 2 курса. Пишу по поводу зачета по дисциплине «Мышление и письмо». Мне необходимо сдать Вам зачет, какие требования для сдачи этой дисциплины у Вас?

MS Teams (чат) 07.12.2020, 10:33 Вам пишет студент 2 курса Иванов Иван Иванович. У меня на назначенное вами время занятие с учеником, мы подготавливаемся к егэ, и пропускать ни в коем случае нельзя.

Пропуск этикетных формул в приведенном примере может быть объясним низким уровнем знаний этикета у студента. При повторном, к примеру, написании текста сообщения пропуск этикетных формул может быть объясним, хотя это говорит о низком уровне владения речевым этикетом. Приведем пример:

MS Teams (чат), 06.04,2021 10:40 Доброе утро, Мария Ивановна. Надо прийти в 12:15, чтобы вас успели пропустить, а то в 12:30 это уже начало урока самого.

MS Teams (чат), 08.04,2021 13:49 Мне не совсем понятно как оформлять дневник практики.

В данном примере студент ведет переписку с преподавателем по вопросу практики. Участники коммуникации отлично знакомы с темой проведения уроков, оформления дневников практики и других тем, связанных напрямую с прохождением преддипломной практики. В таком случае студент во втором сообщении продолжает тему, известную ему и преподавателю и, полагая, в связи с отсутствием времени, жанровых особенностей чата (лента сообщений, связанная одной темой) продолжает разговор на заданную тему, не используя при этом этикетных обращений снова.

Речевой этикет соотносится с вежливостью, уважением к партнеру по общению. Несоблюдение протокола вежливости со стороны студента свидетельствует о

возмутительном нарушении социокультурных норм, нежеланием соблюдать правила речевого этикета, например:

MS Teams (чат), 01.05.2021, 11:10 Ну, так что, по поводу заданий к зачету?

Подобные примеры составляют 2% из всей выборки.

Этикетные формулы прощания в цифровой среде обладают спецификой. Так, прощание в электронной переписке по почте и в чате между студентом и преподавателем, преподавателем и преподавателем организуется в стандартную формулу «С уважением». Далее перечисляются фамилия, имя, отчество, регалии, номер телефона, адрес и подобная информация:

MS Teams (эл. письмо) 05.04.2021, 15:47 Уважаемые преподаватели! Прикрепляю файл с расписанием сессии.

С уважением,

Иванов Иван, специалист учебного отдела

+ 7 900 00 00 00 0

MS Teams (чат) 09.03, 20:34 Добрый вечер! Хотела уточнить по поводу договора, как мне его правильно оформить? Завтра поеду в школу и если возьмут, оформлю договор.

С уважением, Иванова Мария, РЛ-171з (заочная форма обучения).

В 4% случаев формулы прощания отсутствуют в переписке между студентом и преподавателем в чате и при написании письма в MS Teams:

MS Teams (эл. письмо) 01.12.2020, 12:30 Здравствуйте, я из 213 группы пед. английский, мне, к сожалению, придется пропустить нашу пару сегодня, так как мне надо отвезти вещи в больницу бабушке, я могу скинуть задание по песне сюда, если можно.

Неоправданный пропуск этикетной формулы прощания студентом при написании письма преподавателю объясняется по нашему мнению низким уровнем знаний этикета данного носителя языка.

Подведем итоги. Профессиональная этика является регулятором профессионального общения, главные составляющие которого – профессиональные отношения и профессиональное поведение. Регулятором отношений служат кодексы этики, а регулятором поведения – правила поведения, то есть различные виды этикета [4]. Обучение студентов в цифровом формате на базе платформы MS Teams обязывает педагогов высшей школы служить примером в использовании этикетных норм в цифровых технологиях для общения со студентами. В переписке между преподавателем и студентом ни одного нарушения этикетных норм нами зафиксировано не было. Это говорит о проявлении высокого уровня компетенции, однако студенты не обращают должного внимания на «образцы» речевого поведения в чате и при написании электронного письма. Перспективой данного исследования должны стать глубокие методические разработки обучения нормам этикета студентов в цифровой среде, программы и разработки курсов повышения уровня знания официально-делового этикета, программы обучения этикетной письменной речи в чатах участников коммуникации «студент-преподаватель».

Список литературы

1. Качанова А.А., Сабурова С.В. Культура устного и письменного общения: Учебное пособие. – М.; СПб.: Нестор-История, 2021, С.4.
2. Качанова А.А., Сабурова С.В. Речевая культура и этикет в сетевом общении: Учебное пособие. — М.; СПб.: Нестор-История, 2021, С. 3.
3. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 181-184.
4. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 1997, С. 171.
5. Herring S.C. 2007. Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. Language@Internet (дата обращения: 04.06.2021).

10.02.01

А.Н. Печенюк

Ставропольский государственный педагогический институт,
кафедра русского, родных языков и лингводидактики,
Ставрополь, magronio@mail.ru

СПОСОБЫ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТАЦИОННЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевым условием в сознание всех членов русскоязычного сообщества особых компонентов прецедентных феноменов является ценностно-ориентационное пространство в рамках прецедентного мира «Великая Отечественная война». Модификация смыслов в рамках выражения архетипической дихотомии «хорошо – плохо» строится на возможности взаимодействия компонентов эпизодической и социокультурной памяти. Ценностно-ориентационное пространство прецедентного мира может быть определено как сфера приложения интенциональной рефлексии над изменяющимся вместе с объективной реальностью полем оценочности. В статье автор приходит к выводу о разграничении ценностной категории в контексте и пространстве специфической реальности осознания субъектно-объектной мировоззрения и мировосприятия.

Ключевые слова: *прецедентный феномен, ценностно-ориентационное пространство, социокультурная память, художественный дискурс.*

В условиях пристального внимания к вербализации ценностно-ориентационных компонентов социокультурной памяти, механизмам их создания и сохранения, все больший интерес вызывает иерархическая организация процессов ментального пространства прецедентных миров и включенных в них прецедентных феноменов. В аспекте интенсификации социокультурных компонентов наиболее интересным представляется прецедентный мир «Великая Отечественная война», именно художественные тексты авторов, являвшихся непосредственными свидетелями военных событий и участниками боевых действий, послужили в качестве эмпирического материала данного исследования.

Следует подчеркнуть, что процессы оценивания и их вербализацию в рамках опредмечивания феноменов прецедентного мира невозможно сводить к банальному следованию ценностно-ориентационным максимам конкретного общества, необходимо осознавать сложность процесса интенсификации всех возможных компонентов социокультурной и эпизодической памяти.

Цель исследования – выявление и описание способов вербализации ценностно-ориентационных компонентов феноменов прецедентного мира «Великой Отечественной войны» в русской языковой картине мира, а также разграничение интуитивных и рефлексивных компонентов в процессе репрезентации динамических изменений в содержательной структуре базовых концептов, раскрытие механизмов формирования особого пространства взаимодействия социокультурной и эпизодической памяти в «контексте изучения психоментального взаимодействия нескольких рефлексивных реальностей» [5, с. 639].

Наиболее отвечающим требованиям анализа способов вербализации ценностно-ориентационных компонентов следует признать герменевтико-ноэматический метод используемый в данном исследовании. Применение его приемов позволяет осуществить описание категории оценки в рамках различных представлений: онтологической, гносеологической и собственно метафизической; а также выявить пространство взаимодействия реального и рефлексивного опыта в процессе формирования ценностных компонентов прецедентных феноменов.

Ценностно-ориентационное пространство представляет собой специфический аспект гносеологической проблемы взаимоотношения человека с объективной реальностью. В наиболее общем смысле данная форма бытия человека может быть представлена в трёх планах: предметно-практическом, гносеологическом и аксиологическом. Анализ третьего аспекта в его формах, представляющих специфическую трихотомию: ценностно-ориентированное действие, ценностно-стереотипизированное отношение и ценностно-компаративное осознание, – реализуется в вербальном формате. Именно в языковом выражении, переосмыслении, имеющем интенциональные и интуитивные формы, стереотипизация возникает лишь в «отстранении» прецедентных феноменов от их реальных характеристик. Репрезентация ценностно-компаративных элементов под влиянием эпизодических компонентов наиболее ярко прослеживаются в достаточно небольшом периоде возникновения и развития прецедентного мира «Великая Отечественная война» [3].

В некоторых случаях следует подходить к исследованию ценностного пространства как метафизической области, что объясняется доминантами самой рефлексивной сферы, которая распространяет свое влияние по двум векторам: 1) ценностные устои мировосприятия; 2) имплементация компонента оценивания в другие области культуры и функционирование в качестве метафизического базиса [1, с. 49]. Философский план осмысления ценностно-концептуальной проблематики в прецедентном тексте как вербальной репрезентанте прецедентного мира включает онтологические и гносеологические аспекты. Аксиологическая рефлексия над событиями реального и ментального мира существует как отдельная область концептуализации. Социокультурные компоненты ценностно-ориентационного пространства органично входят в доминанты прецедентного пространства наряду с правовыми, моральными, научными.

Основным вопросом лингвистической аксиологии остается вопрос о содержании понятия «ценность». «Новейший философский словарь» видит в ценностях только функционально-нормирующую компоненту, – именно ценности формируют смыслообразующую базу осознанного бытия человека и таким образом задают осознанную мотивировку действиям [9, с. 60]. С подобной оценкой примата целеполагания в аксиологическом пространстве согласны многие ученые, например, А. В. Иванов подчеркивает, что намеренная гармоничная активность во взаимодействии с реальностью и есть суть ценностной надстройки рефлексивной реальности [8, с. 545]. Среди множества определений существуют и те, которые в качестве доминантной компоненты признают интенсификацию интерпретации прецедентного феномена. Можно сделать вывод о разграничении ценностной категории в контексте и пространстве специфического осознания в асимметрии волюнтаристического пространства мировосприятия.

Категория ценности является ключевой в каждой знаковой системе, а значит и система языковой репрезентации прецедентного феномена придает оценочности критерии историчности, социальности и культурологичности, что детерминируется поэтапным и продолжительным периодом ее формирования и становления как в символических, так и в образных компонентах её единиц в литературном языке. Именно по этой причине период Великой Отечественной войны является знаковым для развития русской языковой картины мира и литературного творчества. Процессы развития категорий оценочности в ретроспективе находятся в прямой зависимости от исторических судеб самих носителей русского литературного языка, отразившего смену взглядов на окружающий мир [10, р. 18], в частности, десакрализацию мышления и секуляризацию жизни русского общества в целом. Данный фактор нашел отражение в характере отбора оценочных средств в направлении от отдельной лексемы, либо имени квазистереотипа до устоявшегося вербализатора прецедентного феномена.

Эволюция аксиологической системы в период с 1939 по 1945 гг. проходит в рамках следующих процессов: 1) языковые единицы как маркеры вербальной экспликации ценностно-ориентационных компонентов [11]; 2) функция соответствующей оценки, присущей языковой единице в тот или иной период, трансформируется в другой период

вплоть до противоположной; 3) языковая единица приобретает потенциальную амбивалентность в рамках взаимодействия в индивидуально-авторском переосмыслении ядерных и периферических компонентов; 4) языковая единица, способная к передаче позитивной/негативной информации, начинает приобретать статус значимой в модифицированном ценностно-ориентационном пространстве в соответствующий период. Эволюционный характер ценностно-ориентационных компонентов на протяжении всего рассматриваемого периода четко просматривается как в формальном, так и в семантическом усложнении способов их вербализации, а именно: от специализированных на выражении аксиологических значений однословных диминутивов и диминутивных образований (*солдатик, ружьишко, смертушко*) – к синтагмам, текстовым фрагментам и целостным текстам; от однозначных, поляризованных оценок (*мучители, оккупанты, звери*) – к оценкам амбивалентного характера (*немецкие антифашисты, героическое отступление*); от оценок, ориентированных только на выражение позитивного/негативного отношения к объекту оценки в период начального использования ядерных компонентов (*смерть в бою, раздавленный гусеницами немецкого танка*) – к оценкам синкретичного типа в уже переосмысленной ценностно-ориентационной парадигме (*героическая смерть, раздавил гадину*).

При вербализации ценностных компонентов реализуется архетипическая дихотомия «хорошо – плохо», как подчеркивает Е. М. Вольф, отсутствует языковая система, в которой не представлена универсальная категория оценочности [7, с. 9]. Любое высказывание конкретного языка в той или иной степени характеризуется аспектом оценки объекта, высказывание оценочно как в его целостности, так и в отдельных его компонентах – маркерах концептуально-валёрного пространства [6], степень ценности определяется отношением необходимости к желательности. Стремление к вербализации прецедентного феномена ценностно-ориентационного пространства и будет формировать базу субъективной оценки, в то время как потенциальная степень понимания и интерпретации того же компонента является доминантой для объективного места данного оценочного феномена в системе языка. На основе именно семантического анализа может быть произведен поиск областей пересечения актуальности для конкретного индивида и всего русскоязычного сообщества, что поможет установить уровень перлокутивного эффекта в различных прецедентных мирах [2, с. 131].

Реактивность и ситуативность в оценки феноменов прецедентного мира, вербализуемой в языке, выявил Ш. Балли, однако, реактивность у него не являлась предметом осознанной рефлексии, но была интуитивным явлением, – сопоставление с моральными нормами, присущими конкретному сообществу происходит неосознанно [4, с. 208].

Решение проблемы интенциональности релевантной для формирования осознанного ценностного пространства возможно в рамках вербализации аксиологических компонентов прецедентного мира на основе различных языковых (фонетических, морфологических, синтаксических и лексических) приемов актуализации для русского лингвокультурного сообщества, т.е. перевод обезличенных абстрактных ценностных признаков в личностное пространство ситуативного восприятия.

Таким образом, на основании анализа осложненных процессов в пространстве формирования и постоянной трансформации ценностно-ориентационных компонентов прецедентного мира «Великая Отечественная война» можно сделать вывод о доминантном механизме интенциональной актуализации компонентов эпизодической памяти в вербализаторах, функционирующих в качестве маркеров прецедентных феноменов в художественном тексте. Следует признать реактивность и ситуативность как базовые характеристики вербализации и осмысления прецедентного феномена в рамках оценки в дихотомии «хорошо – плохо». Процесс намеренной оценочной акцентуации феномена прецедентного мира служит основой эпизодического компонента, а возможность понимания этой сферы другими членами русскоязычного сообщества обеспечивает единую базу для определения объективного места «правильности» оценки в социокультурной памяти.

Список литературы

1. Анисимов С.Ф. Введение в аксиологию. М.: Современные тетради, 2001. 128 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Афанасьева Л.И., Меркушин В.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 11-22.
4. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 394 с.
5. Бредихин С.Н. Общие принципы текстопостроения как объекта распредмечивания смысла // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 634-640.
6. Бредихин С.Н., Аликаев Р.С. Стратегии усмотрения и распредмечивания смысловых конструкторов в аспекте понимания и в-живания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 123-128.
7. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2005. 259 с.
8. Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. М.: Современные тетради, 2004. 647 с.
9. Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Минск: Книжный дом, 2003. 877 с.
10. Avramova V. Conceptual sphere of evaluativity in the national world view // Problems of cognitive and functional description of Russian and Bulgarian. 2003. № 2. P. 17-31.
11. Taboada M. Discourse markers as signals (or not) of rhetorical relations // Journal of Pragmatics. 2006. № 38. P. 567-592.

10.02.01

П.А. Якимов канд. педагог. наук

Оренбургский государственный педагогический университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка и МПРЯ,
Оренбург, ruakimov@mail.ru

ЭККЛЕЗИОНИМЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В данной статье рассматриваются особенности употребления экклезионимов, названий храмов, в поэтических текстах. В качестве отправной точки для классификации собранного материала взято сопоставление состава данного онима в поэзии и в общезыковом и/или религиозном представлении.

Ключевые слова: *религиозные онимы, экклезионимы, русская поэзия.*

В современных филологических исследованиях особое место отводится изучению экклезионимов, т.е. названия храмов и монастырей. Исследования общеклассификационного плана [2; 4; 6] помогают выстроить классификацию экклезионимов в русском языке, определить основания для их описания, а более узкие исследования, направленные на описание экспликации представлений о том или ином экклезиониме в художественном тексте [1; 3; 5] помогают выявить особенности трансформации данных онимов.

В большинстве своем названия православных храмов строятся по формуле: указывается «причина номинации» и даются дополнительные ориентиры номинации. Основная модель: престольный номинатор (то или тот, в честь кого освящен данный храм – праздник, икона, святой) + указание места нахождения данного храма (топоним). Для монастырей модель может быть несколько расширена указанием имени основателя данного монастыря. Дополнительно в названии монастыря может быть назван гендерный дифференциатор – монастырь мужской или женский.

Остановимся на особенностях употребления храмов в русской поэзии XX века.

В поэтических текстах мы наблюдаем изменения в той модели, которая характеризует номинации храмов в общезыковом и религиозном представлении.

Во-первых, не всегда в поэтических текстах в номинации содержится название подвида храма – храм (более общее наименование), собор (главный храм города) и церковь.

Во-вторых, довольно часто даются усеченные, простонародные (но в то же время уже общепринятые) наименования храмов, соборов и церквей.

В-третьих, названия часовен вообще нами не обнаружены в поэтических текстах: дается лишь указание на то, что действие может происходить в часовне (без ее наименования) – такие примеры находим в текстах В. В. Маяковского, М. А. Волошина, С. М. Соловьева и других.

В качестве сохранившейся номинации, по которой узнается тот или иной храм в поэтическом тексте, является, конечно же, престольный номинатор. В качестве номинаторов используются:

1) Имя Христа: Храм Христа Спасителя в Москве – *Храм Христа* сияет ковчегом веры над столицей в стихотворении Д. Л. Андреева «Когда ковчегом старинной веры...» (называется Храм Христа Спасителя еще до его разрушения в 1931 году); а вот о восстановленном Храме говорится в стихотворении Н. Байтова «В блистанье новых ресторанов...»: *Храм Христа* называется чудом на котловане пустоты.

А. П. Межиров указывает уточняющую атрибуцию к названию храма – *белокаменный*.

Е. А. Евтушенко в стихотворении «Мои взаимоотношения с Иисусом Христом...» вспоминает о том, что на месте бассейна «Москва» был Храм Христа: «Давным-давно на месте бассейна «Москва» был храм / Христа-Спасителя. Храм когда-то взорвали, / И один позолоченный купол с крестом, / Не расколовшись от взрыва, лежал, / Как будто надтреснутый шлем великана».

2) Имя апостола Иоанна Предтечи. В своем большинстве храмы, имеющие в качестве номинатора имя апостола Иоанна Претечи, называются Храмами Рождества Иоанна Предтечи. Но в поэтических текстах встречаем различные варианты названия: у Б. А. Ахмадулиной паломник стоит перед храмом Иоанна Предтечи (Б. А. Ахмадулина. Длится численник – как этот жанр именуем...); А. А. Ахматова называет нерукотворный храм Крестителя (А. А. Ахматова. Еще весна таинственная млела...).

3) Названия праздников:

– Богоявление. Моления лирического героя С. М. Соловьева летят к храму Богоявления, находящемуся в задумчивом саду (С. М. Соловьев. В огромном городе, холодном и враждебном...);

– Преображение. Угличский Спасо-Преображенский собор видим заснеженным, звучащим колоколами в стихотворении «Забудь себя и ненадолго...» И. А. Бродского;

– Рождество Христово. И. В. Чиннов в своем стихотворении «Мечеть омара в Ерусалиме» говорит о храме Рождества Христова в Вифлееме;

– Покров Пресвятой Богородицы встречается в поэтических текстах довольно часто, при этом по тексту не удается угадать, в каком городе этот храм находится. В стихотворении Ю. П. Кузнецова видимый издали храм Покрова противопоставляется силуэту Петра (Ю. П. Кузнецов. Итак, я еду в сторону Кавказа). Б. А. Ахмадулина размышляет о грехах, о взорванном уроде и хамом Покровском храме (Б. А. Ахмадулина. Была звана в Милан или Париж...), а Н. Н. Тuroверов в стихотворении «Как в страшное время Батыя...» говорит о престоле Покрова как о высокой Господней милости для казака;

– Благовещение Пресвятой Богородицы. Храм именуется по-разному: *башня Благовещенская* (А. А. Ахматова), *Благовещение на Бережках* (В. Ф. Ходасевич), *зеленый Благовещенский* противопоставляется Успенскому округленному (О. Э. Мандельштам).

Марина Ивановна Цветаева в стихотворении «Канун Благовещенья...» использует языковую игру в виде тавтологии – повторяя название праздника и название собора в пределах одного предложения: «Канун Благовещения / Собор Благовещенский / Прекрасно светится»;

– Успение Пресвятой Богородицы. Название содержит существительное, прилагательное и даже субстантивированное прилагательное. Так, в указанном нами выше стихотворении О. Э. Мандельштама приводится только прилагательное Успенский без дифференциатора (храм или собор). В другом его стихотворении встречаем атрибутивное словосочетание *Успенский собор* (О. Э. Мандельштам. В разногласии девического хора...). Б. А. Ахмадулина в стихотворении «Длится численник...» использует словосочетание, где имя собственное выступает в роли косвенного дополнения к слову Собор – *Успения Собор*.

Номинация *Успенские колокола* у Д. Л. Андреева в стихотворении «Век вздымался. Истовым усердием...» указывают на Успенский Собор или Успенский храм (возможно, церковь Успения).

М. А. Волошин использует субстантивированное имя прилагательное для обозначения Успенского собора в Кремле: «Здесь в Успенском – в сердце стен Кремлевых...»;

– Воскресение Господне. Б. А. Ахмадулина использует атрибутивное словосочетание с зависимым именем существительным – храм Воскресенья (Б. А. Ахмадулина. Так дружно весна началась...).

4) Названия икон:

– Казанская икона Божией Матери. В поэтических текстах разных авторов встречается атрибутивное словосочетание *Казанский собор*, указывающее на известный собор в Санкт-Петербурге. Это подчеркивается соседством с ним Исаакия или указанием на форму собора: у Вс. А. Рождественского – *полукруг Казанского собора*; у Саши Черного – *плывешь к Казанскому собору*, темно под арками Казанского собора.

Кроме престольного дифференциатора экклезионимов в поэтических текстах нередко используется топоним или оттопонимическое прилагательное. Интересно наблюдать за топонимическим дифференциатором в текстах Б. А. Ахмадулиной: поэтесса использует атрибуции, связанные с населенным пунктом, отдельным районом города или островом. *Михетский храм*, представляющийся чистым и в то же время мрачным в стихотворении «О Грузия, лишь по твоей вине...»; *Елоховский храм* и *Елоховский собор* в стихотворении «Как ни живи – вестей, с небес сошедших...»; *Бёховская церковь* в стихотворениях «По улице крадусь...» и «Под Окой преклоненность земли...».

Подводя итог, отметим, что в поэзии XX века активно используются экклезионимы в виде названий храмов, соборов, церквей: в большинстве случаев это атрибутивные словосочетания, сохраняющие полный или частичный состав экклезионима. Иногда авторы трансформируют названия, где прилагательное – престольный номинатор – превращается в имя существительное. Нередко от экклезионима остается только прилагательное, и в этом случае название храма/собора становится омонимичным названию праздника.

Список литературы

1. Бугаева И.В. Сакральная ономастика в поэзии Анны Ахматовой // Вопросы русской литературы. – 2015. – № 4(34). – С. 53-59.
2. Коренева Ю.В. Экклезионимы православной Москвы: некоторые вопросы номинации // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2016. – М.: 2016. – С. 131-136.
3. Кузьмина М.И. Имя собственное Соловки в системе концептов путевого очерка Вас. И. Немировича-Данченко // Актуальные вопросы современной науки: сборник научных трудов по материалам международных конкурсов. – М., 2016. – С. 230-239.
4. Неганова Г.Д. Экклезионим Преображение Господне в пространстве культурного ландшафта: сакральное и мирское // Рябининские чтения – 2015. – Петрозаводск, 2015. – С. 564-566.
5. Синенко Е.С. Экклезионимия дилогии Ивана Шмелева «Лето Господне» и «Богомолье» // Вестник Донецкого национального университета. Серия: Филология и психология. – 2020. – № 2. – С. 112-117.
6. Шмелева Т.В. Названия монастырей в новгородском ономастиконе // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 186-200.

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

Т.С. Аникян

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра английского языкознания,
Москва, tutortamar@gmail.com

**РОЛЬ ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
В УСИЛЕНИИ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ**

Настоящая статья посвящена анализу экспрессивного потенциала просодических средств в инаугурационной речи президента (на материале выступления Д. Трампа в 2017 году). Выразительные способности сверхсегментных средств в политическом дискурсе представляют интерес для науки, так как способствуют осуществлению важнейшей в нем функции – воздействия на воспринимающую аудиторию, – однако по-прежнему недостаточно изучены в контексте жанровой специфики произведения. Целью исследования стал комплексный анализ модификаций просодических параметров инаугурационного обращения в их взаимодействии с содержанием текста на различных синтаксических уровнях.

Ключевые слова: функция воздействия, политический дискурс, президентская риторика, инаугурационная речь, просодия.

На фоне развития информационно-коммуникационных технологий и возникновения глобального информационного пространства при активном участии СМИ в жизни современного общества объем произведений, относящихся к политическому дискурсу, а также их роль в формировании у общества представлений о мире постоянно растут [2]. Борьба за власть неизменно остается определяющим признаком политического дискурса [7], а потому с точки зрения функциональной стилистики особенностью подобных произведений является сочетание функций общения, сообщения и воздействия, как правило, с преобладанием последней [3]; при этом арсенал всевозможных средств выразительности чрезвычайно широк [1]. Поскольку анализ подобных произведений как типа дискурса предполагает учет «особенностей представления и подачи информации, а также особенностей ее восприятия» [4], очевидно, что изучение просодических средств, которым традиционно отводится существенная роль в создании экспрессивности текста [1], в первую очередь устного, в контексте обозначенной тематики приобретает чрезвычайно важное значение.

Одной из разновидностей политических текстов, представляющих особый интерес в рамках анализа экспрессивного потенциала просодии, является инаугурационная речь. В фокусе внимания различных исследований, объектом которых уже становился данный тип выступлений [5, 6, 7], оказывались, как правило, не просодические, а композиционные, функциональные особенности текста, специфические компоненты идейно-тематического содержания обращения. Это дало возможность четко охарактеризовать инаугурационную речь как отдельный жанр политического дискурса.

Так, в рамках аристотелевской классификации речей инаугурационное обращение принадлежит к категории эпидейктической риторики и обладает типичными для нее признаками: во-первых, оно представляет собой хвалебную речь, приуроченную к торжественному событию. Во-вторых, инаугурационное обращение содержит в себе осмысление одновременно нескольких временных пластов: прошлого, настоящего и

будущего страны. В-третьих, подобные обращения характеризуются возвышенным пафосом и использованием элегантного литературного стиля, в то время как оратором проговаривается уже известная слушателям информация [7].

Как следствие, в инаугурационных обращениях обыкновенно отмечается преобладание фатической составляющей коммуникации над информативностью, что приводит к некой банальности, предсказуемости содержания. Подобные свойства инаугурационных обращений коррелируют с высокой степенью ритуальности коммуникации, осуществляемой в рамках институционального дискурса, разновидностью которой является дискурс политический [7]. Следствием формализации ритуального действия, с которым связано выступление, – традиционной церемонии инаугурации, – становится десемантизация текста и возрастание роли эстетического воздействия президентской речи [5]. Вторичность содержания одновременно сопряжена с актуализацией тех компонентов сообщения, которые соотносятся с функциями, определяющими жанровое своеобразие инаугурационной речи в противоположность прочей эпидейктике [7, 8].

Эти функции включают в себя:

1. **перформативную** (обращение президента оказывается как собственно речевым, так и ритуально значимым политическим действием, так как произнесение речи символически знаменует собой легитимизацию нового президента перед лицом народа и является актом формального введения его в должность [7]: при этом оратор реализует тактику саморепрезентации в качестве достойного лидера [5]);

2. **инспиративная** (апеллирование к общему историческому прошлому как источнику традиционных ценностей нации);

3. **интегративная** (объединение аудитории в единую нацию на очередном этапе развития страны как необходимое условие всеобщего благополучия);

4. **декларативная** (провозглашение принципов, которыми новая администрация во главе с избранным президентом планирует руководствоваться в политике) [7].

Таким образом, инаугурационное выступление играет особую роль в системе политической коммуникации:

1) как ритуально значимое политическое действие,

2) как один из основных идеологических инструментов.

3) как выражение политического кредо новоизбранного президента.

И хотя текст обращения готовится, как правило, группой профессиональных спичрайтеров, а содержание речи детерминировано характером события, по случаю которого она произносится, индивидуальные черты говорящего неизменно проявляются в каждом выступлении и могут быть обусловлены как политической программой и имиджем президента, так и антропоморфическими особенностями речи оратора.

Важно, что инаугурационная речь обладает высоким манипулятивным потенциалом: на передний план здесь выходит не столько передача предметно-логического содержания, сколько оказание мощного эмоционального воздействия на аудиторию. Особую роль в этом играет и возможность устного представления текста перед широкими народными массами: в арсенале оратора оказываются различные сверхсегментные средства, позволяющие дополнительно усилить благозвучность речи и обратить внимание на ключевые компоненты высказывания. Поэтому способы просодического оформления инаугурационных обращений и их экспрессивный потенциал требуют разработки с помощью аудитивного метода, а также стилистического и синтаксического анализа на тексте на различных уровнях. Особое внимание в подобном исследовании должно уделяться основным сверхсегментным параметрам речи, таким как движение тона, паузация, темп, громкость, а также их взаимодействию друг с другом и содержанием обращения. Для обозначения на письме модификаций просодических параметров будет использоваться разметка, принятая на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Полезным материалом для исследования в русле обозначенной проблематики оказалась запись инаугурационного обращения Дональда Трампа в 2017 году. Речь особо подчеркивает приоритетность интересов американского народа в качестве центральной идеи выступления – выбор лексического наполнения и синтаксической организации текста подчинен именно этому замыслу.

С точки зрения статической организации предложения выступление отличается активным использованием идентичных конструкций: текст изобилует однородными членами и простыми предложениями в составе сложных, а также явлениями частичного и полного синтаксического параллелизма, которые нередко подкрепляются лексическим повтором, к примеру:

*We must protect our borders from the ravages of other countries
making our products, stealing our companies and destroying our jobs.*

или

*We must speak our minds openly, debate our disagreements honestly,
but always pursue solidarity.*

или

*Together, we will make America strong again. We will make America wealthy
again. We will make America proud again. We will make America safe again.
And yes, together, we will make America great again.*

и т.д. Обращает на себя внимание тот факт, что их экспрессивная нагрузка часто усиливается благодаря аналогичным вариантам просодического оформления в устной форме. Так, например, в нижеследующем отрывке, где реализуется главным образом декларативная функция обращения, лексическая анафора и синтаксический параллелизм подкрепляются использованием аналогичных интонационных контуров и постановкой словесного ударения (высокий нисходящий тон) на последнем слове в каждой из схожих конструкций:

*We will 'bring •back our \jobs. || We will 'bring •back our \borders. || We will
'bring •back our \wealth, | and we will 'bring •back our \dreams. ||*

Последнее простое предложение в данной последовательности сопровождается замедлением темпа, что придает этой части особую выделенность и возвышенность.

Далее каждый однородный член в последовательности, дополнительно усиленной полисиндетоном, отграничивается паузами от последующей части высказывания: здесь повторяющиеся союзы не ослаблены фонетически, а становятся самостоятельными ступенями интонационного контура. Движение тона снова практически копируется от одного элемента перечислительного ряда к другому – вплоть до последней части предложения, где темп снова замедляется, а пауза разрывает синтаксическую связь между компонентами словосочетания:

*We will 'build •new .roads | 'and •highways | 'and •bridges | 'and •airports |
'and •tunnels, | 'and •railways, | 'all 'across § our ↑wonderful \nation.*

Формирующийся в результате выбранных фразировки и темпа ритмический рисунок позволяет придать высказыванию особую вескость и выделяет содержательно или стилистически значимые компоненты текста, чтобы подчеркнуть масштабы предстоящих преобразований.

Аналогичным образом усиливается воздействие интегративной функции обращения: замедление темпа позволяет акцентировать внимание на том, что объединяет всех граждан государства невзирая на их принадлежность к различным расам:

*...that 'whether we are ↑black, | or ↑brown, | or \white, |
we 'all 'bleed the •same .red .blood of \patriots.*

Завершающая часть высказывания характеризуется особенной интенсивностью произношения всех лексических единиц, так как почти каждое слово оказывается в фонетически сильной позиции, громкость возрастает, а темп несколько замедляется.

Не менее интересны в речи Трампа экспрессивные средства просодии в их взаимодействии с динамическим синтаксисом, где паузация не только служит для разграничения составляющих тема-рематического членения высказываний, но и дополнительно усиливает контраст между компонентами антитезы.

Так, например, в представленном ниже отрывке обрисована картина царящей в стране несправедливости, которой избранный лидер обещает положить конец за время своего президентства. На уровне плана содержания противопоставлены, с одной стороны, благополучие правительства, с другой, – страдания народа, защитником интересов которого позиционирует себя Трамп. Процветание правящих кругов соотносится с тематической составляющей высказываний, трудности населения, напротив, описаны в рематических частях (см. таблицу ниже):

Таблица – Оппозиция «власть – народ»

TEMA	PEMA
For 'too •long, § a ↑small •group § in our ↑nation's \capital § has ↑reaped the re•wards of .government,	while the \people § have ↑borne § the \cost.
'Washington •flourished,	but the 'people § did ↑not •share in its \wealth.
'Poli'ticians •prospered,	but the 'jobs •left and the 'factories § \closed.
The es'tablishment § pro•tected it, self,	but 'not the \citizens of ↑our \country.
'Their •victories	have \not been ↑your \victories.
'Their •triumphs	have \not been ↑your \triumphs,
and while they \celebrated § in our •nation's \capital,	there was 'little to \celebrate § for ↑struggling •families 'all § ac•ross § .our § \land.

Примечательно, что в способах просодического оформления содержательно значимых элементов зеркально противопоставленных частей высказывания также наблюдается определенная симметрия: существенная роль здесь принадлежит движению тона, при этом параллели обнаруживаются в организации как ряда последовательно расположенных высказываний, так и их составных компонентов, что придает этому отрывку особую стройность и упорядоченность – создается четкий ритмический рисунок.

Наконец, последний абзац оказывается своего рода кульминацией выступления: все предложения здесь произносятся с повышенной громкостью, при этом средствами словесного ударения выделяется каждое прилагательное в ряду, усиливая экспрессивный потенциал лексической анафоры и синтаксического параллелизма:

Together, we will make America \strong again. We will make America \wealthy again. We will make America \proud again. We will make America \safe again. And yes, together, we will make America great again.

Самым ярким «аккордом» выступления становится оценочное прилагательное *great* в последнем предложении, которое произносится с максимальной интенсивностью и замедлением темпа, что неудивительно, если учитывать, что призыв «Make America Great Again» был слоганом предвыборной кампании Трампа. Так в финале обращения осуществленные модификации просодических параметров помогают усилить работу интегративной функции текста и связать идею величия страны с именем оратора.

Таким образом, в инаугурационной речи ввиду ее жанровых особенностей и выраженного фатического компонента модификации сверхсегментных параметров играют особенно важную роль. Осуществленное Трампом просодическое оформление в его инаугурационном обращении демонстрирует, как движение тона, паузация, изменения громкости и темпа придают выбранным изобразительно-выразительным средствам дополнительную экспрессивность и воспринимаются как неотъемлемая составляющая риторики оратора.

Приведенные наблюдения иллюстрируют лишь некоторые возможности модификаций просодических параметров, но уже позволяют прийти к выводу о значительном экспрессивном потенциале этих средств в политическом дискурсе и рассматривать их как инструменты реализации коммуникативной стратегии оратора в устной речи.

Список литературы

1. *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984.
2. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. (Современная английская медиаречь). М.: Флинта, 2008.
3. *Липгарт А.А., Хуринов В.В.* Функциональные стили современного английского языка: Наука и журналистика. М., 2013.
4. *Менджеричкая Е.О.* Публицистика как тип дискурса. // Язык, сознание, коммуникация. 1999. №7. С. 13–17.
5. *Свинцова Ж.В.* Эмоциональная составляющая инаугурационных речей / Ж. В. Свинцова, М. В. Субботина. // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2012. – №2-2. – С. 141–146.
6. *Харламова Т.В.* Динамика ритуализованных жанров в политическом дискурсе / Т. В. Харламова. // Жанры речи. – 2018. №4 (20). – С 248–253.
7. *Шейгал Е.О.* Семиотика политического дискурса [Электронный ресурс]: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
8. *Campbell K.K.* Inaugurating the Presidency. / K. K. Campbell, K. H. Jamieson. // Simons, Herbert W., Aghazarian, Aram A. (eds), Form, Genre, and the Study of Political Discourse. – Columbia, South Carolina: University of South Carolina, 1986. – pp. 203-225.
9. The Inaugural Address: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/> (дата обращения 30.05.2021)

10.02.04

Н.Е. Бажайкин канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»,
Высшая школа перевода,
кафедра теории и практики немецкого языка и перевода,
Нижний Новгород, nbashaikin@mail.ru

ПЕРСУАЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ А. БЕРБОК)

Статья посвящена изучению персуазивного потенциала прецедентных феноменов на материале речи кандидата на пост сопредседателя партии «Союз '90/Зеленые» Аннелены Бербок. Анализ речи позволяет сделать вывод о том, что включение прецедентных феноменов в текст предвыборного выступления обусловлено стремлением сформировать соответствующее посткоммуникативное поведение адресата.

Ключевые слова: *предвыборная речь, адресат, апеллятив, пафос, прецедентные феномены, персуазивный потенциал.*

Большой интерес в рамках немецкого политического дискурса представляют выступления кандидатов на выборные партийные должности. В настоящей статье рассматривается персуазивный потенциал прецедентных феноменов на материале предвыборного выступления кандидата на пост сопредседателя партии «Союз '90/Зеленые» Аннелены Бербок. В результате состоявшегося голосования А. Бербок была избрана на искомую должность, получив 64,5 % всех голосов делегатов.

В выступлении А. Бербок находят отражение все три базовые коммуникативные стратегии, коррелирующие с этическим (этос), эмоциональным (пафос) и рациональным (логос) аспектами персуазивного воздействия на адресата [5, с. 332]. Важное место в ее речи занимают те элементы аргументации, которые эмоционально воздействуют на адресата. Это прецедентные феномены, с помощью которых, как будет показано ниже, осуществляется апелляция к чувствам и эмоциям делегатов.

Персуазивное воздействие в политическом дискурсе всегда привлекало внимание лингвистов [1;5], однако персуазивный потенциал прецедентных феноменов (ПФ) в ракурсе предвыборных выступлений еще не получил должного освещения. В этом состоит новизна настоящего исследования.

Прецедентные феномены «значимы в познавательном и эмоциональном отношениях», характеризуются общеизвестностью, хрестоматийностью и реинтерпретируемостью [3, с. 216-217]. Активизация в сознании подобных феноменов приводит в движение всю связанную с ними «гамму чувств и эмоций», которые служат импульсом для дальнейших действий [2, с. 100], задавая «модели поведения того, что нужно/не-нужно делать» [2, с. 116].

Различаются вербальные (имена и высказывания), вербализуемые (тексты и ситуации) и невербальные прецедентные феномены [2, с. 109]. Невербальные прецедентные феномены могут быть представлены, в частности, музыкальными произведениями [3, с. 54]. При этом апелляция к прецедентному тексту (ПТ) и прецедентной ситуации (ПС), актуализирующая в сознании адресата связанные с текстом и ситуацией коннотации, осуществляется с помощью прецедентного имени (ПИ), это может быть имя автора, название произведения, имя персонажа или цитата [3, с. 218].

Особый интерес в выступлении А. Бербок вызывает фрагмент, в котором оратор подвергает критике политику ряда партий в вопросах евроинтеграции и посредством номинации „Beethovens Neunte“ формулирует задачи партии зеленых. Ср.: In Zeiten, in denen

die FDP die CSU in der Europapolitik rechts überholt, in denen auch Sahra Wagenknecht die Internationale nur noch national singt, müssen wir als Grüne als progressive Kraft der linken Mitte umso deutlicher Beethovens Neunte anstimmen![4].

В силу сложившейся неблагоприятной ситуации А. Бербок призывает свою партию обратиться к 9-й симфонии Людвиг ван Бетховена, используя при этом глагол 'anstimmen' ('запеть; заиграть'). Обращение А. Бербок к 9-й симфонии в контексте самопрезентации на партийной съезде не случайно. Номинация 'Beethovens Neunte' легко узнаваема, общеизвестна и хрестоматийна, не требует дополнительных усилий для расшифровки и, надо полагать, чрезвычайно значима для делегатов съезда «в познавательном и эмоциональном отношениях». Тем самым, по своей природе и функционированию она близка к прецедентным именам. Помимо этого, данная номинация выявляет такие присущие ПФ характеристики, как дифференциальные признаки и эмоциональную оценочность по шкале «хорошо/плохо», что будет показано ниже.

Являясь атрибутивным словосочетанием, состоящим из главного слова „Neunte“ и его определения „Beethoven“, ПИ 'Beethovens Neunte' представляет собой «вдвойне прецедентный» феномен. Начнем с определяющего слова „Beethoven“. Классики музыки и поэзии традиционно пользуются у немецких политиков большим авторитетом. При этом они зачастую прибегают не к обозначению конкретного лица или произведения, а к соответствующему апеллятиву. Ввиду того, что граница между именами собственными и нарицательными относительна, имя собственное легко переходит в разряд нарицательных. Так, 'Beethoven' может утратить идентифицирующую функцию и выступить как апеллятив, характеризующий лицо по роду деятельности, не связанному с музыкой: Pele ist der Beethoven des Fußballs [7]. В данном примере предикатив 'der Beethoven' указывает не на композиторские качества футболиста, а на его выдающиеся способности как футболиста. Следовательно, ПИ 'Beethoven' отсылает к дифференциальному признаку 'футбольная гениальность', или 'гений футбола'. Так и в рассматриваемом выступлении А. Бербок акцентируется не гениальность Бетховена как композитора, а прежде всего его прогрессивные убеждения, созвучные таковым партии зеленых: wir als Grüne als progressive Kraft der linken Mitte [4]. Сказанное можно подтвердить также высказыванием одного из ведущих политиков партии зеленых, подчеркнувшего отнюдь не музыкальную гениальность композитора, но его 'прогрессивность' и 'наделенность даром философского мышления': Beethoven [ist] ein progressiver Musiker und Denker [6]. Тем самым, этот политик, по мнению одного из обозревателей, выстраивает линию преемственности между Бетховеном и зелеными: In seiner Zeit sei „Beethoven ein progressiver Musiker und Denker“ gewesen, so baut Grünen-Chef Arndt Klocke die Traditionslinie vom Genie zu den Grünen [6]. В данных примерах признак 'музыкальная гениальность'/'гений музыки' нивелирован, доминируют же дифференциальные признаки 'прогрессивность' и 'наделенность даром философского мышления'. Чувство сопричастности к великому имени, вызванное ПИ 'Beethoven', бесспорно оказало значительное персуазивное воздействие на делегатов.

Положительные эмоционально-оценочные компоненты обнаруживает также ПИ 'Beethovens Neunte', отсылающее делегатов съезда как ко всей симфонии, так и к ее хоральному финалу. Иными словами, ПИ 'Beethovens Neunte' апеллирует к двум видам текста. Первый вид текста невербален, он не состоит из последовательности языковых знаков, это - 9-я симфония, которая «используется зелеными для достижения своих целей»: Die Neunte spannen die Grünen für ihre Ziele ein [6]. 9-я симфония является «важным спутником» зеленых, позиционирующих себя как «активная проевропейская партия»: Für uns Grüne als engagierte Pro-Europa-Partei ist die neunte Symphonie ein wichtiger Begleiter [6]. Кроме того, 9-я симфония выражает 'приверженность к евроинтеграции': Die Grünen erkennen in Beethovens Neunten eine "proeuropäische Haltung", die CDU eine latente Unberechenbarkeit [6]. Симптоматично, что если в связи с ПИ 'Beethovens Neunte' А. Бербок и зеленых охватывает пафос евроединения, то ХДС -чувство „латентной непредсказуемости».

Как отмечалось выше, ПИ 'Beethovens Neunte' апеллирует также к тексту, который выражен вербально. Это ода «К радости» Фридриха Шиллера - подлинная кульминация всей симфонии, воспевающая торжество единения: Seid umschlungen Millionen! (Обнимитесь, миллионы!). Благодаря узнаваемости текста, заряду положительных эмоций, получаемому от торжества Радости, адресат проникается доверием к оратору, что способствует завуалированности и эффективности персуазивного воздействия, формированию положительной оценки образа кандидата в глазах делегатов.

В выступлении А. Бербок прецедентные феномены (имя, текст и ситуация) обнаруживают сложное взаимодействие, что не удивительно, поскольку «при актуализации одного из них может происходить актуализация сразу нескольких остальных» [2, с. 108]. Так, призывая делегатов съезда обратиться к 9-й симфонии (Beethovens Neunte anstimmen!), А. Бербок побуждает их «присоединиться» не только к оркестру, но и к хору, благодаря чему в сознании делегатов актуализируется прецедентная ситуация «исполнение оды». Наложение данной ПС и связанных с ней чувств и эмоций на реальную ситуацию съезда не могло не оказать на делегатов особое эмоциональное воздействие и придать речи А. Бербок еще большую убедительность. Результаты голосования показали, что большинство делегатов «влилось» в общий хор исполнителей оды «К радости» и поддержало кандидата на пост сопредседателя партии.

Таким образом, обращение А. Бербок к прецедентному феномену 'Beethovens Neunte' обусловлено его безусловной пафосностью, способной сформировать у делегатов съезда нужное посткоммуникативное поведение.

Список литературы

1. Бажайкин Н.Е. Персуазивное воздействие в пандемическом дискурсе: на материале выступления А. Меркель // Казанская наука. – 2020. - № 6. - С. 54-56.
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: «Гнозис», 2003. 288 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Baerbock A. Das ist erst der Anfang: Bewerbungsrede auf der #bdk18 in Hannover. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://annalena-baerbock.de/2018/01/27/das-ist-erst-der-anfang-bewerbungsrede-auf-der-bdk18-in-hannover> (дата обращения: 10.06.2021).
5. Klein J. Redegattungen/Textsorten der politischen Rhetorik und ihre Charakteristika. Ein Überblick. In: Burkhardt, Armin (Hg.): Politische Rhetorik. Ein Handbuch. Berlin/Boston: de Gruyter, 2019. S. 328-350.
6. Stoldt T.-R. Bei Beethoven geht es zu wie in der Politik. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.welt.de/Landtags-politiker-ueber-Beethovens-250-Jahr-Jubilaum.html> (дата обращения: 10.06.2021).
7. Fußballer des Jahrhunderts <https://www.spiegel.de/sport/fussball/pele-und-maradona-fussballer-des-jahrhunderts.html> (дата обращения: 10.06.2021).

10.02.04

Е.Ю. Баженова, Н.М. Залесова

Амурский государственный университет,
факультет международных отношений,
кафедра перевода и межкультурной коммуникации,
Благовещенск, bazhenova@list.ru, znm80@list.ru

МЕДИЙНЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА В США

Цель данной работы – представить результат проведенного исследования образа женщины-политика, складывающегося в современных СМИ США. Изучаемый образ целесообразно описывать, исходя из полевого принципа, при котором в ядерной части расположены универсальные характеристики женщины-политика, а в периферийной – уникальные, индивидуальные характеристики.

Ключевые слова: *медийный образ, образ, полевая структура образа.*

Сфера политики неразрывно связана с созданием образов, которые складываются в средствах массовой информации, опосредующих коммуникацию между политиками и их избирателями. Воспринимая какого-либо политика, мы располагаем образом, формируемым и распространяемым посредством СМИ.

Поток информации, идущей по каналам разнообразных СМИ, огромен, он постоянно обновляется и становится основным источником сведений о жизни общества. Живой, непосредственный наглядно-чувственный опыт в структуре познания все чаще уступает место опосредованному, когда информация о социально значимых событиях или личностях проходит фильтр СМИ. Таким образом формируется новая реальность, с разной степенью достоверности отражающая действительный мир и неизбежно преломляющая его через призму убеждений и целей авторов медиа-сообщений.

Способность средств массовой информации эффективно транслировать идеологию особенно активно используется для представления информации о политической жизни общества. Данный факт необходимо учитывать, в частности, при проведении исследования языкового образа политического деятеля. В соответствующих работах авторы отмечают существование в СМИ «устойчивых, регулярно воспроизводимых смыслов» [1, с. 68], которые, очевидно, отражают конвенциональные характеристики политика, сложившиеся в данной политической культуре. Их наличие или отсутствие является для потребителя массовой информации сигналом об успешности или несостоятельности политического деятеля и задают вектор его оценки.

Национальные СМИ аккумулируют представления общества о типичном политическом деятеле, в определенной мере задавая канон, относительно которого формируются образы участников политической жизни. При этом следует подчеркнуть, что образы, которые складываются в дискурсе СМИ, содержат оценку, включают в себя специально отобранные признаки и не всегда идентичны реальному политическому персонажу. Такие образы целесообразно определять как медийные.

Под медийными образами понимаются структуры знания, в основе которых лежит наглядно-чувственный опыт репортера / непосредственного свидетеля событий и содержащие в себе оценки, сложившиеся в результате целенаправленной интерпретации этих событий средствами массовой информации.

Образ политика – это ряд внешних характеристик, личностных и профессиональных качеств, модель поведения, которые люди ассоциируют с некой личностью, занятой в сфере политики.

Структурирование образа политика возможно на основе полевого принципа, при котором в ядерной части располагаются основные характеристики (они определяются как наиболее частотные и универсальные), а в периферийной – не основные, типичные для каждого отдельного политика.

В результате исследования публикаций о Хиллари Клинтон, Никки Хейли и Камале Харрис в ведущих изданиях США в 2016-2021 годах, таких как *Forbes*, *The New York Times*, *Time*, *Washington Post*, были выявлены общие и индивидуальные признаки образа американской женщины-политика.

Ядро образа женщины-политика составляют природный компонент (физические характеристики политика), личностный компонент (это нравственные, коммуникативные, интеллектуальные, эмоционально-волевые качества политика), профессиональный компонент (знания, умения, навыки, компетентность, познавательный потенциал), поведенческий компонент (лидерское поведение, поведение в сложной ситуации, манера ведения дебатов).

Физические характеристики исследованных образов в основном включают сведения о возрасте. Причем в исследованных материалах делается акцент на молодость *a rising star, young, agile, relatively new to Washington*. Исследование материала не позволило выявить информации о возрасте Х. Клинтон. Авторы статей избегают комментирования внешности и возраста данного политика. Эту функцию выполняют иллюстрации, исследование которых представляет собой отдельную задачу. Очевидно, молодость ассоциируется с силой, инициативностью, которые являются неотъемлемой чертой современной женщины-политика в США. В случае с Х. Клинтон это качество подменяется силой, активностью, которые также свидетельствуют о большом потенциале и способности занимать ключевой политический пост.

Личностные характеристики, упоминаемые в материалах СМИ с наибольшей частотностью, включают следующие типичные примеры: *adamant, persistent and trenchant, practical outlook, resilience and grit, not a stupid woman*.

Компонент ядра женщины-политика «Профессиональные качества» представлен характеристиками, указывающими на трудолюбие, успешность, компетентность, умение справляться с трудностями: *hard at work, a successful businesswoman, had success, sophisticated, knows credible figures, tackle crisis, tackle big challenges, she managed the effort herculean efforts*. Очевидно, данные качества необходимы человеку, занимающему высокий политический пост, поскольку являются залогом его эффективности.

Особенности поведения, отмечаемые в исследованных материалах СМИ, включают настойчивость, упорность, готовность быстро реагировать на вызовы: *moderate but urging, demanding, her response was delivered so quickly and tersely, leads with unprecedented effort, ready to win*.

Рассматривая медийный образ женщины-политика в США на предмет реализации особенностей поведения, было выявлено значительное количество единиц, в которых есть отсылка к теме «война», «борьба»: *fighting a grueling Democratic primary battle, tough position, has taken a hard line, started out attacking, lost a battle, followed her partisan attack, hit back, fired back*. Метафорическое сравнение политической борьбы с военными действиями не раз становилось предметом научного исследования, однако в данном случае следует отдельно подчеркнуть, что речь идет о женщинах в политике. Полученные данные позволяют делать вывод об использовании американскими женщинами-политиками традиционно мужского типа поведения.

В периферийную зону включены те характеристики, которые присущи образу каждой отдельной женщины-политика и не выявлены в отношении остальных.

Образ Х. Клинтон, которая в исследованный период вела борьбу за пост президента США, – это образ взвешенного, последовательного, сильного политика. Ее отличают спокойствие и уравновешенность. Для ее характеристики используются такие определители как *patient, persistent, measured*. Важной составляющей образа Х. Клинтон является ее умение вести

дискуссию, отстаивать свою точку зрения, одерживать верх в дебатах: most blunt, intent on manipulating, effective, Clinton eloquently defended.

Образ Н. Хейли складывается в основном на основе публикаций о ней в период занятия поста Постпреда США при ООН. В этой должности она озвучивала позицию страны на международных дебатах, отсюда большое количество примеров, указывающих на ее настойчивость, решительность. Н. Хейли готова вступать в спор, перехватывать инициативу и всегда настроена на победу: Nikki Haley speaks a protest, her response was delivered so quickly and tersely, Haley may have been spoken out of turn, she's a big voice. Отличительной особенностью Н. Хейли является ее напористость, резкость в дебатах: sounds a bit more edgy, Haley made her most strident comments, her choice of words was extremely provocative.

Образ К. Харрис, ныне занимающей пост вице-президента США, помимо описанных ранее ядерных характеристик, включает в себя следующие периферийные характеристики. При описании данного политика СМИ делают акцент на ее афро-американские и индейские корни. Отмечено значительное количество случаев упоминания слова Black по отношению к этой женщине-политику и ее близость к обычным американцам: a Black woman of Indian descent, an all American woman. Кроме того, акцент делается на то, что К. Харрис – новичок на высшем политическом олимпе США и много трудится над тем, чтобы соответствовать занимаемой должности. Важной составляющей данного образа является внешний вид. Все из перечисленных изданий отмечают демократичность одежды, выбираемой К. Харрис (tends to break free of the traditional strictures on female candidates). В частности, пример laced up and ready to win отсылает к известной слабости данного политика – кедам. При этом laced up в переносном значении можно понимать как «собранная», «сосредоточенная», что соответствует ядерным характеристикам образа американской женщины-политика.

Подводя итог, следует отметить, что современные СМИ США формируют образ сильной, уверенной в себе женщины-политика, которая готова отстаивать свою точку зрения и интересы США в любых обстоятельствах. Характеристики, выявленные как наиболее частотные и отнесенные в ядерную часть, а это молодая и/или активная, сильная, компетентная, уверенная в себе, очевидно составляют основу образа американской женщины-политика, транслируемого СМИ. Следует заметить, что при формировании образа не выявлено характеристик данных персоналий как женщин в их типичном воплощении. Скорее наоборот, можно говорить о маскулинизации образа женщины-политика. При этом стоит отметить, что приход в политику США К. Харрис вносит определенные изменения в образ женщины-политика, дополняя его такими характеристиками, как простота и демократичность.

Список литературы

1. Вагенляйтнер Л.Б. Языковой образ политика по данным российских печатных СМИ начала XXI века. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. – 160 с.
2. <https://forbes.com>
3. <https://nytimes.com>
4. <https://time.com>
5. <https://washingtonpost.com>

10.02.04

¹Р.В. Гатауллина, ²Р.И. Мухаметзянова, ³В.В. Тарасова¹Казанский государственный аграрный университет
кафедра иностранных языков ИЭ,²Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра теории и практики перевода ИМО,³Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра иностранных языков ИМО,

Казань, rosa-5@mail.ru, Казань, rezidamuh@gmail.com, edaminova@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, СО ЗНАЧЕНИЕМ РАДОСТЬ В НЕМЕЦКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье в психолингвистическом аспекте исследуются фразеологические единицы, со значением радость на немецком и татарском языках. В работе исследуются вербализация радости, описаны образность фразеологических единиц на примере двух генетически неродственных языков.

Ключевые слова: *немецкий и татарский языки фразеологическая единица образность, семантическая группа, радость.*

Актуальность статьи определена тем, что образность ФЕ семантической группы «радость» на примере разноструктурных языков недостаточно изучена и представляют выявления соответствий на примере разноструктурных германской и тюркской группы языков.

Фразеологические единицы немецкого и татарского языков были отобраны из фразеологических справочников немецкого [7, 8, 9, 12] и татарского языков [10, 11], в работе использовались исследования ведущих ученых в области сопоставительного языкознания. [4, 7, 11]. Общие проблемы фразеологии немецкого языка нашли отражение в работах А.Д. Райхштейна [8], вопросы фразеологии татарского языка - в работах Г.Х. Ахунзянова, Ф.С. Сафиуллиной. Вопросам сопоставительного исследования фразеологических единиц посвящены работы Е.Ф. Арсентьевой [1], А.В. Шариповой Л.К., Байрамовой, Г.А. и других.

Семантическая группа фразеологических единиц (ФЕ) со значением «радость» в сравнении с группами ФЕ, обозначающих «неприязнь и ненависть», «враждебность», «агрессию» [2, 3, 4], не представляют репрезентативной группы ФЕ в исследуемых языках. Данный факт обусловлен тем фактом, что отрицательные переживания вызывают в человеке более дифференцированный отклик и чаще используются в речи и соответственно фиксируются на фразеологическом уровне языка.

В.Н. Квинн, рассматривает радость как «активную положительную эмоцию, проявляющуюся как «хорошее настроение и ощущение удовольствия» [6]. Согласно одной точки зрения чувство радости кратковременное, переживание, а более продолжительное переживание радости определяется как счастье. Согласно К.Э. Изард, радость - «связь между человеком и миром», воспринимаемая самим человеком как его «сопричастность» и «принадлежность к миру» [5]. Чувство радости, как полагают психологи, проявляется активно или пассивно, с разной степенью интенсивности: иногда умеренно и тихо, иногда с восхищением, весельем, активными действиями.

Пассивное проявление радости, описывается ФЕ «*кәеф килү*» и немецкой ФЕ «*guter Dinge sein*» в представленных ниже контекстах:

«Сәйфулла бу сүздән кәефе килеп елмайса да, дәшә алмыйча калмый». (Ә. Еники)

«Rumpf aber war sorglos und guter Dinge. Man wusste, dass er sieben vollgeladene Güterwagen mit Möbeln nach Türkei geschickt hatte, um damit sein Landhaus am Marmarameer einzurichten. »
(Немецко-русский фразеологический словарь)

Пассивное проявление радости обозначают ФЕ с дифференциальной семой «хорошее настроение», «улучшение настроения» в следующих ФЕ немецкого и татарского языков: (нем) *guter Laune sein, in Fahrt sein, an (etw) eine helle Freude haben, gut aufgelegt sein, einen guten Tag haben, sich im Stillen freuen*; (tat) *шатлык белән яктырып утыру, җанга рәхәт бирү, күңел күтәрелеп китү* и др.

На физиологическом уровне радость сопровождается активностью в мышцах, увеличением телодвижений, усиливается кровообращение, жестикуляция и мимика человека становятся более активными. Этот факт, стал основной идеей для немецких ФЕ с лексическими компонентами «Auge», «Kuh» - глаза, «Ohr», «Йөз», «чырай» - лицо. Образность части ФЕ строится на следующей метафоре: необычная мимика (*j-d*) *strahlt von einem Ohr zum* (светится от уха до уха), айның үндүртенче кичәсе кебек булу (словно полная луна, досл. луна на 14 день), *Augen funkelten (vor Freude)* (глаза светятся, источая радость). Для образности татарских ФЕ «чырае ачылу/ачылып китү», «йөз(е) тәмам аяз(ган)», «йөз ачылу/ ачылып китү» лежит природная символика – хорошее настроение как улучшение погоды. С помощью глаз человек воспринимает, оценивает информацию, этим фактом обусловлено использование кинемы глаз для описания эмоциональных состояний. Чувство радости характеризуют ФЕ *күз карашы белән шатлык чәчү (чәчен йөрү)* и *Augen funkeln (vor Freude)* в следующих контекстах:

«...күз карашы белән тирә-ягына шатлык чәчен йөргән бу килендә кайчандыр минем күңелем бар иде. Әле дә бөтен гәүдәсә белән биен, яныма килгәч..» (Г.Ибраһимов «Кызыл чәчәкләр»).

«...*Dem Himmel sei es gedankt, - rief die Scuderi, indem ihr die Augen vor Freude funkelten, und sie rasch und behende wie ein junges Mädchen von ihrem Lehnssessel aufsprang, auf den Cadillacs losschritt und beide Hände auf seine Schultern legte...*» (E.T.A. Hoffmann «Das Fräulein von Scuderi»)

Эмоция радости может проявляться едва заметной улыбкой, смехом, иногда и слезами радости, о чем свидетельствует ФЕ *күз(не) шатлык яш(ьләр)е күмү* в следующем контексте, описывающем радость и слезы женщины, которая слышит от врачей, что у нее родился сын.

«...Гадиләнең күзләрен шатлык яшьләре күмә. Акушер ханым, малайның кендеген кисеп бәйләп куйгач та, берәз бишиниләнеп торган баланы кулына күтәрәп, бәхетле анага күрсәтә: – Малай, Гадилә ана, улыгыз бу!» (syuyumbike.ru/news/proza/kz-yashe-achy-bula5)

Радость сквозь слезы тренера за своих подопечных описывается в контексте, благодаря ФЕ (*vor Freude*) *den Tränen (nah) sein* в следующем контексте:

«.....*ihre Tochter Samantha Schmitz schließt sich an und berichtet über ihr schönstes Erlebnis: Ein Betreuer war vor Freude den Tränen nahe, als seine zwei Schützling..*» (www.wuerth.com/web/de/wuerthcom/portal/portalseite)

Активное переживание чувства радости характеризуют немецкие и татарские ФЕ с лексемой «Herz», «йөрәк» - сердце, в татарских ФЕ лексема «күңел» - душа. Образность немецких ФЕ строится на описании необычной работы сердца в ФЕ (*j-m*) *springt das Herz auf, das Herz springt /hüpft (j-m)* - (сердце выпрыгивает, скачет) (*vor Freude*) *das Herz schlägt schneller-* (сердце бьется быстрее). Нереальная ситуация лежит в образности ФЕ (*j-m*) *geht bei (etw) das Herz auf* (сердце восходит, по аналогии с солнцем), *jemandem lacht das Herz (im Leib)* (сердце улыбается), (*j-d*) *hat Sonne im Herzen* (у кого солнце в сердце), *йөрәккә май (кебек) булып яту* (ложиться как масло на сердце), (*шатланудан*) *күңелдә бәйрам булу* (праздник в душе), *күңел шатлану/сөөнү/кинәю* (душа радуется, расширяется), *күңел елмаяу/ күтәрелү/ канатлану* (душа улыбается, поднимается, окрылена).

Среди ФЕ, описывающих радость в исследуемых языках, представлены фразеологизмы где пантомимика и телодвижения человека стали образной основой ФЕ, характеризующих аффективную форму проявления радости. ФЕ (*vor Freude*) *sich gar nicht wissen* и татарская ФЕ *шатлык эчкә сыймау* описывают крайнюю степень проявления радости в следующих контекстах:

Resi.... hat sich vor Wiedersehensfreude gar nicht gewusst. (E Kästner „Das doppelte Lottchen“)

Өйгә кайткач Мәликә жиңги, шатлыгы эченә сыймый, картына бөтен нәрсәне картына сөйләп бирде (Ф.С.Сафиуллина татарча-русча фразеологик сүзлек).

Активная пантомимика, неадекватные действия, переживающего радость человека, стали образным стержнем следующих ФЕ: (нем) *sich närrisch/tierisch freuen* (досл радоваться как безумный, как животное), *vor Freude (bis) an die Decke springen (können)* (досл. смочь допрыгнуть до потолка от радости); (тат): *жәңге-күңә белән шатлану* (досл. радоваться на землей и на небом), *(шатланып) жырлап-биеп йөрү* (досл. ходить в припляску от радости), *шәһәр алган кебек булу* (досл. словно взявший город), *(шатланудан) жанны кая куярга белмәү* (досл. не знать куда душу деть от радости), *түбә(се) күккә тию/ житү* (досл. голова достигает до неба) и др. Потеря контроля над собой как результат переживания радости легли в основу образности следующих ФЕ немецкого и английского языков: (нем) *fast außer sich geraten (vor Freude)* (досл. вне себя быть от радости), *seine Freude austoben* (досл. беситься радостью), *(sich) vor Freude kaum zu lassen wissen* (досл. ничего не сообщать от радости); (там): *жән ташу*, (досл. душа выкипает) *шатлык эчкә сыймау* (досл. радость не помещается внутри кого) и другие.

Как показал анализ, ФЕ со значением радость в немецком и татарском языках имеют различия в образной основе, что обусловлено разницей в отражении языковой картины мира в исследуемых генетически неродственных языках. Наличие ФЕ со схожими лексемами обусловлено общностью в переживания базовой эмоции радости как универсальным для всех людей явлением. В результате анализа в исследуемой группе ФЕ выделены следующие соответствия:

(пассивное и неактивное переживание радости) von einem Ohr zum anderen strahlen – шатлык белән яктырып утыру, күңел шатлану – (j-m) lacht das Herz (im Leib), an (j-m) eine helle Freude haben – күңел хушлану и другие.

(аффективное переживание радости sich närrisch freuen – (шатланудан) үрле-кырлы сикерү; fast außer sich geraten (vor Freude)/ – шатлык эчкә сыймау; das Herz sprang vor Freude – (шатланудан) йөрәк сикереп чыгар хәлгә житү, (sich) freuen wie ein Kind auf Weihnachten und Ostern – алтын кош тоткан кебек булу, sich (wie) im siebten Himmel fühlen – (шатланудан) жиденче кат күккә ашу, (j-m) im den Hals fallen (vor Freude) – (шатланудан) урынында басып тора алмау.

В исследуемой группе ФЕ, обозначающих радость, были выделены фразеологические аналоги, для которых характерно совпадение по смыслу и стилю, но различия образной основы, чаще разные лексические компоненты, с минимальным совпадением на лексическом и синтаксическом уровнях.

Список литературы

1. *Арсентьева Е.Ф.* Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на мат-ле рус. и англ. языков). – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – 171с.
2. *Гатауллина Р.В., Чумарова Л.Г., Ярхамова А.А.* Фразеологические единицы, характеризующие неприязнь и ненависть на материале немецкого, английского, русского и татарского языков "Казанская Наука", №8, Казань Издательство Казанский Издательский Дом 2018. – С.30 – 33.
3. *Гатауллина Р.В., Фассахова Г.Р., Чумарова Л.Г.* Образность фразеологических единиц, характеризующих враждебность (на материале немецкого, английского, русского и татарского языков) «Вестник ЧГПУ им. Яковлева», №3 (99), 2018. – С.42 – 49.
4. *Гатауллина Р.В., Чумарова Л.Г., Исламова Л.Р.* Фразеологические единицы, характеризующие концепт агрессия (на материале немецкого, английского, русского и татарского языков) «Вестник ЧГПУ им. Яковлева», №3 (99), 2018. – С.120-126.
5. *Изард К.Э.* Психология эмоций/ Э. И. Кэррол. – СПб.: Питер, 2011. – 460с.
6. *Квинн В.Н.* Прикладная психология: Учеб. пособие для студентов вузов и курсов психолог. дисциплин: Пер. междунар. изд. /В. Н. Квинн. – СПб.: Питер, 2000. – 558с.
7. *Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Л. Э. Бинович и Н. Н. Гришин; 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1975. - 656с.*
8. *Райхштейн А.Д.* Лексика и фразеология немецкого языка Казан. (Приволжский) федеральный ун-т. – М.: Высшая школа, 1981. – 143с.
9. *Русско-англо-немецко-турецко-татарский фразеологический словарь / [авт.-сост. Е. Ф. Арсентьева и др.]. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. – 719с.*
10. *Ахунжанов Г.Х.* Татар теленең идиомалары. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. – 118б.
11. *Сафиуллина Ф.С.* Татарча-русча фразеологик сүзлек / Ф.С. Сафиуллина. – Казань: Магариф, 2001. – 335 б. 171. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. 3 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр 335б.
12. *Deutsche Idiomatik. Die deutschen Redewendungen im Kontext von Prof. Dr. Hans Schemann* Dresden Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung. – 865s.

10.02.04

¹А.В. Гончарова, ¹А.Ю. Команова, ²Д.М. Костина¹Белгородский государственный технологический университет,
Подготовительный факультет,

кафедра русского языка и межкультурной коммуникации,

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Институт межкультурной коммуникации и международных отношений,

кафедра второго иностранного языка,

Белгород, Anastazy2005@yandex.ru, scaralla@mail.ru, dkostina@mail.ru

СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В данной работе представлены основные способы осуществления манипулирования в англоязычном медиадискурсе политической направленности: референциональный и аргументативный. Данные виды манипулирования достигаются посредством использования в медийных отрывках политической направленности метафор, эвфемизмов, языковой игры, манипулятивных номинаций и «психологического айкидо». Использование данных приемов и фигур речи в англоязычном медиадискурсе политической направленности способствует возникновению в сознании реципиентов иллюзий и заблуждений, побуждающих их думать и действовать так, как выгодно манипулятору.

Ключевые слова: *англоязычный медиадискурс, референциональное манипулирование, аргументативное манипулирование, языковая игра, манипулятивные номинации, «психологическое айкидо».*

В современном обществе мы часто сталкиваемся с такими понятиями как, «действие», «дискурс», «язык», «знание», «общество», «сознание», которые тесно взаимосвязаны, однако четкое определение данных явлений едва ли считается возможным.

На наш взгляд, наиболее полное и точное определение медиадискурса принадлежит М.В. Гречихину: «Медиадискурс является социально-регулятивным механизмом, организующим массовое сознание посредством формирования и тиражирования социально значимых когнитивных, аксиологических и регулятивных смыслов» [2]. Массово-информационный дискурс представляет собой не столько передачу определенной информации адресанту, сколько формирование образа мысли человека, получившего эту информацию.

Медиадискурс политической направленности является активным интерпретатором, так как СМИ существенно влияют на смысл передаваемых тем, обслуживая те или иные группы интересов, в связи с чем мы можем наблюдать явления языкового манипулирования различного вида в медиатекстах, при помощи чего и происходит осуществление политической власти.

Под языковым манипулированием следует понимать целенаправленное использование особенностей устройства и употребления языка, способствующих возникновению в сознании реципиентов иллюзий и заблуждений, побуждающих его действовать так, как выгодно манипулятору [1].

В медиадискурсе политической направленности существуют различные виды языкового манипулирования, являющиеся неотъемлемой частью любой стратегии. Е.И. Шейгал выделяет два основных вида манипулирования: референциальное (искажение образа денотата/референта в процессе обозначения действительности) и аргументативное (искажение постулатов общения) [4].

Данные виды манипулирования в медиадискурсе политической направленности осуществляются посредством употребления в медиатексте метафоры, языковой игры, приёма манипулятивных номинаций, а также «психологического айкидо».

Так, например, автор данного медийного отрывка применяет референциональное манипулирование посредством использования метафорического двусмысленного выражения, основанного на игре слов:

...The result will be the pressure of a general election testing Labour at a time when its leadership is weak, its policies—particularly on Brexit—are unclear and its ability to cut through to a divided electorate greatly hampered. All of this makes a Labour victory unlikely. ... The party is, in essence, a turkey voting for Christmas [7].

Идиома *turkey voting for Christmas* обозначает явление или ситуацию, при которой результат того или иного мероприятия заведомо провален, и таким образом автор преувеличивает невозможность победы лейбористов на выборах. Автор также ссылается к омонимичной номинации *party* в последнем предложении, что способствует осуществлению референционального манипулирования, основанного на игре слов, поскольку, объединяя слова в парадигму «праздник» (подразумевая *party* в значении «вечеринка», а не «партия»), автор не просто усиливает эффект нереальности происходящего, но и отключает внимание реципиента от политического контекста как такового.

Употребление эвфемизмов также способствуют осуществлению манипулирования в медиадискурсе политической направленности:

...Judge Garland also refused to say whether illegal alien gang members or illegal aliens who have assaulted U.S. citizens should be deported, if a judge orders it [6].

В данном медийном отрывке речь идет о неприемлемых действиях, осуществляемых эмигрантами, нелегально проживающими на территории страны (*illegal aliens*), в отношении граждан Соединенных Штатов. Номинация *illegal alien* (подданный другого государства, проживающий на территории чужой страны) является менее жесткой, по сравнению с, например, номинацией *illegal immigrant*. Эвфемизм, употребленный в контексте данного медийного отрывка, позволяет смягчить недовольства граждан страны, позволив государству найти наиболее гуманный подход в решении подобных конфликтов, снизив риск применения резких, либо неправомерных действий в отношении нелегально проживающих эмигрантов со стороны мирных граждан. Кроме того, номинация *alien*, как таковая, подчеркивает принадлежность человека к стране, гражданином которой он является, в то время как использование номинации *immigrant* подразумевало бы то, что ответственность за все действия нелегально пребывающих на территории страны, лежит полностью на государстве, в котором они проживают.

В следующем отрывке мы видим пример аргументативного манипулирования, осуществляемого посредством употребления приёма «психологического айкидо», обусловленного употреблением в тексте метафорического выражения в медиадискурсе политической направленности:

“I’m a yellow dog Democrat, and I felt I voted for a yellow dog. Biden would have beaten Trump. Probably Sanders would have beaten Trump. I think she lacked it. That’s why she lost. She had her chance eight years ago and Obama beat her for the nomination...” [5].

Фразеологизм *yellow dog Democrat* употребляется в отношении избирателей южных штатов США, голосующих исключительно за кандидатов Демократической партии из-за категоричного несогласия с республиканской концепцией, имеющей место еще в период гражданской войны. В современном английском языке данная номинация употребляется применительно к избирателю, который скорее проголосовал бы за «безродную собаку» (*yellow dog*), чем за республиканцев. Кроме того, одно из значений идиомы *yellow dog* – «трус», «человек, идущий против своих убеждений». Таким образом, Гордон Смит, используя манипулятивную номинацию, доказывает, что «черное – это хорошо замаскированное белое», и, называя себя *yellow dog Democrat*, прибегает к приему так называемого «психологического айкидо», приписывая себе дискредитирующие номинации

до того, как это сделал кто-то другой, обеспечивая тем самым неприкосновенную нишу и выступая в качестве честного положительного героя [3].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, мы можем отметить, что различные виды языкового манипуляции в медиадискурсе политической направленности (референциональное и аргументативное) достигается при помощи использования автором различных фигур речи и языковых конструкций, таких как метафоры, эвфемизмы, языковая игра, манипулятивные номинации и «психологическое айкидо». Использование вышеперечисленных способов осуществления манипулирования в англоязычном медиадискурсе политической направленности направлено на формирование и поддержание у аудитории определенного ряда стереотипов, отраженных в принципах противопоставления и единства, основанных на удержании власти и борьбы противоположностей.

Список литературы

1. Гаврикова О.Е. Феномен манипуляции в политическом дискурсе // Хабаровск: Ученые заметки ТОГУ, 2017–2017. – Том 8, № 4. – С. 157-162
2. Гречихин М.В. Современный русский медиадискурс: язык интолерантности: на материале языка российских СМИ: дис. канд. филол. наук. – Белгород, 2008. – С. 56-58.
3. Команова А.Ю. Функционирование фразеологизмов с элементами цветообозначения в англоязычном медиадискурсе: дис. канд. филол. наук. – Смоленск, 2018. – С. 14, 31-48, 132.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Волгоград, 2000. – С. 286-289.
5. <https://wvmetronews.com/2017/01/20/trump-will-be-fine-predicts-presidential-biographer-living-in-w-va/> (дата обращения: 18.06.2021)
6. <https://www.dailymail.co.uk/news/article-9352851/Line-migrants-smuggled-Rio-Grande-border-crossings-SURGE.html> (дата обращения: 15.06.2021)
7. <https://www.prospectmagazine.co.uk/politics/labour-is-a-turkey-voting-for-christmas> 2017 (дата обращения: 20.06.2021)

10.02.04

Е.В. Гусева, Е.В. Стрельцова

Самарский государственный социально-педагогический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка и методики преподавания иностранных языков,
Самара, eleina.g@mail.ru, elvara@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК СРЕДСТВО ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗАГЛАВИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В работе представлены результаты изучения заглавия художественного текста как элемента дискурса. Анализ проведен на материале произведений английской классики XX столетия на трех уровнях: собственно текстовом, мировоззренческом (концептуальном), интертекстуальном. Сделан вывод о возможности символической интерпретации заглавий исследуемых текстов.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, заглавие, художественный текст, интерпретация.

В настоящее время дискурсивный анализ представляет собой одно из центральных направлений лингвистики, которое имеет свою специфику – уровни анализа, методы и методики. Достаточно широкое применение это направление получило при исследовании художественного текста, не только позволяющего, но и обязательно подразумевающего обращение как к собственно языковым параметрам, так и к так называемому «вокругтекстовому фону» (термин В.Е. Чернявской).

В фокусе нашего внимания находится заглавие художественного текста, занимающее по отношению к нему сильную позицию и, вследствие этого, суммарно выражающее замысел автора в единстве его идиостилевых и мировоззренческих особенностей.

Целью настоящей публикации является исследование заглавия художественного текста как элемента литературного дискурса, позволяющее представить его адекватную интерпретацию. Материалом для исследования послужили заглавия рассказов английских авторов – Дж. Голсуорси и Дафны Дюморье. Это “The Apple-Tree” by J. Galsworthy (1916) [8] “The Apple Tree” by D. du Maurier (1952) [9]. Об этих произведениях написано много литературоведческих и лингвистических статей, но никто не обращался к исследованию заглавий. Именно эта *одинаковость* заглавия явилась причиной нашего обращения к текстам классиков прошлого столетия, таким *различным* во всех отношениях.

Дискурсивный анализ, как известно, включает в себя разнообразные подходы, методы и методики исследования. В связи с этим уместно привести следующее определение дискурсивного анализа, которое мы принимаем в качестве рабочего: «Дискурс-анализ — это совокупность аналитических методов *интерпретации* различного рода текстов или высказываний как *продуктов речевой деятельности* людей, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях» [2].

Принимая данную трактовку, при анализе художественного текста начинаем с текстоцентрического подхода, где слово изучается в канве текста. С другой стороны, слово и само построение текста – отражение идиостиля писателя – это выход на мировоззренческие параметры автора. Особенно это важно для заглавия, занимающего, как было отмечено, сильную позицию текста.

Отсюда определяются следующие этапы анализа [7:145].

1. Уровень текста: анализ языковых средств, используемых автором при реализации смысловой структуры (концепта).

2. Уровень вокругтекстового анализа, позволяющего вычленить концепт, отражающий мировоззрения авторов.

3. Уровень межтекстового дискурсивного анализа, раскрывающий интертекстуальные связи текстов.

Упреждая анализ языкового наполнения текстов, остановимся, прежде всего, на содержании этих произведений. Денотативное пространство текста складывается из незначительного числа событий, и, как и следует в тексте рассказа, охватывает одну проблемную ситуацию. У Дж. Голсуорси герой рассказа с женой, путешествуя по сельской местности, попадают туда, где герой встретил свою юношескую любовь и не смог ее удержать. У Д. Дюморье герой произведения, мужчина пенсионного возраста, теряет жену, которая умирает от воспаления легких, и вскоре сам погибает, не сумев выбраться из своеобразного «капкана», который ему поставила природа в виде корней старого яблоневого дерева.

Несмотря на различия сюжетного плана, смысловое содержание в этих текстах можно считать практически одинаковым: затрагивается одна из самых важных проблем – взаимоотношения между мужчиной и женщиной, которые, однако, разворачиваются в различных измерениях человеческого бытия. У Дж. Голсуорси это моменты первой любви, которой не суждено было пойти далее романтических отношений, тогда как у Д. Дюморье это семейная драма, длившаяся многие годы. В обоих повествованиях конец трагичен – в первом молодые люди не смогли прожить жизнь вместе, а во втором муж погибает после смерти жены от воспаления легких.

Для удобства сравнительного описания выбираем в качестве базового текст рассказа Д. Дюморье, а среди разнообразных языковых средств, позволяющих описать содержательно-смысловую структуру текста, выделяем художественную деталь, имеющую, в свою очередь, свое языковое выражение.

Семантическое пространство текста этого автора выписано всеми видами детали – изобразительной, уточняющей, характерологической и символической, причем часто уточняющая деталь становится символической. Символ понимается нами как художественный образ, передающий какую-либо мысль [5:93], определенная сюжетная метафора, в которой образ предстает и как реальный предмет, и одновременно указывает на какое-то другое явление окружающего мира по признаку сходства, то есть выполняет функцию метафоры [4:160].

В качестве такой уточняющей детали, несущей определенный дополнительный смысл, выступает описание яблони в саду героя. Однако стилистика текста обнаруживает одну особенность: такое восприятие приходит не сразу, поскольку достаточно трудно провести грань между изобразительной и уточняющей типами детали, уточняющей и символической. Текст начинается с описания яблони:

The tree was stagy and of a depressing thinness (...). Its few branches, growing high up on the trunk like narrow shoulders on a tall body, spread themselves in martyred resignation (...). The roll of wire circling the tree (...) looked like a grey tweed skirt covering thin limbs; while the topmost branch, sticking up into the air above the ones below, yet sagging slightly, could have been a drooping head poked forward in the attitude of weariness [9:114].

Мы видим яблоню, стоящую в саду, но образные сравнения (*like narrow shoulders on a tall body*, *like a grey tweed skirt covering thin limbs*, *could have been a drooping head*) в сочетании с эпитетами (*stagy* and of a *depressing* thinness, *martyred* resignation, attitude of *weariness*) явно рисуют женщину – немолодую, некрасивую, и, возможно, много страдавшую в жизни. Далее по ходу повествования изображение яблони дополняется, меняется, и, что немаловажно, становится ни чем иным, как символом жизни, прожитой женщиной по-своему, по-своему любившей мужа и не нашедшей взаимности.

Если обратиться к тексту Дж. Голсуорси, то, в первую очередь, поражает отсутствие чисто описательных фрагментов: изобразительная деталь переходит в характерологическую. Так, в самом начале повествования, Стелла и Эшерст, отмечая серебряную годовщину своей свадьбы, останавливаются в живописном местечке:

She [Stella] was looking for a place where they might lunch (...) and this, between the golden furze and the feathery green larches smelling of lemons in the last sun of April – this, with a view into the deep valley and up to the long moor heights, seemed fitting to the decisive nature of one who sketched in water-colors, and loved romantic spots [8].

Таким образом, уже в первых строках повести читатель знакомится с той, которую Эшерст предпочел своей первой любви, ведь Стелла не центральный персонаж, и живописное местечко лишь прелюдия к истории о любви, которой не суждено было сбыться.

Когда же появляется яблоня, этот символ несбывшейся любви и семейного счастья? Опять в описательной детали, которая уже в первом представлении – при условии дальнейшего прочтения текста – может трактоваться как символическая:

(...) and the big apple tree, lowest in the orchard, grew so close that its boughs almost overhung the water; it was in leaf, and all but in flower - its crimson buds just bursting [8].

Эта яблоня совсем другая – только расцветает и, кажется, все лучшее еще впереди, как и у той девушки с глазами, влажными и ясными, как роса, которую встречает Эшерст:

(...) her grey eyes were the wonder-dewy as if opened for the first time that day [8].

Далее уместно упомянуть о том, что часто называют атмосферой текста, и, тем самым, перейти на второй уровень анализа, сопряженный с мировоззренческой позицией автора. У Д. Дюморье читатель погружается в некую мистическую историю, в которой образы вещного мира играют не последнюю роль, а в данном тексте – ведущую, в то время как у Дж. Голсуорси мы видим вполне реалистичное повествование, которое предваряется размышлениями автора о мимолетности человеческого счастья.

Сама Д. Дюморье не раз признавалась, что одержима прошлым, для нее время – континуум, где настоящее неотделимо от прошлого и будущего. "Все мы – тени вчерашнего дня ..." – писала она в автобиографии "Возрастающая боль: формирование писателя" [3]. Именно поэтому уточняющая деталь, описывающая яблоню на протяжении всего повествования, все более и более возвращает нас в прошлое, рисуя умершую жену, Мидж, и, одновременно с этим, показывая наполненное каким-то мистицизмом ее влияние на мужа, которое он не понимал и не хотел понять:

He went on staring at the apple tree. The martyred bent position, the stooping top, the weary branches, the few withered leaves that had blown away with the wind and rain of the past winter and now shivered in the spring breeze like wispy hair; all of it protested soundlessly to the owner of the garden looking upon it, 'I am like this because of you, because of your neglect' [9:115].

(...) he could not escape the tree, that it stood there above him, reproachful, anxious, desirous, of the admiration that he could not give [9:140].

В приведенных примерах, избыливающих эпитетами с отрицательной коннотацией, чувствуется неприятие героем жены, нежелание ответить на ее чувства.

Возвращаясь ко второму тексту с названием "The Apple Tree", необходимо отметить прямую противоположность его атмосферы: рассказ написан в реалистической манере, яблоня воспринимается как символ молодости и любви.

He (Ashurst) got up and broke off a spray from a crab-apple tree. The buds were like Megan-shell-like, rose-pink, wild, and fresh; and so, too, the opening flowers, white, and wild, and touching. He put the spray into his coat. And all the rush of the spring within him escaped in a triumphant sigh [8].

Несмотря на такие различия, лейтмотив одинаков – человеку всегда дается возможность счастья. Однако насколько он воспользуется этим, зависит только от него. Отсюда, возможным концептом этих произведений – той «ниточкой», которая распутывается в сюжете и ведет к кульминации и развязке, является концепт неиспользованной возможности.

Концептуальная составляющая произведения связана, несомненно, с творческой позицией автора, текст – часть его мировоззренческого пространства, представленного словесно, тем неповторимым сочетанием вербальных форм, которые и составляют идиостиль этого автора. Если обратиться к нашим авторам, то всем известно, что Дж. Голсуорси всегда отстаивал реалистические принципы изображения действительности, разделяя всех служителей искусства на реалистов и романтиков [6]. Однако писатель сам отмечает: «... даже у самого убежденного реалиста пробивается романтическая струя, а самому заядлому романтику не всегда удастся быть не таким уж нереалистичным» [1:141-142]. То, что мы видим в рассказе «The Apple-Tree», – прекрасная тому иллюстрация, ведь самая простая история юноши и девушки представлена не просто поэтическим, образным языком, о чем говорилось выше, но и содержит своеобразное романтическое введение к повествованию – отсылку к греческой легенде о мимолетности счастья и красоты, удержать которые может лишь искусство:

There could be no garden of his choosing, of "the Apple-tree, the singing, and the gold," in the words of that lovely Greek chorus, no achievable elysium in life, or lasting haven of happiness for any man with a sense of beauty-nothing which could compare with the captured loveliness in a work of art (...). Life no doubt had moments with that quality of beauty, of unbidden flying rapture, but the trouble was, they lasted no longer than the span of a cloud's flight over the sun; impossible to keep them with you, as Art caught beauty and held it fast [8].

Второй из наших авторов, Д. Дюморье, не принадлежит ни к реалистам, ни к романтикам, хотя нельзя отрицать, что использует в своих произведениях элементы реалистического повествования, а некоторые из ее пассажей, например описание цветения яблонь в саду у нашего рассказе, звучат очень романтично. Мастер слова, идиостиль которого включает в себя богатейший набор образных средств, Д. Дюморье – яркая представительница психологического триллера. В отличие от Дж. Голсуорси она заставляет нас почувствовать и ожидать на протяжении всего повествования, что должно произойти что-то такое, что, возможно, соединит мужа и умершую жену, но неестественным, страшным образом. Вспомним, какими словами завершается повествование:

[...] a stray piece of brushwood, cold and wet, touched his lips, it was like a hand, hesitant and timid, feeling its way towards him in the darkness [9:159].

Мотив непонимания двух людей и, одновременно, стремление жены эмоционально удержать мужа даже после смерти, созвучен тому, что мы находим в рассказе Дж. Стейнбека «Сбруя» [10]. Герой нашего рассказа, как и Питер Рендел в рассказе Дж. Стейнбека, ощущает постоянное присутствие умершей жены, ее давление. Если последний прямо говорит о ней “She didn’t die dead ... She won’t let me do things. She worried me all these years ... [10:259-260], то у Д. Дюморье это неприятие, даже отвращение, проявляется символически – через неприятие старой яблони в саду:

It was extraordinary the dislike he had taken to the tree [9:144].

Очевидно, таким, образом, что полное понимание концепта произведения возможно только с привлечением интертекстуальных связей текста, в рамках широкого текстового взаимодействия.

В повести Дж. Голсуорси исследование межтекстовых связей ведет нас к греческой мифологии. Своеобразным ‘эпиграфом в тексте’ становится строка "the Apple-tree, the singing, and the gold," in the words of that lovely Greek chorus” в начале рассказа. По преданиям яблоневое дерево росло в саду у богини Геры, и те, кто съедал яблоко с него, становились бессмертными, оставались вечно молодыми. У нашего автора, как уже отмечалось выше, речение приобретает отрицательную коннотацию – мимолетности или даже невозможности счастья. Название «The Apple Tree / Яблоня» – символ неиспользованной возможности счастья. Интересно отметить, что в некоторых переводах заглавие звучит как «Цвет яблони». Возможно, именно такая интерпретация является более точной, ведь цвет – это только начало, и никто не знает, что последует дальше.

Таким образом, возвращаясь к цели настоящей публикации - исследованию заглавия как элемента литературного дискурса, выделяем следующие основные моменты, позволяющие интерпретировать оба заглавия "The Apple Tree" как несущие *символическое* начало в наших художественных текстах.

- Анализ текста как ядерного элемента дискурса проведен на трех уровнях: собственно текстовом (денотативном), концептуальном, интертекстуальном.
- Исследование семантического пространства текста через художественную деталь позволило перейти от событийной канвы на более высокий уровень – концептуальный, отражающий мировоззренческие позиции автора.
- Широкие интертекстуальные связи текста, реализующие как идиостию, так и мировоззрение автора, дали возможность связать воедино все ниточки анализа и предложить определенную интерпретацию заглавия.

Список литературы

1. Голсуорси Дж. Собрание сочинений: в 16-ти томах. Том 16 /Дж. Голсуорси, перевод с английского. – М.: Правда, 1962). С. 141 – 142.
2. Гуманитарный портал // электронный ресурс Интернет: <https://gtmarket.ru/concepts/7232> (дата доступа 2.06.2021).
3. Дюморье Д. Возрастающая боль: формирование писателя (Growing Pains: the Shaping of a Writer", 1977) // электронный ресурс Интернет: – <https://www.school-essays.info/dyu-more-dafna-romanistka-avtor-rasskazov-pes-i-biografij/> (дата доступа 1.06.2021).
4. Пелевина Н.Ф. Стилистический анализ художественного текста. Л.: Просвещение, 1980. – 270 с.
5. Словарь русского языка в 4-х томах. Том 4. М.: Русский язык, 1984. – 792 с.
6. Фурсова И.Н. Эстетические взгляды Джона Голсуорси как основа идиостиля писателя // электронный ресурс Интернет: <https://cyberleninka.ru/article/n/esteticheskie-vzglyady-dzhona-golsuorsi-kak-osnova-idiostilya-pisatelya/viewe> (дата доступа 1.06.2021).
7. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интетекстуальность, интердискурсивность. – М.: книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
8. Galsworthy J. The Apple Tree // электронный ресурс Интернет: <https://www.homeenglish.ru/galsthe.htm> (дата доступа 1.06.2021).
9. Maurier du D. The Apple Tree // The Birds and Other Stories. – Vigaro Press, 2006. P. 114 – 159.
10. Steinbeck J. The Harness // 20 Great American Short Stories. – М.: Юниверс-Интер, 2003. С. 244 – 260.

10.02.04

А.А. Смирнов

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»,
факультет иностранных языков,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Коломна, seventhgate027@gmail.com

**АВТОРСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ
В РАССКАЗАХ ДЭВИДА МИТЧЕЛЛА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА *BLACK SWAN GREEN*)**

Современная лингвистика интересуется исследованием национальных особенностей языка и их выражением в речи носителей языка. В настоящей статье представлены результаты анализа особенностей авторских окказиональных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в рассказе Дэвида Митчелла, виды подобных фразеологизмов, а также примеры использования подобных окказионализмов.

Ключевые слова: лингвистика, фразеология, авторские окказионализмы.

На формирование картины мира влияют не только язык, но и другие социальные факторы: обычаи и традиции, природа и ландшафт, воспитание и обучение. Картина мира может быть представлена с помощью пространственных, временных, количественных, этических и других параметров. Между миром и естественным языком нет прямого и однозначного соответствия. Посредником между ними выступает когнитивная деятельность человека. В результате такого рода деятельности формируются когнитивные модели, представляющие собой мыслительные структуры, в которых человек реализует свои представления о том или ином фрагменте внешнего мира. В.Н.Телия считает, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», ведь фразеологические единицы как бы определяют особое отношение к миру, ситуациям у носителей того или иного языка.

Одним из важных факторов формирования картины мира являются животные, ведь им отводилось особое место в жизни людей. В древности их обожествляли и использовали в различных ритуалах, и именно из ритуала, по мнению многих лингвистов, и появился язык. Огромное значение животных для лингвокультурных сообществ находит и отражение в языковой картине мира.

Фразеологические единицы, одним из компонентов которых является зооним, образуют обширную подсистему фразеологической системы языка. Данная система хоть и имеет общий семантический компонент-зооним, является разнообразной. Фразеологизмы, которые входят в нее, представляют большой интерес не только с точки зрения изучения языка, но и с точки зрения философии, истории, культурологии, ведь, возникнув на основе абстрактного представления о некоем животном, они показывают национальную самобытность языка посредством системы оценочно-образных эталонов. Многие авторы романов используют в своих произведениях фразеологизмы с компонентом-зоонимом, чтобы придать ситуациям экспрессивности и национальной специфичности.

Говоря об особенностях использования фразеологизмов в произведениях, стоит упомянуть, что в лингвистической литературе традиционно выделяют два типа функционирования языковых единиц: 1) узуальное употребление (без изменения семантики и/или структуры); 2) окказиональное употребление (с изменением (авторской обработкой) семантики и или структуры).

В первом случае автор использует фразеологические единицы в том составе и значении, которые известны всем. Особо значимы для художественного текста фразеологизмы, имеющие образный характер. Эта образность возникает в результате сложной семантической связи между значением исходного свободного словосочетания (предложения) и переосмысленной семантикой фразеологической единицы. Употребление образных фразеологизмов придаёт речи выразительность, афористичность и часто служит средством создания шутливой, иронической окраски.

Внимание исследователей всегда привлекают факты окказионального использования фразеологизмов, связанные с изменением их семантики или структуры. Окказиональными видоизменениями фразеологических единиц принято считать трансформации значения или структуры фразеологической единицы с определённой художественной задачей. «Окказиональное значение — значение, приданное данному слову в данном контексте речевого употребления и представляющее собой известный отход, отступление от обычного и общепринятого». Дело в том, что в обычной речи фразеологизмы всегда сохраняют свой состав и значение и в той или иной мере утрачивают свою образность, становятся привычными. Поскольку при узуальном употреблении состав и значение фразеологизма остаются постоянными, со временем фразеологические единицы становятся привычными и теряют свою образность. Не случайно писатели, используя различные трансформации, пытаются пробудить образность, придать устойчивым выражениям яркость и выразительность.

Исследованию видоизменения фразеологизмов посвящены работы таких учёных, как Е. Ф. Арсентьевой, В.В. Виноградова, А.В. Кунина, Э. И. Халатникова, Н.М.Шанского, Н. Л. Шадрина и др. Описаны различные типов трансформаций фразеологических единиц, которые можно объединить в три основные группы: 1) трансформации, изменяющие семантику фразеологизмов, но не затрагивающие их структуру; 2) трансформации, преобразующие структуру фразеологизмов, и что влечет за собой обновление их содержания; 3) комплексные трансформации, представляющие собой объединение нескольких приёмов окказиональных видоизменений.

В настоящей статье мы решили проанализировать рассказ одного из наиболее выдающихся современных британских авторов – Дэвида Митчелла, который написал девять романов, два из которых вошли в шортлист Букеровской премии. Рассказ «*Black Swan Green*» кажется наиболее удачным для настоящего исследования, ведь в нем использовано достаточное количество фразеологизмов с компонентом-зоонимом для подготовки анализа авторских окказионализмов.

Вслед за Р.Ф. Абдуллиной, мы делим авторские окказионализмы на три группы: 1) преобразования, изменяющие структуру фразеологических единиц и тем самым вносящие некоторые инновации в их содержание; 2) преобразования, изменяющие содержательную сторону фразеологических единиц, но не нарушающие их структуру; 3) сложные преобразования, представляющие собой комбинацию двух и более приемов окказиональных преобразований.

Среди трансформаций первого типа нами были выделены такие как замена лексического компонента, вклинивание, эллипсис. Большинство ученых в области фразеологии рассматривают замену лексического компонента как один из самых распространенных типов трансформаций. Замена компонента фразеологической единицы обусловлена, прежде всего, контекстом и необходимостью достичь определенного стилистического эффекта. Продемонстрируем это положение на примере:

Donkey's yonks'd gone by since it'd seen active service, mind. В данном примере видно, что автор обращается к первоначальной форме фразеологизма *donkey's years*, однако изменяет ее, чтобы добиться приближенности подобной лексики к коллоквиальной, ведь действие рассказа происходит в английской деревне.

Вклинивание является наиболее распространенным приемом трансформации в описываемом произведении и используется автором в нескольких фразеологизмах. Посредством данного приема происходит усиление экспрессивности и выразительности всего высказывания. Вклинивание мотивируется как контекстом, так и авторской интенцией. Пример: *If you didn't **breed like a buck-rabbit** with every she-bunny who raises her fluffy tail your way, Jock, you wouldn't have so many children on the brink of starvation.* В данном примере видно, что во фразеологизме *breed like rabbits* добавлена новая лексическая единица, актуализирующая ее значение и придающая признак пола.

Прием эллиптированного использования автором пословицы *Leopards can/can't change their spots.* В предложении *'Ain't gettin' off of it.'* *Dean's dad didn't smile back.* *'Leopards **changing their spots**, is it?'* видно отсутствие элемента *can/can't*. Данную особенность можно объяснить намерением автора создать коллоквиальный эффект, ведь в этом примере также встречается использование другой коллоквиальной лексики.

К трансформациям, изменяющим содержательную сторону фразеологических единиц, но не нарушающих их структуру, можно отнести фразеологизм *duck and dive* (в значении «болтать головой») в примере *Reading dictionaries like I do helps you do these **ducks and dives**, but you have to remember who you're talking to.* В рамках контекста фразеологизм приобретает иную содержательную сторону и означает «*петлять, увиливать от ответа*».

Фразеологизмы третьего типа встречались довольно редко в произведении Дэвида Митчелла, что не позволяет сделать достоверных выводов и частоте и особенностях их использования.

Таким образом, в романе автора встречалось использование двух видов авторских окказионализмов. Подобное явление помогает сделать текст более выразительным, придать индивидуальности произведению, формируют яркие образы персонажей и актуализируют скрытые смыслы в рамках ситуаций как всего произведения, так и отдельных его частей. Исследование фразеологических окказионализмов представляет особый интерес и может служить предметом дальнейшего исследования особенностей авторского стиля Дэвида Митчелла на примере других романов писателя.

Список литературы

1. Абдуллина Р.Ф. Контекстуальные трансформации фразеологических единиц в английском и русском языках [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. филол. н. URL: <https://www.dissercat.com/content/kontekstualnye-transformatsii-frazeologicheskikh-edinit-v-angliiskom-i-russkom-yazykakh> (дата обращения: 12.06.2021).
2. Смирнов А.А., Шумбасова С.С. Национально-культурный компонент в структуре фразеологических единиц в английском языке. – Казанская наука. №3 2020г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. – с. 93-95
3. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М., Аспект Пресс, 2005. – 269 с.
4. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка. - М., Высшая школа, 1985. – 266 с.

10.02.04

Е.В. Третьякова канд. филол. наук, С.А. Хахалова д-р филол. наук

Иркутский государственный медицинский университет,
кафедра иностранных языков с курсами латинского языка и
русского как иностранного,
trew77@mail.ru, ipsvet@mail.ru

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕКЛАМНОГО ТУРИСТСКОГО ДИСКУРСА

Цель исследования - провести лингвистический анализ метафор, организующих рекламный туристский дискурс. В статье рассматриваются способы метафорической концептуализации туристских объектов Германии. Научная новизна исследования заключается в описании концептуальной метафоры *DEUTSCHLAND IST EIN PARADIES* (ГЕРМАНИЯ – ЭТО РАЙ). В результате выявлено, что сфера-источник метафоризации представлена своеобразным «контейнером» в виде бленда ментального пространства, организованного концептами-синонимами *PARADIES*, *SCHLARAFFENLAND*, *ELDORADO*, который идентифицируется с концептом *СЧАСТЬЕ* и способствует формированию положительного отношения к объектам внутреннего туризма.

Ключевые слова: метафора, рекламный туристский дискурс, концептуальная метафора, концепт, Германия

Данное исследование проводится в русле анализа лингвоаксиологических дискурсивных операций [5, 21] на основе интерпретации языкового материала рекламных текстов о туризме в концептуальной рамке «Я – МИР – ДРУГИЕ». Не секрет, что сфера туризма претерпевает в настоящее время значительные изменения. В связи с пандемией и нестабильностью внешнего туризма многие турфирмы переключаются на внутренний туризм. Поэтому интересен опыт Германии, где наблюдается ежегодный стабильный рост внутреннего туризма. Анализ материала показывает, что осмысление интегративного пространства рекламного туристского дискурса носит часто метафорический характер.

В ходе исследования метафорики рекламного туристского дискурса Германии [6] выяснилось, что одной из наиболее распространенных концептуальных метафор является модель *DEUTSCHLAND IST EIN PARADIES* (ГЕРМАНИЯ – ЭТО РАЙ). Метафорическая проекция из сферы-источника РАЙ на сферу-мишень ГЕРМАНИЯ способствует мифологизации рекламного туристского дискурса, вызывая положительные чувства целевой аудитории, связанные с концептом РАЙ, формируемым с детства в ментальной памяти как положительно векторный. Поэтому, представляя Германию как рай и объект мира фантазий, составители рекламы, привлекая туристский поток, создают миф о туристской Германии с ореолом положительных ассоциаций. В качестве примера приведём заголовок:

Tausend und eine Blüte – der Bodensee, das Paradies am Fuß der Alpen.

(Тысяча и один цветок – Боденское озеро, рай у подножия Альп.)

<https://reisemagazin-online.com/bodensee/>

В этом заголовке функционирует метафора *das Paradies*, проведем её анализ, следуя алгоритму анализа метафор [7]. Это двусторонняя семасиологическая метафора-слово, реальным денотатом которой является озеро у подножия Альп, а фиктивным денотатом – райское место. Согласно немецкоязычным толковым словарям [8,9,10,11] в значении лексемы *das Paradies* обнаруживаются следующие семантические признаки: *Religion* (религия), *schön* (красиво), *Garten* (сад), *üppig* (пышный), *Pflanzenwuchs* (растительность), *friedlich* (мирно), *Tierwelt* (животный мир), *Stätte* (место), *Frieden* (мир), *das Glück*

(счастье), *die Ruhe* (покой), *der erste* (первый), *der Mensch* (человек), *der Gott* (Бог), *Lebensbereich* (место обитания); *Garten Eden* (райский сад), *Bereich* (область), *die Aufenthalt* (пробывание), *die Engel* (ангел), *die Seligen* (праведники), *nach* (после), *Tod* (смерть); *Himmel* (небо). Константой сравнения двух денотатов являются семантические признаки *Stätte* и *Glück*, которые позволяют предполагать, что Боденское озеро (*Bodensee*) – это именно то место, где можно и нужно быть счастливым.

Остановимся на интерпретации слова *das Paradies* (рай), которое согласно нормам немецкого языка, употребляется с определенным артиклем, так как является единственным в своем роде, а в рекламе оно часто употребляется с неопределенным артиклем:

Durch die beeindruckende Landschaft der Sächsischen Schweiz, nach Elbflorenz und ins Gartenreich Wörlitz! Bei gemütlichen Radetappen erleben Sie am Elbe-Radweg ein wahres Landschafts-, Natur- und Kulturparadies.

(Через впечатляющие пейзажи Саксонской Швейцарии, во Флоренцию на Эльбе и царство садов Верлиц! Во время уютных этапов велосипедного тура вы прочувствуете на отрезке Эльбы **настоящий пейзажный, природный и культурный рай.**)

<http://ulm.radferien.com/radreisen-von-ort-zu-ort/rm-12-elbe-bad-schandau-woerlitz/>

Замена определенного артикля на неопределенный представляет собой особый стилистический прием – грамматическую метафору (*das Paradies am Fuß der Alpen - ein wahres Landschafts-, Natur- und Kulturparadies*). Функциональная и прагматическая нагрузка грамматической метафоры позволяет предположить, что, с одной стороны, Боденское озеро в Германии – истинный рай, но мест, схожих с раем много, и окрестности рек Эльбы являются не обязательно и не только местом для праведников, но и местом для любителей отдыха. Семантическая валентность слова *das Paradies* позволяет развернуться ему в словосочетание *ein wahres Landschafts-, Natur- und Kulturparadies* (**настоящий пейзажный, природный и культурный рай**), что позволяет привлечь иную целевую аудиторию – любителей красивых пейзажей, природы и культуры.

В ходе анализа практического материала выяснилось, что сферой источником метафоризации концептуальной метафоры со сферой-мишенью Германия в туристском рекламном дискурсе могут быть, наряду с концептом РАЙ и другие, синонимичные ему концепты. Рассмотрим следующий пример:

*Das Technik Museum Speyer ist nicht nur ein Eldorado für Oldtimer- und Flugzeugfans, auch die Freunde historischer Lokomotiven kommen voll auf ihre Kosten. (Музей техники Шнейер – это не только **Эльдорадо для фанатов старины и самолётов**, также любители исторических локомотивов окупят сполна свои расходы).*

<https://speyer.technik-museum.de/de/lokomotiven>

В качестве синонима концепта PARADIES используется концепт EIN ELDORADO, именем которого является двусторонняя ономазиологическая метафора-слово, реальным денотатом которой является *das Technik Museum Speyer* (Музей техники Шнейер), а фиктивным денотатом является *ein Eldorado* (Эльдорадо). Существительное *das Eldorado* испанского происхождения в немецких толковых словарях трактуется с пометой *gehoben*: a) *Land mit sagenhaften Goldschätzen*, b) *paradiesisches Wunschland*, c) *Gebiet, das jemandem (z.B. in Bezug auf eine bestimmte Betätigung) ideale Gegebenheiten, Voraussetzungen, ausreichende Entfaltungsmöglichkeiten bietet* [Duden online]. Тот факт, что метафорическое значение указано в словарях, позволяет отнести метафору в разряд стертых. В словаре синонимов [Duden 2007, 785] слова *Paradies* и *Eldorado* рассматриваются как синонимы, значением которых является страна мечты, место, где существуют идеальные условия для жизни, где можно быть счастливым.

Синонимический ряд метафор можно продолжить. Рассмотрим еще один пример:

Das „Land der 1000 Hügel“ ist eine perfekte Region für den Weinbau. Hier wachsen Spitzen-Weine: Von Trollinger über Lemberger und Schwarriesling bis hin zu einem köstlichen Steinsberger Spätburgunder – Ein Wein-Schlaraffenland für Genießer.

(«Страна тысячи холмов» - это превосходный регион для виноделия. Здесь выращивается премиальное вино: от Троллингера, Лембергера и Черного Ризлинга до вкуснейшего Штайнсбергерского позднего Бургундского – **винный рай для гурманов.**)

<https://www.trucker-team-mosolf.com/jobs-und-standorte/d-75428-illingen/stadt-und-region.html>

Метафора *Schlaraffenland* также трактуется в словарях как синоним метафор *Paradies* и *Eldorado*. *Schlaraffenland* согласно словарям [7,8,9] включает в себя следующие семантические признаки: *märchenhaft* (сказочно), *schön* (красиво), *Glück* (счастье), *Land* (страна), *Schlemmer*, *Faulenzer* (лентяй). Но в отличие от *Paradies* и *Eldorado* в лексическом значении слова *Schlaraffenland* присутствует семантический признак *лень*. Это позволяет предположить предполагать, что использование метафоры *Schlaraffenland* характеризует, скорее всего, спокойный отдых. А это значит, что для любителей спокойного отдыха рекламодатели советуют регионы для виноделия.

Пожалуй, следует согласиться с тем, что концепт РАЙ является одним из дискурсообразующих концептов туристического дискурса [2, 157]. Рассмотрим причины значимости этого концепта для данного типа дискурса. Следует отметить, что во всех примерах выделяется семантический признак счастья. Как уже было сказано, выбирая путешествие, каждый потенциальный турист хочет провести время счастливо. Вслед за С. Н. Плотниковой под счастьем мы понимаем «сконструированный индивидом и вербализованный в дискурсивной форме личностный мир, состоящий из закрытого набора пропозиций, содержание которых имеет особую значимость для данного индивида и зависит от его системы ценностей» [3, 116]. Согласно этому определению, понимание счастья очень индивидуальное, очень личное и в то же время оно универсально для всего социума, каждый человек хочет быть счастливым, но набор пропозиций, входящих в концепт счастья, у каждого свой. Кроме того, как отмечает С.Г. Воркачев, «отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нем образуют древнейший пласт мировоззрения, а понятие счастья, наряду с понятиями блага, смысла жизни, смерти, желания и любви, покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания» [1, 44]. Таким образом, концептуальная метафора ГЕРМАНИЯ - это РАЙ имеет безусловную ценность для представителей немецкой лингвокультуры, так как основана на «концептуальном механизме ментальной отсылки к осмысленному концепту счастье, веками существующему в опыте и позволяющему, тем самым, реализацию оценочного отношения» [4, 47].

Следует отметить, что в данном типе дискурса шкала оценки туристских объектов идет по вектору со знаком плюс, и стремится к максимально положительной оценке: образ рая, Эльдorado, счастья, спокойствия. При метафорической проекции концепта РАЙ на Германию и ее туристские объекты вектором дискурсивной операции является положительное оценочное отношение к образу Германии как идеальному месту отдыха и месту обретения счастья.

Во всех вариантах рассмотренной модели концептуальной метафоры наблюдается принцип *non finita*, принцип незавершенности образа в концептуальной рамке «Я – МИР – ДРУГИЕ». Концепт РАЙ является своеобразным «контейнером» в виде бленда ментального пространства сферы-источника метафоризации в совокупности концептов-синонимов *PARADIES*, *SCHLARAFFENLAND*, *ELDORADO*. Задана только максимально положительная траектория его заполнения, которая позволяет потенциальным туристам заполнить «контейнер» конкретными характеристиками в соответствии с их индивидуально-личностными ценностями и пониманием того, что есть счастье. Единственной сферой-мишенью является концепт ГЕРМАНИЯ.

Таким образом, концептуальная метафора выполняет лингвоаксиологическую дискурсивную операцию формирования эмпатии по отношению к туристскому объекту на основе сочетания выделяющей, аттрактивной и мифологизирующей функций, что позволяет утверждать, что аксиологический потенциал концептуальной метафоры заключен в не

только индивидуально-личностных ценностях потенциальных туристов всех целевых аудиторий, но и неких универсальных ценностях, таких как отдых, счастье, спокойствие. Концептуальная метафора также является индикатором лингвоаксиологических механизмов метафорической когниции.

Список литературы

1. *Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М.: ИТДГК Гнозис, 2004. – 192 с.
2. *Новикова Т.Б.* Концептосфера туристического дискурса / Т. Б. Новикова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2016. – № 35. – С. 155-158.
3. *Плотникова С.Н.* Счастье как возможный мир и его дискурсивная реализация / С.Н Плотникова. // Проблемы систематики языка и речевой деятельности Вестник ИГЛУ. Сер. 3. Выпуск 1. Материалы конференций. Иркутск: ИГЛУ, 2003 – С. 108 - 117
4. *Серебренникова Е.Ф.* Семиотрия как способ аксиологического анализа / Е.Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 41-48.
5. Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации: монография / под общ.ред. Е.Ф.Серебренниковой. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. – 285 с.
6. *Третьякова Е.В.* Метафорический образ Германии в рекламном туристском дискурсе. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.В. Третьякова : ВолГУ. – Волгоград, 2016. 178 с.
7. *Хахалова С.А.* Метафора в аспектах языка, мышления и культуры: монография / С.А. Хахалова. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 292 с.
8. Duden online. [elektronisches Resource] / Bibliographisches Institut GmbH, 2013. Online im Internet: <http://www.duden.de/woerterbuch> (Abrufdatum: 14.03.202-)
9. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin, München, Wien, Zürich, New York: Langenscheidt, 1997. – 1213 S.
10. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2002. - 783 S.
11. Duden. Das Synonymwörterbuch. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2007 – 1104 S.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

**М.М. Аюпов, А.Р. Гатиатуллин канд. техн. наук,
Н.А. Прокопьев, Д.Ш. Сулейманов д-р техн. наук**

Академия наук Республики Татарстан,
Институт прикладной семиотики,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, agat1972@mail.ru

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ ФРЕЙМОВОГО ТИПА
ДЛЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ**

В статье представлены результаты создания моделей и лингвистических баз данных с ситуационными фреймами для тюркских языков. Актуальность разработки в том, что предлагаемые модели и лингвистические базы данных имеют большое практическое значение, они являются ресурсной базой для разных лингвистических процессоров. Для тюркских языков это особенно актуально, так как они в большинстве своем относятся к типу малоресурсных языков, именно по причине недостатка лингвистических баз разного типа. Научная новизна предлагаемых ресурсов и моделей заключается в том, что они разрабатываются на основе прагматически-ориентированного подхода с учетом структурно-функциональных особенностей тюркских языков. Таким образом, полученные лингвистические модели и электронные корпуса с семантико-синтаксической разметкой позволяют повысить эффективность их использования в исследовательской деятельности и служат информационно-справочной базой для специалистов тюркологов.

Ключевые слова: *семантический фрейм, лингвистическая база данных, тюркские языки.*

Введение

В настоящее время большинство тюркских языков, в том числе и татарский язык, относятся к группе малоресурсных языков. Это связано с тем, что неотъемлемой частью компьютерных программ по обработке естественного языка являются лингвистические базы данных разного типа: словари, тезаурусы, онтологии и т.п. Для тюркских языков существует острый дефицит лингвистических моделей и баз данных с описанием грамматики и семантики, которые бы учитывали структурно-функциональные особенности этих языков. В связи с этим, разработка моделей и лингвистических баз данных, подобных тем, что предлагаются в нашей статье, является достаточно актуальной в настоящее время.

Классические синтаксические деревья: деревья зависимостей (ДЗ) и деревья непосредственных составляющих (ДНС) представляют собой деревья, которые не содержат семантической информации. В предлагаемой нами модели для описания синтаксической структуры простых предложений тюркских языков рассматриваются именно ДНС.

ДНС может быть построено синтаксическим анализатором, который в своей работе использует правила контекстно-свободных грамматик следующего вида: $S \rightarrow NP VP$; $NP \rightarrow A N$; $VP \rightarrow N V$;

Способом уменьшения неоднозначности и количества некорректных вариантов синтаксических деревьев является наложение разного рода ограничений семантического и грамматического типа. В нашем подходе рассматривается гипотеза, что наложение семантических ограничений в виде реляционно-ситуационных моделей позволит существенно улучшить качество анализа. Таким образом осуществляется корректировка синтаксических деревьев с помощью семантической информации. С другой стороны, база с полным описанием типов ситуаций в тюркских языках и способов представления этих ситуаций языковыми средствами представляет собой полезный материал для исследователей.

Для компьютерного представления таких реляционно-ситуационных моделей используются семантические фреймы. В качестве лингвистической концепции фреймовая семантика была впервые предложена Ч. Филлмором еще в середине 70-х годов 20 века и представлялась как дальнейшее развитие его теории падежной грамматики. Используя понятие фрейма, Филлмор [1] первоначально вкладывал в него чисто лингвистический смысл: система выбора языковых средств – слов, грамматических правил и языковых категорий – которые могут ассоциироваться с прототипическими сценами, т.е. типовыми ситуациями в более традиционной терминологии.

На базе семантических фреймов был создан целый ряд компьютерных лингвистических ресурсов. Одним из известных ресурсов, который содержит наиболее полную базу с описанием семантических фреймов, является ресурс FrameNet [2]. Проект FrameNet представляет собой практическую реализацию концепции фреймов Филлмора. База данных FrameNet содержит более 1200 семантических фреймов.

Модель описания ситуаций

Нами предложена модель, в которой семантика простого предложения описывается с помощью структуры, состоящей из двух частей: фреймы, аналогичные фреймам, представленным в FrameNet, а также языковые единицы, с помощью которых выражаются эти значения в тексте. На Рис. 1 представлен фрагмент онтологической модели для фрейма «Giving: Давать», которая включает набор ролей, образующих данную ситуацию.

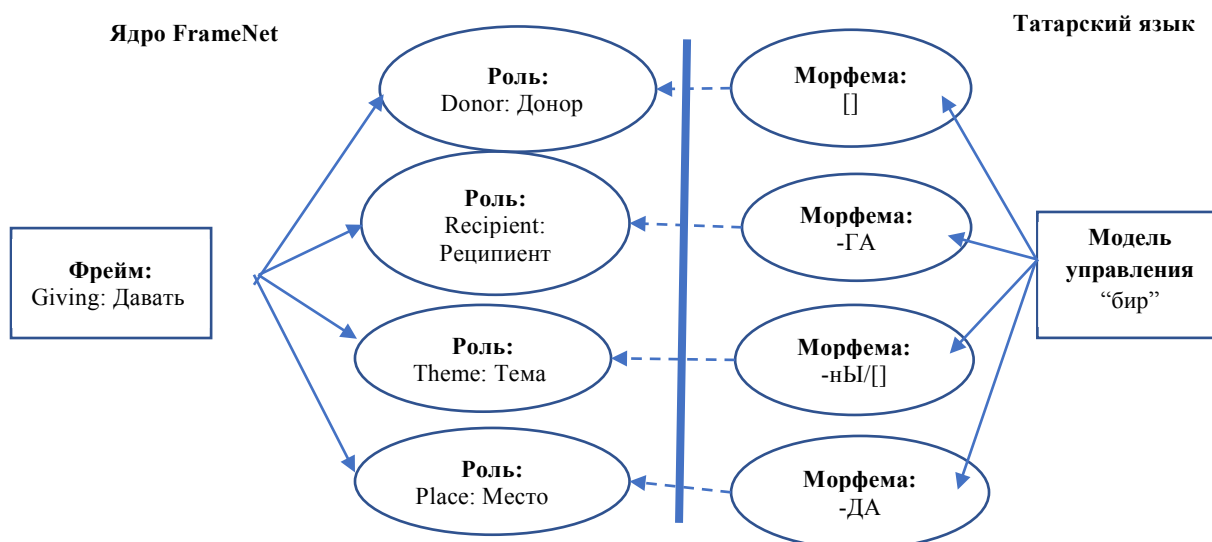

Рис. 1 - Структура фрейма с грамматическими данными из модели морфем

В левой части находится языконезависимое фреймовое ядро, которое содержит наименование фрейма и названия его ролей. В правой части рисунка дана грамматическая модель глагола «бир (давать)» в татарском языке, которая соответствует фрейму, содержащая информацию о морфемах, выражающих роли. Для того автоматической корректировки синтаксических деревьев необходимо наличие лингвистической базы данных с описанием типовых ситуационных фреймов, которые могут быть использованы при создании правил контекстно-свободных грамматик, одновременно содержащие как синтаксическую, так и семантическую информацию. Такой лингвистической базой является база данных портала «Тюркская морфема» [3], пример из которой представлен на Рис. 2.

РОЛЬ	ОПИСАНИЕ (РУССКИЙ)
Make_acquaintance : Познакомиться → Individual_1 : Индивид_1	
Individual_1 : Индивид_1	Семантически более заметна одна из двух сторон, когда индивиды реализуются отдельно.
Make_acquaintance : Познакомиться → Individual_2 : Индивид_2	
Individual_2 : Индивид_2	Семантически менее заметная из двух сторон, когда индивиды выражаются отдельно.
Make_acquaintance : Познакомиться → Individuals : Индивиды	
Individuals : Индивиды	Люди (или в редких случаях животные), которые знакомятся друг с другом.
Make_acquaintance : Познакомиться → Context : Контекст	
Context : Контекст	Событие, часто социальное событие, во время которого Люди знакомятся друг с другом.

Рис. 2 - Фрагмент ролей фрейма «Познакомиться»

Комбинирование семантических ограничений

В нашем проекте для осуществления семантической корректировки результатов синтаксического анализа используются дополнительные онтологические данные таксономического типа – тезаурусы. В данном случае они используются для уточнения концептов, которые могут играть определенную роль во фреймах. Так, например, в фреймах, описывающих мыслительный процесс, в качестве агента мыслительного процесса может выступать концепт «Человек» и все остальные концепты, которые являются его потомками (гипонимами) в тезаурусе. Понятно, что наложение такого многоуровневого набора ограничений может увеличить время работы построенного на основе такой модели анализатора, однако в это, в свою очередь, позволяет повысить точность анализа. Пример заполнения таких семантических ограничений представлен на Рис. 3.

РОЛЬ	КОНЦЕПТЫ
Losing : Проигрывать → Owner : Владелец	
Owner : Владелец	× person : человек, особа × +
Losing : Проигрывать → Possession : Собственность	
Possession : Собственность	× physical entity : физическая сущность × +

Рис. 3 - Пример семантических ограничений на роли фрейма «Потеря»

Таким образом, реализуется механизм уточнения для алгоритма синтаксического анализа, в котором семантические роли могут быть дополнительным источником информации для анализа и несут в себе знания о сочетаемости предикатных слов с аргументами.

Заключение

Поставленная задача интеграции лингвистических баз разных типов основывается на гипотезе, что наличие одновременного доступа к синтаксической и семантической информации о языке, позволит разрешать языковые неоднозначности на более раннем этапе, чем при последовательном подходе. С одной стороны, за счет использования семантической корректировки достигается преимущество в эффективности обработки, поскольку уменьшается количество семантически неправильных вариантов синтаксического разбора и исчезает необходимость их хранения. С другой стороны, параллельный семантический анализ может существенным образом увеличить скорость общего анализа, поскольку возрастает объем обрабатываемой информации.

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-47-160014
«Разработка интегральной компьютерной модели и программного инструментария
для семантико-синтаксического анализа татарских текстов».*

Список литературы

1. Fillmore, Charles, The Case for Case-, Universals in Linguistic Theory. Emmon Bach & Robert Harms (eds.), Hblt, Rinehart & Winston, Lhc., U.S.A., 1968.
2. FrameNet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu>. [Дата обращения 25.06.2021]
3. Gatiatullin A., Suleymanov D., Prokopyev N., Khakimov B. (2020) About Turkic Morpheme Portal. CEUR Workshop Proceedings Institute for history, language and literature, Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences Proceedings of TurkLang 2020, pp. 226-243.

10.02.19

С.В. Богдашкина, О.И. Налдеева, Г.А. Натуральнова, В.А. Маскаева

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева»,
филологический факультет,
кафедра родного языка и литератур,
svjatok@mail.ru

МЕТАФОРА КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МОКШАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В данной статье анализируется метафора как один из способов создания языковой и художественной картины мира в художественных произведениях мокшанских писателей. Приводятся мнения выдающихся философов, а также русских лингвистов относительно вопроса сущности метафоры. Делается попытка анализа основных функций метафор в художественном тексте.

Ключевые слова: *метафора, метафоризация, языковая картина мира, художественный текст, троп, средство художественной выразительности.*

Актуальность данного исследования определяется в анализе метафор, часто встречаемых в мордовской прозе, раскрывающих особенности мировосприятия мордовским народом.

Целью настоящей работы является исследование механизмов создания образности в художественно тексте, роли метафоры в раскрытии языковой картины мира, также в статье рассматриваются стилистические функции использования метафоры в художественном произведении.

Материалом исследования послужил тексты прозаических произведения (романов, рассказов) ведущих мордовских писателей, а также материал детского национального журнала «Якстерь тяштенья» («Красная звездочка»).

В художественном тексте метафора служит не только средством придания эстетичности, но и источником языковой и художественной картины мира изображаемой культуры. Современная мордовская проза, в частности, как и русская, переживает процесс метафоризации, который отечественные исследователи изучают с разных позиций: с лингвистической, лингвокогнитивной, этнолингвистической, психологической, философской, литературоведческой и др.

Впервые классическое определение метафоры было дано древнегреческим философом Аристотелем: «несвойственное имя, перенесенное с вида на род (см.: «Да, Одиссей совершил десятки тысяч дел добрых»: «десятки тысяч» вместо множество), или с рода на вид (см: «А корабль мой вот стоит»: стоять на якоре – особый вид понятия «стоять»), или с вида на вид (см: «отрубив несокрушимой медью»: «отрубить» вместо «отчерпнуть» в значении отнять что-либо), или по аналогии» [2, с. 645]. Так, философ указывает на способность метафоры «проникать в сущность вещей» [2, с. 645]. Аристотель подчеркивает стилистический аспект, рассматривает метафору как фигуру речи («создавать хорошие метафоры – значит подмечать сходство»), выполняющую индивидуализирующую и эстетическую функцию [2, с. 649].

В свою очередь, испанский философ Ортега-и-Гассет полагал, что метафора является едва ли не единственным способом содержательного раскрытия абстрактных явлений, и «все огромное здание Вселенной, преисполненное жизни, покоится на крохотном и воздушном тельце метафоры» [7, с. 67].

В связи с выходом метафоры за пределы художественного текста и ее проникновением в научный стиль, многие исследователи XX века обращают внимание не только на ее эстетическую функцию, но и на утилитарные преимущества. Так, профессор Корнеллского университета Р. Хофман подчеркивал практичность метафоры, возможность ее применения в научном тексте в качестве средства объяснения какого-либо материала: в языке программирования, в физике, в психотерапевтических беседах и т.д. [8, с. 116].

В отечественной лингвистике исследованием сущности метафоры занимались такие языковеды, как Н. Д. Арутюнова, М. Н. Кожина, Г. Д. Ахметова, В. А. Пищальникова, Г. Н. Скляревская, В. В. Виноградов и др. В нашей работе мы будем опираться на позицию Н. Д. Арутюновой, рассматривающей метафору как основу создания образности в художественном тексте. Насыщенность художественной речи метафорами, по мнению лингвиста, можно объяснить тем, что посредством метафоризации текста автор стремится уйти от обыденного видения мира и раскрыть особенные черты изображаемого предмета [3, с. 365].

В художественном тексте, где точность изображаемых событий, явлений и процессов сочетается с образностью, слово служит орудием создания неповторимых образов и ситуаций, и его сущность не раскрывается в прямом лексическом значении [3, с. 385]. Кроме всего вышесказанного, как отмечает С. В. Богдашкина «метафора может рассматриваться как инструмент конструирования представлений о мире в познавательной сфере человека» [5, с. 148], так как она обладает способностью неосознанно выражать уникальные культурно-национальные эталоны.

Произведенный нами анализ мордовской прозы дает право утверждать, что в произведениях мордовских писателей содержится большое количество метафор, созданных на основе связи «человек – животное». Предпосылка метафоризации связана с описанием черт животного с последующим приравниванием к манерам и поведению человека. Рассмотрим примеры метафор, взятых из романа М.А. Бебана «Тундань нармотть» («Весенние птицы»): *Тейст эсь анцяй юрхтаишсна-мезьсна афоль ванфтов сире пинкнень, стаки улельхть анцикс, а синьге тага велень тефт вятихть! Эцихть тувонь нярьсост калаця ряду! Тяшка хозяйствовать вятемс, кодама Пичевелень колхозсь, эряви пря да пря!* [4, с. 54] «В старые времена им тяжело было сохранить свое добро, так бы и остались попрошайками, а сейчас делами села руководят! Лезут свинными рылами в калашный ряд! Чтобы держать такое большое хозяйство, как в колхозе Сосновки, нужно иметь голову на плечах!»; *Вага сятненди, Иван Иванович, хоть афи фкя, а кафта губоромня няшксе утопт панчт, сяка сясвазь шотснон велеста, арьсесь-тись, азондозе мяленц: – Синь керозь поконцон модать-тядять эзда, и тyani аф сера видихть, аф ошеряйхть. Пизофтома кукуфт. Вага кит сят* [4, с. 60]. «Вот им, Иван Иванович, хоть не один, а два амбара, до краев полные зерна, открывай, все-равно уедут из села, рассуждая, говорил он: Они разорвали связь с матушкой-землей, теперь они и не пахари, не городские жители. Кукушки без гнезда! Вот кто они». Таким образом, автор прибегает к использованию в речи действующих персонажей метафор, ярко описывающих их субъективную оценку деятельности остальных персонажей, сравнивая их с животными образами, для того, чтобы сделать язык произведения живым, эмоциональным, максимально уподобить его разговорной речи. М. А. Бебан как человек, хорошо знающий особенности мордовской фауны, проводит параллель с поведением своих героев в целях раскрытия перед читателем потаённых уголков человеческого характера. В таком животном, как свинья, мордовский поэт и прозаик усмотрел такие черты, как необразованность, небрежность и невежество: *Эцихть тувонь нярьсост калаця ряду!* «Лезут свинными рылами в калашный ряд!». В следующем приведенном нами примере автор обращается к образу кукушки, символизирующим отсутствие привязанности к родному месту: *Пизофтома кукуфт. Вага кит сят.* «Кукушки без гнезда. Вот кто они» [4, с. 60].

Следует отметить тот факт, что в мордовской литературе содержится большое количество метафор, построенных на сходстве формы. Посредством подобной метафоры авторы стремятся воссоздать образ конкретного предмета или явления через интуитивное ощущение, так как метафоризация позволяет создаваемому образу глубже раскрыть свою сущность, расширить смысловое поле художественного текста в целом. Например: *Жалфсь сетьмось. Аньцек кенерсь Михей атя озамс вастозонза, кода аньцемаса ведсь, мярьгат, лаказевсь, лангти кеподсть пайкт, эй варяста комотсь сялги ёрша*. «Всплеск воды прекратился. И только успел дед Михей сесть на место, как вода в проруби будто вскипела, на поверхности появились пузыри, из водяного отверстия, выпрыгнул колючий ёрш» [6, с. 57]; *Мольсть ялгатне, мольсть, и каршезост повсь кудня. Шарозь сембе ужетнень, аксялунга сувсесть, а мусть аньцек штань куштаф пакикя. Тя пингть кудняв сувась тьяльме пула келазсь*. «Шли друзья, шли, и перед ними появился домик. Порылись во всех его уголках, даже в подпол заглянули, а нашли только старый кусок тряпья. В это время в домик зашла лиса с хвостом-метлой» [9, с. 19]; *Шиньберьф Пичевелеса якасть вальмада вальмас кафта ломатть, чаксесть байдекса куд бокненди: – Моледа од баяронь кочкама! «Целый день по Сосновке от двора к двору ходили два человека, стучали палками о стены (букв.: бока) домов: – Идите выбирать новых бояр!»* [4, с. 13]; *Шрать ваксса серцеконе, яксярга лефксакс, ащесть шабанза, инголест оцю шава лям, эсонза аш вай сельмонявок*. «За столом рядом, подобно утятам, сидели дети, перед ними большая чашка щей, в которой не было ни капельки (букв.: глазика) сметаны» [4, с. 56]; *Велеть кувалмос ётайхть церат-стирьхть. Тарыхть. Фатнихть-тиендихть лов пуворкст, ляцендихть фкя-фкянь лангс, кайгиста пеедихть*. «По селу гуляют парни и девушки. Заигрывают. Лепят снежные комки, кидают их друг в друга, громко смеются» [4, с. 67]; *Шундяйкин эрьхнезень тифтенянь и кода ашезь старанда синь мзолгофтомс, ашесь удада: аватне ванцть аппаратонь кургоняти сельмонь апак чпоряк, сусконь пейхть и пельсть шерьхкомаснон – шуфтомозь шуфтомкинешть*. «Шундяйкин, прикасаясь до каждой, пытался заставить их улыбнуться, но не получалось: девушки смотрели на трубку (букв.: роток) аппарата, не моргая, стиснув зубы, и боялись пошевелиться – словно оцепенели» [4, с. 78]; *Алексей Максимович варжакстсь церокикять шири. Сонь кели шаманц лангса эрьгодсть пзьгононь оцю тьяшттне*. «Алексей Максимович посмотрел на мальчика. На его широком лице рассыпались звездами веснушки» [1, с. 96]. Таким образом, метафоры, сконструированные на основе сходства формы, помогают автору создать стилевой рисунок художественного произведения, акцентировать внимание читателей на важных для развития сюжета предметах окружающей действительности.

Подчеркнем, что метафора позволяет в полной мере понять авторский замысел произведения. Именно метафоре по сравнению с другими видами тропов (эпитетом, сравнением, перифразой, аллегорией, гиперболой и т.д.) и фигур речи (градацией, инверсией, эллипсисом, эпифорой, анафорой, антитезой и т.д.) характерна высокая степень экспрессивности, так как она способна сближать самые разные предметы, нередко по-новому осмысливать созданный образ. Так, в мордовской прозе имеется большое количество метафор, построенных на основе сходства в способе представления действия: *Пяштяльмов мярьгсь, обедась ни, и тага шарфтозе корхтамать семьянц кувалма: – Ванца лама шабадат*. «Пяштяльмов сказал, что пообедал уже и снова вернулся к разговору о его семье: – Смотрю, много детей у тебя» [4, с.56]; *Церась няк ашезь кайсе пиле, мезе корхтайхть сценать лангса. Пяштяльмовонь корхтамста кундазе аньцек Варань лемонц и кунендась: тейнза-арам, председательсь азозе сонь кельгомга*. «Юноша сильно не прислушивался к тому, о чем говорят на сцене. Из речи Пяштяльмова уловил (букв.: поймал) только имя Вари и призадумался: по его мнению, председатель произнес его с любовью» [4, с. 163]; *Тя мяльсь, кода од пара шуфтти эци сукскя, порсь аф няемга эсонза, ашезе кадонда вастса ащема*. «Эта мысль, как червяк лез к молодому здоровому деревцу, невидимо съедала его, не давала покоя» [4, с. 208]. Таким образом, автор прибегает к метафоризации текста с целью раскрытия двойственной природы изображаемых явлений и событий.

Использование в художественном тексте эмоционально-окрашенных языковых средств позволяет создать определенную психологическую атмосферу. Так, метафоры воспроизводят некий ассоциативный образ, который возникает в результате сочетания неоднородных, далеких понятий. Метафора строится на выявлении непреднамеренных связей между двумя разнородными предметами, что способствует упрочнению внимания читателя на описываемом событии. Приведем показательный пример из произведения М. А. Бебана «Тундань нармоть» («Весенние птицы»): *А тон – агитаторхт-калмочат... мон ськамонга тиeline... – и тага ушедсь мековасу якама. Шамац палсь, сельмосонза кфтолдсть сенемаза толнят.* «А ты – агитатор, я и сам смог бы сделать... опять начал ходить взад-вперед. Лицо пылало, в глазах искрились голубоватые огоньки» [4, с. 58]. Так, автор, используя метафору «сельмосонза кфтолдсть сенемаза толнят», с одной стороны, проводит параллель между голубыми глазами главного героя и природой огня, способного в зависимости от температуры и горючего материала менять цвет от красного до синего цвета, а с другой – стремится передать возникшее психологическое напряжение и непростое эмоциональное состояние персонажа Пяштяльмова.

Таким образом, сделаем вывод, что метафоризация художественного текста позволяет создавать ассоциативный образ, что делает язык произведения красочным и выразительным, так как метафора обладает высокой степенью информативности и в тоже время красочности.

*Работа выполнена в рамках сетевого гранта вузов-партнеров
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет», ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет
им. М. Е. Евсевьева» по теме «Метафора как один из способов создания языковой и
художественной картины мира в художественных произведениях».*

Список литературы

1. Атянин Ф. Серебряное озеро : рассказы, сказки, легенды, повести / Ф. Атянин. Саранск : Мордгиз, 1986. 192 с.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч. : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 645–681.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. Москва : Языки русской культуры, 1999. 911 с.
4. Бебан М.А. Тундань нармоть : рассказ / Максим Бебан. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1959. 239 с.
5. Богдашкина С.В., Савостькина М.И. Отражение национального менталитета во фразеологической системе мокшанского языка // Казанская наука : научный журнал. 2020. № 11. С. 147–151.
6. Корчеганов В.Н. Избранные произведения = Кочкаф произведеният = Кочказь произведеният : стихотворения, поэмы, сказки, повести, рассказы : на мордов.-мокша, мордов.-эрзя и рус. яз. / В.Н. Корчеганов. Саранск : Литературный фонд России, 2016. 552 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990. 80 с.
8. Хоффман Р. Некоторые значения метафоры для философии и психологии науки. — В: Вездесущность метафоры. Амстердам, 1985. -- с. 327.
9. Якстерь тяштенья / Под ред. В. Брындиной // Ежемесячный иллюстрированный журнал для мокшанских детей и юношества. – Саранск. № 3, 2014. 19 с.

10.02.19

А.Д. Большеченко, А.Д. Романова, П.Н. Сафонова

Краснодарский государственный институт культуры,
кафедра русского и иностранных языков и литературы,
Краснодар, Bubla70@gmail.com, bogdan.romanova@yandex.ru, PollySafonova@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ И МЕТОДИК ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассмотрены основные подходы и методики обучения английскому языку, проведена их классификация на устаревшие и современные. Авторами составлен сравнительно-сопоставительный анализ наиболее востребованных на сегодняшний день методик Task based learning method (метод коммуникативных заданий) и Lexical approach (лексический подход), сделан вывод об их интеграции в современный учебный процесс.

Ключевые слова: методики обучения, английский язык, лексический подход, метод коммуникативных заданий.

Поскольку английский язык является универсальным средством общения на сегодняшний день, именно он аккумулирует в себе самые разнообразные подходы (approaches) и методики (teaching methods) преподавания, которых насчитывается более нескольких десятков. В первую очередь, способы подачи языкового материала зависят от целей, которые хочет достигнуть студент: это может быть знание языка на бытовом уровне для коммуникации с людьми за границей в виде дружественной переписки; туристические поездки для приобретения новых знаний об иных культурах; сдача международного языкового экзамена для последующей учебы или работы в зарубежных странах; изучение технического или бизнес языка для освоения своей профессии и т.д. На основании этих целей педагог должен выстраивать свою работу зачастую с привлечением более, чем одного подхода или методики.

На сегодняшний день их насчитывается разнообразное количество, но современными можно назвать лишь некоторые из них. Поскольку скорость потребления информации увеличивается, а с ней и темп жизни, то и времени на изучение английского языка у современного студента все меньше. Поэтому часть методик, активно применявшихся в XX веке, уже не являются актуальными и эффективными. К таковым можно отнести:

- The Grammar-Translation Method (грамматико переводной метод);
- The direct Method (метод прямого обучения);
- The silent way (метод тихого обучения);
- The Audio-Lingual Method (аудио-лингвальный метод);
- Community Language Learning (метод изучения в сообществе);
- Total physical response (метод опоры на физические действия).

По нашему мнению, на сегодняшний день следующие современные методики являются востребованными у преподавателей по всему миру (от более ранних к поздним):

- Flipped classroom (перевернутый класс);
- Dogme (обучение без учебника);
- Content and language integrated learning (предметно-языковое интегрированное обучение);
- Task based learning method (метод коммуникативных заданий).
- Lexical approach (лексический подход).

Перед подробным анализом вышеперечисленных современных методов, стоит отметить, что у каждого из них есть как преимущества, так и недостатки, поэтому задача преподавателя состоит в интеграции данных методов в учебный процесс таким образом, чтобы они максимально соответствовали целям поставленного урока, не противоречили друг другу и усиливали свои преимущества, нивелируя недостатки насколько это возможно.

Для детального рассмотрения нами были выбраны более ранние методики *Task based learning method* и *Lexical approach*, поскольку именно они наиболее активно используются в русскоязычном пространстве обучения английскому языку. Для более наглядного представления выбранных нами методик предлагается их сравнение с учетом основных компаративных критериев [1 с. 192-205, 2, с. 132-138; 3, с. 168]:

Автор подхода **Task based learning method** Нарахари Прабху. Подход создан в сер. 1980-х, а стал популярен с сер. 2000-х. *Истоки методики*: основана на коммуникативном подходе. *Цель методики*: выполнение конкретной задачи, поставленной в языковых упражнениях. *Акцент методики*: постановка задач таким образом, чтобы изучение языка было естественным (аутентичные задания, коммуникация), спонтанным. *Парадигма*: задача – планирование – отчет. *Направленность*: форма – содержание.

Роль преподавателя: на основе анализа потребностей учащихся выбирать задачи, соответствующие их уровню. Создавать этапы подготовки и выполнения заданий, согласно способностям и потребностям учащихся.

Структура урока: последовательная. Состоит из: pre-task (введение в суть задания; временной регламент на выполнение); task preparation (демонстрация учителем примера выполненного задания с использованием новых языковых форм); during task - рекомендована работа в парах или мини-группах (выполнение задания студентами на основе всех имеющихся у них знаний; презентация задания (отчет) перед другими студентами; учитель наблюдает за процессом, делая у себя пометки об ошибках); post-task (обратная связь от учителя с акцентом на наиболее удачных для выполнения задания языковых структурах; обратная связь об ошибках).

Основные типы заданий: listing, ordering and sorting, comparing and contrasting, problem-solving tasks, projects, sharing personal experience, matching.

Преимущества: свобода для учеников при выборе лексики, грамматики и прочих языковых форм при выполнении задач упражнения; создание естественного аутентичного контекста для закрепления материала; за основу взят коммуникативный подход, в котором фокус направлен не на учителя, а на коммуникацию между студентами; индивидуальный подход учителя к студентам при составлении заданий; повышение мотивации посредством использования актуальных тем изучения.

Недостатки: сложность внедрения новых лексических форм для расширения словарного запаса студентов; трудно применим с обучающимися на одном уровне владения языком, а также с новичками; произвольный экспериментальный характер урока трудно сочетается с жесткой учебной программой.

Подходит для обучающихся с уровнем: pre-intermediate и выше. Привлечение родного языка недопустимо.

Автор подхода **Lexical approach** Майкл Льюис. Подход создан в нач. 1990-х, а стал популярен с нач. 2000-х. *Истоки методики*: самостоятельно появившаяся методика. *Цель методики*: изучение языка посредством лексических блоков. *Акцент методики*: на беглости речи и отборе готовых лексических и грамматических структур для улучшения рецептивных навыков. *Парадигма*: наблюдение – гипотеза – эксперимент. *Направленность*: форма – содержание.

Роль преподавателя: корректировать студентов только в случаях, если их ошибка препятствует пониманию в общении, давать им самостоятельность, научить «разбирать» язык, видеть его закономерности.

Структура урока: вариативная. Состоит из: immersion (погружение студентов в аутентичную языковую среду посредством текстовых, аудио-, видеоматериалов); lexical chunks (выделение лексических блоков учителем; многократное их повторение; создание ассоциаций); translation (обращение к родному языку для прояснения семантики; объяснение разницы многозначных слов); incorporation (включение лексических блоков с более ранних уроков в различные упражнения текущего урока; их взаимодействие с новой лексикой);

listening and reading (закрепление результатов текущего урока через чтение и аудирование уже изученного материала).

Основные типы заданий: mental maps, word trees, marking images, creating notes, word lists, reading and speaking with lexical chunks and language patterns.

Преимущества: приоритетное внимание уделяется лексике, а затем грамматике или иначе «грамматикализированной лексике» (актуально для тех студентов, владеющих азами грамматики, но имеющих ограниченный словарный запас); разложение языка на лексические блоки позволяет студентам легче строить собственную коммуникацию; языковые блоки способствуют появлению языковой интуиции, студент начинает мыслить, как носитель языка; основное внимание уделяется наиболее употребимым лексическим единицам и блокам.

Недостатки: не может применяться в качестве основополагающего подхода на всех уроках; необходимо уделять внимание грамматике для сбалансированного обучения языку; необходимость подготовки всего материала учителю самостоятельно, так как учебников, опирающихся на данный подход крайне мало.

Подходит для обучающихся с уровнем: beginner и выше. Привлечение родного языка допустимо (для понимания семантической разницы).

Как можно заметить, каждая из данных методик подходит для достижения конкретной языковой цели. Несмотря на их различие, они способны дополнять друг друга, наполнять урок разнообразными упражнениями и видами деятельности для удержания фокуса студентов на учебном процессе. В отличие от лексического подхода, который можно легко интегрировать в любой урок и его этапы, метод коммуникативных заданий требует от преподавателя большей свободы и гибкого тайминга.

Таким образом, некоторые подходы и методики преподавания, которые сложно назвать современными, поскольку они появились в XX веке, до сих пор активно используются и в государственных учебных учреждениях, и в частных языковых центрах по всему миру. Перечисленные в анализе данной статьи методики доказывают свою результативность уже не один десяток лет, и поэтому могут быть активно использованы в ходе учебного процесса преподавания английского языка для учеников всех уровней и возрастов.

Список литературы

1. *Larsen-Freeman D., Anderson M.* Techniques & Principles in Language Teaching. Oxford University Press, 2011. 215 p.
2. *Richards J., Rodgers T.* Approaches and Methods in Language Teaching. Cambridge University Press, 2001. 270 p.
3. *Rodríguez-Bonces M., Rodríguez-Bonces J.* Task-Based Language Learning: Old Approach, New Style. A New Lesson to Learn. // Issues in Teachers' Professional Development, 2020. № 12 (2). pp. 165-178.

*10.02.19***В.И. Волчкова, С.Г. Каримова, В.В. Теганюк**

Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
кафедра иностранных языков и языкознания,
Казань, ksg@telmana-edu.ru

**РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНТОВ
ГОСТИНИЧНО-ТУРИСТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ
В БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПРОЕКТА «PROFENGLISH»**

В работе представлены результаты изучения речевого поведения студентов гостинично-туристического профиля в бизнес-коммуникации в условиях проекта «ProfEnglish», а также организационно-педагогические условия оптимизации учебного процесса для формирования правильного речевого поведения студентов, способствующего их социальной мобильности и устойчивости на рынке труда.

Ключевые слова: *речевое поведение, коммуникативная компетенция, речевая интенция.*

Анализ образовательных программ высшего образования «Гостиничное дело» и «Туризм» показывает, что их миссия сводится к обеспечению качественной подготовки квалифицированных специалистов, в основном, в области основ гуманитарных, социальных, экономических, математических и естественнонаучных знаний, позволяющих выпускнику успешно работать в сфере гостиничной деятельности и туризма, а также обладать универсальными и профессиональными компетенциями как на родном, так и на иностранном языках (далее ИЯ), способствующими его социальной мобильности и устойчивости на рынке труда в соответствии с профилем подготовки. Данная миссия, на наш взгляд, достаточно явно характеризует главное предназначение рассматриваемых нами программ в условиях современной эпохи развития гостинично-туристической индустрии [2]. Положительным моментом является то, что реализация компетентностного подхода в соответствии с ФГОС ВО 3++ предусматривает использование в учебном процессе больше активных и интерактивных форм проведения занятий с целью развития профессиональных навыков и формирования речевого поведения обучающихся в соответствии с нормами бизнес-коммуникации на родном и ИЯ [3]. Бизнес-коммуникация функционирует в таких сферах, как торговля, сервис, туризм, ресторанно-гостиничный сектор и т.д.

Опрос поступающих абитуриентов факультета сервиса и туризма (далее ФСиТ) на подобные программы показывает, что на вопрос «Где бы Вы хотели работать после окончания факультета сервиса и туризма?» многие из них отвечают, что хотели бы получить опыт в зарубежных компаниях, но бояться предложить свою кандидатуру из-за недостаточного уровня владения коммуникативной компетенции. Однако на наш взгляд, проблема кроется не столько в недостаточном уровне владения иностранным языком, сколько в речевом поведении обучающихся, не соответствующих требованиям бизнес-коммуникации на ИЯ.

В целях изучения проблемы мы провели исследование рынка труда в данных сферах и выявили, что рынок занятости выглядит неплохо как на отечественных, так и зарубежных просторах. Согласно сайту Face the Facts, за последние 5 лет в индустрии гостеприимства только в США было открыто 300000 новых вакансий, где основным требованием к кандидатам является высокий уровень владения навыками бизнес-общения [4].

Изучив уровень удовлетворенности и неудовлетворённости обучением студентов и работодателей в данной сфере, мы пришли к заключению, что учебные планы рассматриваемых нами программ неязыкового вуза не в полной мере соответствовали ожиданиям современного рынка труда в области гостинично-туристической деятельности, что потребовало их пересмотра и дальнейшей переработки с акцентом не только на изучение ИЯ, но и на речевое поведение студентов в иноязычной профессиональной среде.

Мы осознавали, что для адаптации речевого поведения студентов к нормам речевого и языкового поведения на ИЯ необходимо было создать такие условия, в которых бы безболезненно могла сформироваться необходимая для обучающихся языковая среда. В связи с этим был разработан проект программы развития языкового пространства «ProfEnglish» на факультете сервиса и туризма.

Проблема нашего исследования «Какими должны быть организационно-педагогические условия оптимизации учебного процесса для формирования правильного речевого поведения студентов, способствующего их социальной мобильности и устойчивости на рынке труда?» подвела нас к следующей цели проекта программы: найти наиболее оптимальные пути решения вышеуказанной проблемы через проведение комплекса мероприятий в существующих условиях. Ниже приведем выдержки из проекта Программы развития языкового пространства в рамках реализации образовательных программ «Гостиничное дело» и «Туризм».

Мероприятия по оптимизации учебного процесса с целью развития языкового пространства ФСиТ:

1. При поступлении производится подбор заинтересованного контингента в изучении ИЯ посредством введения дополнительных баллов (до 20 б.) при наличии ЕГЭ по ИЯ. Организационно-педагогические условия оптимизации учебного процесса: реализуемые учебные планы адаптированы под контингент с базой спецшкол по ИЯ на уровень «выше среднего».

2. Оптимизация учебного плана ФСиТ (далее УП): 1. В период с 1-го по 4-й семестры базовая часть дисциплин по ИЯ, закрепленная за кафедрой иностранных языков и языкознания, проводится в интенсивном режиме. 2. Период с 5-й по 8-й семестры отводится на изучение дисциплины профессионального блока на ИЯ. Организационно-педагогические условия оптимизации учебного процесса: 1. Для развития и автоматизации языковых навыков требуется не менее 4 практических занятий в неделю. 2. Чтение дисциплин профессионального блока на ИЯ в объеме 1-2 практических занятия в неделю специалистами кафедр СиТ, СЭиГД и ФМДиИТ позволит реализовать узкопрофильное обучение на ИЯ.

3. Оптимизация модели преподавания ИЯ: акцент переносится на профессиональную деятельность выпускника. Организационно-педагогические условия оптимизации учебного процесса: для разработки содержательного компонента модели учебной дисциплины по профилю на ИЯ необходимо четко представить и уточнить следующие ее аспекты: 1. предметную область; 2. цели обучения профессионально-ориентированного ИЯ в вузе; 3. потребность специализации с проекцией на профессиональную и на текущую учебную деятельность обучающихся; 4. индивидуальные потребности студентов в изучении профессионально ориентированного ИЯ; 5. профессиональные умения, необходимые специалисту для реализации выявленных потребностей в сфере профессиональной деятельности.

Начиная с 2018 года, все кафедры факультета сервиса и туризма приняли активное участие в пилотном проекте по профессионализации английского языка. Так, преподаватели кафедр СиТ, СЭиГД и ФМДиИТ взяли на себя ответственность за проведение лекций и семинаров по профильным дисциплинам на английском языке; ППС кафедры иностранных языков и языкознания организовали и провели входные, промежуточные и итоговые тестирования речевого поведения на английском языке студентов, принявших участие в пилотном проекте, результаты которых показали прирост коммуникативной компетенции обучающихся на 30% в экспериментальных группах пилотного проекта.

Учитывая тот факт, что речевое поведение представляет собой «закрепленные традицией коллективные привычки народа, проявляющиеся в выборе и предпочтительности употребления в процессе межличностного взаимодействия тех или иных коммуникативных стратегий и средств коммуникации» [1], оно приводит к нарушению естественного коммуникативного процесса, если вышеназванные коллективно-традиционные особенности народа не учитываются.

Пилотный проект выявил, что нарушение коммуникативного процесса происходит по причине искажения речевой интенции адресанта в

силу недостатка знаний речевых и языковых особенностей иностранного языка. Установлены искажения речевой интенции на разных уровнях: стилистическом (применение коллоквиализмов в официально-деловом общении); грамматическом (замена вопросительных предложений побудительными или утвердительными предложениями); интонационном (использование нисходящей интонации вместо восходящей, что трансформировало вежливое намерение адресанта в приказное); лексическом (неправильное применение фразовых глаголов и устойчивых сочетаний); этико-моральном (эмоциональное реагирование на критику со стороны клиента в бизнес коммуникации, неумение сгладить конфликт).

Удельный вес профильных занятий, проводимых на иностранном языке, в настоящее время определяется главной целью пилотного проекта, особенностью контингента учащихся и содержанием конкретных дисциплин в соответствии с профилем подготовки. В целом в учебном процессе удельный вес занятий, проводимых в интерактивных иноязычных формах, составляет не менее 20% аудиторных занятий. В последующем количество ППС, читающих профессиональные дисциплины на английском языке («Организация гостиничных услуг», «Основы отельно-ресторанной коммуникации» и др.), будет увеличиваться с каждым годом.

Таким образом, разработанный нами план мероприятий по развитию языкового пространства на факультете сервиса и туризма представляет собой хорошую платформу для адаптации учебного процесса к современным рыночным условиям, а также повышению качества речевого поведения в иноязычной среде.

Список литературы

1. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: 2009. – С. 32.
2. Образовательная программа высшего образования «гостиничное дело» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rykovodstvo.ru/exspl/123786/index.html?page=2 (дата обращения 02.05.2021).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pandia.org/text/78/348/25.php (дата обращения 05.05.2021).
4. Face the Facts USA – George Washington University – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://facethefactsusa.org/facts/job-growth-see-health-care-hospitality> (дата обращения 06.05.2021).

10.02.19

В.Р. Габдуллина

Башкирская академия государственной службы
и управления при Главе Республики Башкортостан,
кафедра политологии, социологии и философии,
Уфа, venera-nurieva@yandex.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ РАЗНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПОЛИСЕМАНТИЧНЫХ СЛОВ В АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАХ

В статье анализируются некоторые результаты свободных ассоциативных экспериментов, проведенных автором на материале родственных и разносистемных языков. Приводится анализ таких количественных параметров, как количество значений, актуализировавшихся в процессе опознавания слова детьми разных возрастов в татарском, башкирском и русском языках.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, значение слова, разносистемные языки, родственные языки, татарский язык, башкирский язык, русский язык, испытуемый.

В целях выявления сходств и различий в формировании языкового сознания детей, являющихся представителями разносистемных и родственных языков, мы обратились к свободному ассоциативному эксперименту, поскольку он позволяет опосредованно «заглянуть» в процесс формирования и функционирования индивидуального и группового языкового сознания, которое бывает не всегда доступно для анализа другими методами. Материалы ассоциативных реакций представляют собой «ассоциативный профиль» образов сознания, специфичные для данной культуры и языка. Они интегрируют умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос.

Для интерпретации и оценки результатов ассоциативных экспериментов мы использовали количественные и качественные методы анализа данных.

Известно, что с возрастом у ребенка меняется структура ассоциативного поля, следовательно, о константной структуре ассоциативного поля слов у детей возможно говорить условно и применительно к определенному возрасту. Анализируя ответы детей на определенное значение слова во всех группах, можно проследить лексическую наполняемость ассоциативного поля слова, определить степень актуальности этого значения для испытуемых и «удельный вес» каждого отдельного значения в каждой группе испытуемых.

В процессе анализа количественных параметров была выявлена степень актуальности разных значений полисемантических слов у испытуемых разных возрастов. Продемонстрируем количественные показатели в следующих примерах. В таблице 1 приводится степень актуализации разных значений русского слова ИГРАТЬ у испытуемых-русских разных возрастов. В толковом словаре С.И. Ожегова можно найти 8 значений русского слова ИГРАТЬ [2].

Таблица 1 – Актуализация значений русского слова ИГРАТЬ у испытуемых разных возрастов

Значения	Возрастная группа			
	4-6 лет	7-10 лет	11-14 лет	15-18 лет
значение 1	+	+	+	+
значение 2	-	-	+	+
значение 3	-	-	-	-
значение 4	-	-	-	-
значение 5	-	-	-	-
значение 6	-	-	-	-
значение 7	-	-	+	+
значение 8	-	+	+	+
ИТОГО	1	2	4	4

Из таблицы 1 следует, что в дошкольном возрасте слово-стимул ИГРАТЬ ассоциируется у малышей только с его первым значением «резвись, развлекайся; забавляйся чем-нибудь», а в младшем школьном возрасте к данному значению присоединяется восьмое значение слова «существовать, проявляясь с силой, ярко, в движении». В среднем и старшем школьных возрастах дети начинают ассоциировать исследуемое слово, опираясь на еще два дополнительных значения слова ИГРАТЬ: «играть во что и на чём. Проводить время в игре» и «играть о музыке: быть, звучать». Таким образом, уже с одиннадцати лет дети идентифицируют четыре разных значения слова ИГРАТЬ.

В таблице 2 приводится степень актуализация разных значений татарского слова УЙНАРГА (ИГРАТЬ) у испытуемых-татар разных возрастов. В толковом словаре татарского языка (Татар теленең аңлатмалы сүзлегә) можно найти 9 значений этого слова [3].

Таблица 2 – Актуализация значений татарского слова УЙНАРГА у испытуемых разных возрастов

Значения	Возрастная группа			
	4-6 лет	7-10 лет	11-14 лет	15-18 лет
значение 1	+	+	+	+
значение 2	-	-	-	-
значение 3	-	-	-	-
значение 4	-	-	-	-
значение 5	-	-	-	+
значение 6	-	-	-	-
значение 7	-	-	-	-
значение 8	-	-	-	+
значение 9	-	-	-	-
ИТОГО	1	1	1	3

Из таблицы 2 также следует, что количество значений татарского слова УЙНАРГА (ИГРАТЬ) возросло с одного значения в дошкольном, младшем и среднем школьном возрастах до трех в старшем школьном возрасте. Кроме первого значения «забавляться, веселиться, резвиться / заниматься каким-либо видом спорта» дети старшего возраста стали ассоциировать слово ИГРАТЬ, опираясь на пятое значение слова «играть на каком-либо инструменте/исполнять какое-либо музыкальное произведение/влиять, воздействовать на инстинкт, чутье, чтобы достичь какой-либо цели» и восьмое значение «обращаться с кем-либо или чем-либо легкомысленно, как с игрушкой, забавой».

В таблице 3 приводятся 11 значений башкирского слова УЙНАРҒА (ИГРАТЬ) из толкового словаря башкирского языка (Хәзерге башҡорт әҙәби теленең аңлатмалы һүҙлегә) [4].

Таблица 3 – Актуализация разных значений башкирского слова УЙНАРҒА (ИГРАТЬ) у испытуемых разных возрастов

Значения	Возрастная группа			
	4-6 лет	7-10 лет	11-14 лет	15-18 лет
значение 1	+	+	+	+
значение 2	+	+	+	+
значение 3	-	-	-	-
значение 4	-	-	-	-
значение 5	-	-	-	-
значение 6	-	-	+	-
значение 7	-	-	-	-
значение 8	-	-	-	-
значение 9	+	-	-	-
значение 10	+	-	+	+
значение 11	-	-	-	+
ИТОГО	4	2	4	4

Из таблицы 3 следует, что с возрастом количество значений существенно не изменилось, но произошла смена одних значений другими.

В таблицах 4-6 ниже приводятся показатели степени актуальности разных значений русского слова ГОРЬКИЙ и его коррелятов в татарском и башкирском языках. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля приводит 4 значения слова ГОРЬКИЙ [1].

Таблица 4 – Актуализация разных значений русского слова ГОРЬКИЙ у испытуемых-русских разных возрастов

Значения	Возрастная группа			
	4-6 лет	7-10 лет	11-14 лет	15-18 лет
значение 1	+	+	+	+
значение 2	-	+	+	+
значение 3	-	-	+	+
значение 4	-	-	+	+
ИТОГО	1	2	4	4

В таблице 5 приводится степень актуализации разных значений башкирского слова ӘСЕ (ГОРЬКИЙ) из толкового словаря башкирского языка.

Таблица 5 – Актуализация разных значений башкирского слова ӘСЕ (ГОРЬКИЙ) у испытуемых-башкир разных возрастов

Значения	Возрастная группа			
	4-6 лет	7-10 лет	11-14 лет	15-18 лет
значение 1	+	+	+	+
значение 2	+	-	+	+
значение 3	-	-	-	-
значение 4	+	-	+	+
значение 5	-	-	-	+
значение 6	-	+	+	+
значение 7	+	+	+	+
ИТОГО	4	3	5	6

В таблице 6 приводится степень актуализация разных значений татарского слова АЧЫ (ГОРЬКИЙ) у испытуемых разных возрастов. В толковом словаре татарского языка 9 значений этого слова.

Таблица 6 – Актуализация разных значений татарского слова АЧЫ (ГОРЬКИЙ) у испытуемых-татар разных возрастов

Значения	Возрастная группа			
	4-6 лет	7-10 лет	11-14 лет	15-18 лет
значение 1	+	+	+	+
значение 2	-	-	-	-
значение 3	-	-	-	-
значение 4	-	-	-	-
значение 5	-	-	-	-
значение 6	+	-	+	+
значение 7	-	-	-	-
значение 8	-	-	-	-
значение 9	-	-	-	-
Итого	2	1	2	2

Из таблиц 1-2, 4-5 следует, что по мере взросления испытуемого имеет место расширение набора лексических значений слова, а таблицы 3 и 6 демонстрируют расширение объёма лексических единиц внутри одного и того же лексического значения с более качественным наполнением, что можно проследить по реакциям, обобщающих слова-стимулы.

Как видно из таблиц выше, по мере взросления испытуемого имеет место не только расширение набора лексических значений слова, но и качественное наполнение лексических единиц внутри значения. Анализ экспериментальных данных, в ходе которого ассоциации группировались по общности основания для их связи со словом-стимулом, в результате чего устанавливалась структура ассоциативного поля, показал, что с возрастом меняется «наполняемость» ассоциативных полей лексическими единицами во всех трех языках.

Список литературы

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том первый. А-З. СПб.-М.: Тип. М.О. Вольфа, 1880. – 812 с.
2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
3. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: оч томда. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1977–1981. Т. 1–3.
4. Хәзерге башкорт әзәби теленең аңлатмалы һүзлеге (Рәсәй Фәндәр академияһы Өфө фәнни үзәгенең Тарих, тел һәм әзәбиәт институты). – Өфө, 2004. – 528 бит.

10.02.19

А.Н. Гарипова

Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
кафедра иностранных языков и языкознания,
Казань, Alia-tggpy@mail.ru

ЗНАКОВАЯ ПРИРОДА ЯЗЫКА

В статье исследуется типология языкового знака, актуальным является понятие "полисемии" и роль метафоры в многозначности слова. Знаковый характер языка составляет одну из его универсальных черт и основных особенностей; не случайно к понятию знака издавна обращались представители разных научных направлений в целях более глубокого проникновения в сущность языка. На понятии знака со времен Джона Лайонзи Ф. де Соссюра держатся многие значимые теории языка в современной лингвистической науке.

Ключевые слова: лингвистика, языковой знак, лексема, денотация, морфема, полисемия, фонема, лингвистическая единица, языковая система.

В жизни человечества знаки играют важную роль. Известно, что в XIX – XX вв. сложилась особая наука о знаках – семиотика (от греч. *semeion* – знак, признак), «исследующая способы передачи информации, свойства знаков и знаковых систем в человеческом обществе (главным образом естественные и искусственные языки, а также некоторые явления культуры, системы мифа, ритуала), природе (коммуникация в мире животных) или в самом человеке (зрительное и слуховое восприятие и др.)» [3].

Исходя из особенностей языковых знаков и законов их функционирования, Ф. де Соссюр определил сущность языка как знаковой системы *sui generis* и специфику ее структурной организации. Язык, по определению Соссюра, – это психическое, социальное установление, представляющее собой систему значимостей и равноценностей, различий и тождеств. Язык устойчив, не подвержен революционным сменам и, будучи установленным традицией, характеризуется постепенной взаимосменяемостью элементов, которым свойственна структурная организация по двум осям отношений – синтагматической (сочетаемость) и ассоциативной (парадигматическая противоположность) [3].

Различают типы языкового знака: знак искусственный (метафизический), закрепленный в языковой норме и функционирующий в языке как системном образовании, и знак естественный (феноменологический), зафиксированный в речи – по сути, в том же языке, понимаемом как реальная практика функционирования языка. Метафизический знак представлен в языке, понимаемом как теоретическое образование, которое определяет формально-знаковое материальное начало. Языковой – метафизический – это абстрактный знак, рассматриваемый вне опыта [2].

Рассмотрим в свою очередь концепцию «лексемы». Эта концепция, которая была придумана Джоном Лайонзом по аналогии с «фонемой» и «морфемой», считается абстрактной лингвистической единицей с различными вариантами (например, *sing* в отличие от *sang*, *sung*). Таким образом, отношение лексики сохраняется между лексемой и целым классом экстралингвистических объектов. Например, Джон Лайонз определяет обозначение лексемы как «отношения, которые существуют между этой лексемой и людьми, вещами, местами, свойствами, процессами и действиями, внешними по отношению к языковой системе» [4]. Именно поэтому трудно привести конкретные примеры обозначения, поскольку это отношение существует между абстрактной лингвистической единицей и целым классом экстралингвистических объектов.

Большой интерес представляет собой отдельный пласт лексикологии такое явление как полисемия, при изучении которого возникает много дискуссионных вопросов.

Полисемия означает явление, когда одно и то же слово имеет два или более разных значений (от греческого *poly*, «много» + *semeion*, «знак»). Например, существительное "board" является многозначным, потому что оно может означать: (1) длинный тонкий плоский кусок резаного дерева, (2) плоскую поверхность с узорами, используемыми для игры, (3) плоский кусок из твердого материала, использованного для надевания пиццы, (4) плоский кусок твердого материала, прикрепленный к стене в общественном месте, чтобы прикрепить уведомления, (5) стоимость питания, (6) комитет или ассоциация или государственные чиновники, созданные для особой ответственности. Точно так же слово «flight» определяется по меньшей мере следующими способами: (1) процесс полета, (2) пройденное расстояние или курс, по которому следует летающий объект, (3) полет на самолете, (4) самолет, совершающий полет на небе, (5) группа птиц или самолетов, летящих вместе, (6) усилие, которое выходит за обычные пределы, (7) быстрое движение или проход.

В большинстве случаев только одно из значений многозначного слова может вписаться в данный контекст, но иногда может возникнуть неоднозначность. Например, рассмотрим слова "bat" и "bank" в следующих контекстах: «Посмотрите на эту летучую мышь под деревом. Катя может пойти в банк сегодня». Неоднозначность объясняется тем, что существительное "bat" может означать либо «летающая мышь», либо «орудие, используемое для удара по мячу в крикет», в то время как "bank" может означать либо «речной берег», либо «финансовую организацию». Несмотря на кажущуюся простоту, концепция полисемии сложна и связана с определенным количеством проблем. По очереди рассмотрим количество значений, перенос значений и трудности в распознавании многозначности. Поскольку одно значение не всегда можно отграничить и отличить от другого, трудно сказать, являются ли два значения одинаковыми или разными. Следовательно, мы не можем точно определить, сколько значений имеет многозначное слово. Рассмотрим глагол «eat». В большинстве словарей различают «буквальное» чувство «впитывания через рот и глотание» и производное значение «израсходовать, повредить или уничтожить что-либо, особенно в результате химического воздействия», что предполагает, факт того, что глагол может иметь, по крайней мере, два разных значения. Однако в буквальном смысле мы можем также различать «употребление в пищу орехов и супа, первый с помощью пальцев, а второй ложкой». Более того, можем говорить, как о питье супа, так и о его употреблении. Следовательно, можно сказать, что в этом смысле, по крайней мере, употребление в пищу соответствует питью, поскольку последнее включает «глотание жидкости».

Приведенное выше обсуждение показывает, что не существует четкого критерия для разделения или одинакового значения. Следовательно, было бы бесполезно пытаться подсчитать количество возможных значений, которые может иметь данное слово. Например, семантическое поле употребления пищи перекрывается употреблением напитка, когда речь идет о супе, поскольку можно есть или пить суп, но при работе с орехами нет совпадения, поскольку орехи можно есть, а не пить. Как и предполагалось в случае глагола «eat», слово может иметь как буквальное значение, так и одно или несколько переносных значений, хотя мы не можем точно определить, сколько разных значений может иметь данное слово в целом.

Рассмотрим метафору, которая является наиболее известным видом переноса, а затем перейдем к другим видам переноса. Основное различие между метафорой, с одной стороны, и другими типами переноса - с другой, заключается в том, что метафора является «нерегулярной», поскольку она применяется к отдельным лексическим элементам, тогда как другие виды можно считать более «регулярными» в том смысле, что они применяются не только к отдельным лексическим элементам, но и к нескольким членам определенного класса, например, группе существительных или прилагательных. Эти характеристики будут уточнены ниже. Термин «метафора» относится к случаям, когда слово имеет как «буквальное», так и «переносное» значение. Обозначения частей тела дают наглядное

представление о метафоре. Например, английское слово «hand» имеет значение не только «рука», но и «стрелка циферблата часов», «leg» кроме основного значения «нога», может переводиться как «ножка кровати или горы, ножка стула или стола», «foot» в качестве основного имеет значение «ступня» и «подножие горы». Интуитивно предполагаем, что такие слова, как глаз, лицо, ступня, рука, нога и язык, применяются в первую очередь к телу, из которого они получают свое буквальное значение. Эта интуиция подтверждается тем фактом, что весь набор слов относится только к телу, тогда как только некоторые из них могут быть перенесены на определенные объекты. Например, у часов нет рук, у стула нет ног, а у горы нет стоп [1].

Язык является сложным и многосторонним явлением, которое немислимо рассматривать лишь с одной стороны, чтобы определить природу языка как можно точнее, нам приходится обращаться ко всем его аспектам, помнить о его биологической природе, не забывать о социальной стороне, рассматривать с точки зрения человеческой психики и воспринимать как систему знаков.

В заключение следует отметить, что полисемия не является дефектом языка и является существенным условием его эффективности. Если бы не было возможности присоединить несколько чувств к одному и тому же слову, нам нужно было бы иметь отдельные термины для каждого мыслимого «объекта», о котором мы могли бы поговорить, и быть абсолютно точным в выборе слов. Следовательно, полисемия должна рассматриваться как неоценимый фактор экономии и гибкости языка.

Список литературы

1. *Гарипова А.Н.* Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика / А.Н. Гарипова // Сб. научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2019. – С. 138-142.
2. *Волков А.Г.* Язык как система знаков. – М.: Изд-во МГУ, 1966. – 345с.
3. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 240с.
4. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М: Слово, 2000. - 624 с.

10.02.19

Г.З. Дарзаманова канд. филол. наук

Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева-КАИ (КНИТУ-КАИ),
Институт инженерной экономики и предпринимательства,
Кафедра иностранных языков, русского и русского как иностранного,
Казань, darzamanovag@mail.ru

**РОЛЬ КОМПОНЕНТА АТРОПОНИМА
В ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИКИ РУССКИХ,
ТАТАРСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ**

В статье рассматриваются фразеологизмы с антропонимами в русском, татарском и английском языках с целью определения влияния ономастического компонента на их значение. Согласно результатам проведенного исследования, антропонимы-символы, а также личные имена собственные, за которыми стоит историческое лицо, играют решающую роль в формировании семантики данных фразеологизмов. Кроме того, раскрываются причины многозначности изучаемых единиц. Новизна работы заключается в том, ранее подобного исследования не проводилось.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, семантика, компонент, символ, антропоним, личное имя собственное, многозначность.*

Термин “фразеологическое значение”, будучи предметом обсуждения, всецело зависит от критериев фразеологичности, принятых исследователем. Он не используется и лингвистами, определяющими фразеологизмы как идиоматические выражения, и учеными, которые относят все сочетания лексем к данному явлению. Мы, занимая промежуточную позицию между двумя указанными концепциями, исходя из компонентной основы фразеологического значения, приходим к мнению, что семантика фразеологизмов с антропонимами зависит как от ономастического, так и неонамастического компонентов.

В формировании значения фразеологических единиц с антропонимами-символами основную роль, на наш взгляд, играет ономастический компонент, представленный именами библейских и евангельских персонажей, многие из которых стали межнациональными символами. Однако в каждом языке имеются “специфические единицы, что объясняется участием в их образовании экстралингвистических и этнологических факторов” [1]. Так, сопоставление русских и английских фразеологических единиц с библейским антропонимом Иов показывает более высокую степень его освоения английским языком. Например, фразеологизмы *to be as patient as Job*, *patience of Job*, *enough to try the patience of Job* характеризуют терпеливого человека, основываясь на библейской символике имени *Иов*, страдающего праведника, испытываемого сатаной. Но также данное личное имя встречается в фразеологизмах *Job's news* — печальные новости, весть о несчастье; *Job's post* — человек, приносящий дурные новости; *Job's comforter* — горе-утешитель. Тогда как в русском языке имеется единственный фразеологизм *Иов многострадальный* — много претерпевший человек, семантика которого коррелируется с символическим значением библейского антропонима.

Национальные религиозные антропонимы-символы также играют существенную роль в формировании значения фразеологизмов. Рассмотрим на примере татарских фразеологических единиц с личным именем *Хозыр* (Хадир, аль-Хадир, аль-Хидр). В мусульманской мифологии Хозыр — положительный персонаж, вобравший в себя черты разных мифологических персонажей доисламского Ближнего Востока. В Коране он не упоминается. Однако образ Хозыра (Хадира) получил широкое распространение как в

мусульманском книжном предании, так и в народных верованиях. Согласно мусульманской традиции, главным качеством Хозыра является бессмертие. Он считается наставником и советником многих пророков, в том числе и Мухаммеда. Имя *Хозыр* (букв. зеленый) указывает на его связь с растительным миром, что, впрочем, слабо отражено в мусульманских представлениях, и с морской стихией. Мусульмане считают Хозыра покровителем путешествующих по морю. В Средней Азии Хозыр (Хазрати Хызр) представляется в облике благочестивого старца, одаряющего изобилием и счастьем тех, кто воочию увидит его [3]. Ср.: *Хозыр юлдашың булсын* (пусть Хозыр (Хозырильяс) будет тебе попутчиком) — пожелание счастливого пути. Имя *Хозыр* в данном фразеологизме может сочетаться с именем *Ильяс* (древне-еврейско-арабское), имеющим два значения: 1) мой бог Яхве; 2) могущество бога [5]; *теленә Хозыр төкергән* (на язык Хозыр плюнул) — милый, добрый, красноречивый человек; *Хозыр төкергән* (Хозыр плюнул) — экономная вещь.

Однако символическое значение может приобретать и вся фразеологическая единица, основанная на мифическом сюжете. Например, *Амалфеев рог* — символ богатства и изобилия. В греко-римской мифологии Коза Амалфея вскормила своим молоком младенца Зевса. Сделав Амалфею небесным светилом, Зевс придал одному из ее рогов свойство обильно давать все блага. Таким образом, символическое значение данного фразеологизма создается в сочетании имени собственного с другими компонентами, и образ, вокруг которого создается фразеологическая группировка, становится символом.

В процессе переосмысления и метафоризации у фразеологизмов могут появляться новые значения. В данных единицах, как и литературных произведениях, создаются «новые модели мира» [2]. В русском, татарском и английском языках нами выделены многозначные фразеологизмы с антропонимами основанные на библейских и мифологических сюжетах. Например, русск. *Христова невеста* — 1) уст. монахиня, 2) о старой деве, женщине, не бывшей замужем; тат. *Иблис токымы* (дьявольское отродье) — 1) применяется старшим поколением по отношению к распущенной молодежи; 2) говорится о людях, “непотопляемых” ни при каких обстоятельствах; англ. *Jacob's ladder* (лестница Иакова) — 1) лестница, ведущая на небо, ввысь; 2) морск. скок-ванты, шторм-трап. Иаков — в ветхозаветном предании патриарх, легендарный родоначальник “двенадцати колен Израиля”, постоянно поддерживающий связь с богом посредством видений и снов (особенно характерна увиденная им во сне лестница с ангелами-посредниками между богом и человеком). Кроме того, многозначные фразеологизмы содержат имена героев художественных произведений: тат. *Тыр-тыр Зариф* (Зариф-непоседа) — 1) шустрый, везде успевающий человек; 2) человек, слоняющийся между винными магазинами. От названия произведения М. Амира “Тыр-тыр Зариф” [4]; англ. *a Daniel come to judgement* — выражение Шекспира — праведный, нелицеприятный судья, в современном языке обыкновено употребляется иронически; 2) мудрый человек. В русском языке указанные фразеологические единицы с личным именем собственным нами не зафиксированы.

Неономастические компоненты фразеологизмов с антропонимами также могут играть роль в формировании значения фразеологизма. Данные компоненты не только переосмысливаются в составе рассматриваемых единиц (русс. *Нить Ариадны* — то, что помогает найти выход из затруднительного положения; ср.: ухватиться за ниточку, потянуть за ниточку; тат. *Алып орлыгы* семя — Алып — крупный человек; англ. *Pandora's box* — ящик Пандоры — источник всяких бедствий), но и употребляются в прямом значении (русс. *прожить Мафусаилов век* — прожить долго, как Мафусаил, 969 лет; тат. *Алпамыш йокысы* — сон Алпамыша — глубокий сон; англ. *Hobson's choice* — выбор Гобсона — вынужденный выбор, отсутствие выбора).

Кроме того, фразеологизмы с антропонимами, репрезентирующими человека, могут формировать свое значение: а) указывая на человека: русск. *Гог и Магог* — человек, внушающий ужас; тат. *Таза Мортаза* (сильный Мортаза) — сильный, здоровый человек; англ. *Teddy boy* — стилига; б) не указывая на человека, а лишь раскрывая результат его действий: русск. *Демьянова уха* — что-либо назойливое; как *Мамай прошел* — полный

беспорядок, разгром; *бочка Данаид* — бесплодный, не имеющий конца труд; тат. *Сафура бураны кубу* (поднимать бурю Сафуры) — брань, крики; англ. *the Hermetic art* (искусство Гермеса) — алхимия.

Среди изучаемых единиц нами выделены семантически неразложимые фразеологизмы, относящиеся к фразеологическим сращениям. К данной группе фразеологизмов можно отнести: а) междометные фразеологизмы с антропонимами: русск. *что мне Гекуба!*; англ. *By the lord Harry!*, с полным экспрессивным переосмыслением; б) фразеологизмы с антропонимами, утратившими связь с первоначальным контекстом: тат. *Зариф коймак яратмы* (Зариф блины не любит) — говорят о застенчивом госте. Основой татарского фразеологизма послужила притча: как-то женщина позвала портного Зарифа в гости. Напекла немного блинов и пригласила его за стол. Если бы Зариф стал есть блины, тогда бы их не хватило маленькому ребенку женщины. Тогда находчивая женщина сказала ребенку: “Не плачь, Зариф блины не любит”. Портной постеснялся есть блины, оставив все хозяевам дома [4].

Итак, на формирование значения изучаемых фразеологизмов оказывает влияние ономастический и неонамастический компоненты. Доминирующую роль в формировании значения фразеологических единиц рассматриваемых языков играют антропонимы, если они являются символами или за ними стоит историческое лицо; если антропонимы являются объектом сравнения. Компоненты фразеологических сращений полностью десемантизируются. Кроме того, встречаются и многозначные фразеологизмы. Многозначность данных единиц обусловлена переосмыслением как компонентов, так и реалий, на которых построены указанные фразеологизмы.

Список литературы

1. Дарзаманова Г.З. Фразеологические единицы с антропонимами как средоточие культуры народа (на примере русского и татарского языков) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2015. — №3. — С. 133
2. Дарзаманова Р.З. Литературный журнализм Хуго Лёчера как синтез документального и художественного в швейцарской немецкоязычной литературе на стыке XX и XXI веков. — Казанская наука. — 2019. — №6. — С.26
3. Пиотровский М.Б. Мусульманская мифология // Мифологический словарь. — М., 1991. — С.580 . 1, 91 580
4. Исәнбәт Н. Татар телене фразеологик сүзлеге.— Казань:Татар китап нәшрияты,1989. — Т. 1. — Б.164, 257
5. Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре сүзлеге. — Казань: Татар китап нәшрияты, 1981. — 255 б.

10.02.19

¹А.В. Кулешова, ²И.С. Марченкова¹ФГБУ ДПО ИПК «ВКИЯ МИД РФ»,

кафедра французского языка,

ИИЯ ГАОУ ВО МГПУ,

кафедра французского языка и лингводидактики,

Москва, ksas3@yandex.ru,

²ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»,

факультет иностранных языков,

кафедра французского языка,

Калуга, irinamarch@mail.ru

ПЕРИФРАЗА В ЛЕКСИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ЯЗЫКА

Статья посвящена особенностям использования перифраз во французском языке. В данной статье предлагается классификация перифраз с лексической точки зрения. В основу классификации могут быть положены разные критерии: лексические особенности, объект номинации, номинативная адекватность, функциональность, количество компонентов и смысловое содержание.

Ключевые слова: перифраза, классификация, критерий.

Среди основных средств усиления выразительности языка стоит отметить такое явление как перифраза.

«Перифраза – это оборот, состоящий в замене названия предмета или явления описанием его существенных признаков или указанием на его характерные черты» [5, с. 461]. Анализируя языковое явление с этой точки зрения, многие лингвисты уделяют особое внимание **номинативной функции** перифразы (*enlever l'âme = tuer, faire mourir*). Под процессом номинации понимается использование слова или словосочетания в качестве названия предмета или явления окружающей действительности [1, с.507]. Также, данное языковое явление способствует выделению предмета из ряда других ему подобных [14, с.28; 24, p.13].

Можно сказать, что характерной чертой перифразы является способность заменять конкретное понятие эмоционально окрашенным описательным выражением или словом [1, с.312; 16, с.97-98].

Процесс номинации может происходить двумя путями:

– при помощи использования метафоры (*l'astre du jour – le soleil*);

– при помощи переноса родового значения на видовое (*Baudelaire – l'auteur des Fleurs du mal*).

Ключевой компонент служит средством прямого указания на значимую характеристику объекта, что упрощает процесс угадывания зашифрованного перифразой явления. Среди главных признаков перифразы, особое внимание уделяется распространенности этого явления и его семантической неделимости. Благодаря этому перифраза функционирует в предложении как отдельная часть речи [13, с.31].

По словам И.Р. Гальперина, классификации стилистических приёмов, в первую очередь, основываются на выявлении лексических особенностей, которые являются характерными для языкового явления. В связи с этим перифразы можно разделить на:

1. Оригинальные (авторские) – перифрастическое выражение является плодом воображения самого автора. Например:

Mes yeux surtout m'épouvantèrent. Nous sommes habitués à ne voir que des croissants d'œil sur les visages, mais là, je distinguais dans leurs totalité les sphères nacrées de mes orbites prolongées de muscles et de nerfs plutôt impressionnants [16, p.76].

2. Традиционные – это перифразы, смысл которых является понятным для всех участников дискурса и не требует дополнительного пояснения. Сюда могут быть отнесены **перифразы-синонимы**, особенностью которых является ограниченность в употреблении определенной сферой применения. Сами же синонимы весьма схожи в своем функционировании с перифразами. Их существенным различием является то, что они заменяют какое-либо понятие одним словом, в то время как перифраза – словосочетанием. Например:

Jaune clair, l'adrénaline teintait d'orange mon sang. Le réseau de mon liquide lymphatique s'emballait comme un vieux moteur à vapeur. [16, p.89]

3. Логические (необразные) перифразы – это перифразы, которые при выделении новой особенности предмета или явления, не основываются ни на каком образе и не придают речи особую выразительность. Их целью является стремление к тому, чтобы именуемый предмет стал единственным в своем роде [13, с.33].

4. Образные перифразы – это перифразы, в основе которых лежат метафора или метонимия. Соответственно в данной категории выделяют метафорические и метонимические перифразы. Существенных различий между метафорой и метафорическим перефразированием не наблюдается, также и в случае с метонимией, только следует обратить внимание на структурный порядок [2, с.159-164; 7, с.34].

Метафорическое перефразирование происходит при сопоставлении дальних и ближних ассоциаций. Иными словами, признаки одного объекта противопоставляются признакам другого по аналогии [12]. Однако данный трансформационный процесс учитывает не только внешние составляющие предметов, действий, но и их функции. Абстрактность значения также свойственна перифразам. Такое возможно в том случае, когда вычленяется общий компонент значения в нескольких приведенных ситуациях. Метафорический перенос может быть применен ко всей фразе или к одной из её частей. В связи с этим метафорические перифразы делят на полные и частичные. [9, с.101]. Например:

Au fond, nous connaissons très mal notre organisme et nous ne voulons pas vraiment le connaître. Nous le considérons comme une machinerie que l'on amène chez un médecin lorsqu'elle est en panne et que celui-ci soigne avec des pilules colorées aux noms barbares [16, p.97].

Метонимические перифразы служат наименованием для смежных, логически обоснованных предметов. В основе данного перефразирования лежит принцип родовидовых отношений [13, с.33]. Среди разновидностей метонимических перефразирований можно отметить:

Перифразы – антономасии: употребление имен собственных в значении нарицательных. Например:

Venue comme lui de nulle part, la jeune femme lui apprend Goethe, Proust, Tolstoi, Thomas Mann, André Breton (les œuvres des écrivains), la peinture architectonique et la musique sérielle [15, p.64].

Гиперболические перифразы: служат выражением отношения говорящего к предметам и явлениям, а также придают им насыщенную эмоциональную оценку. Например:

Lorsque Clara est née, il y a dix-huit ans, Hadouch et moi avons conduit maman en catastrophe à la clinique du coin. Maman a pris cette luminosité translucide (la naissance de Clara) qui, chez elle, annonce toujours l'imminence [15, p.143].

Перифраза – мейозис (троп, состоящий в намеренном преуменьшении свойств объекта речи).

С точки зрения объекта номинации, Грехнёва выделяет следующие виды выразительных оборотов:

1. Элементарная перифраза. В качестве номинанта перефразирования выступает словосочетание, фразеологизм, а также предложение.

2. Событийная перифраза весьма реже находит свое употребление, однако средством её выражения является целое предложение [4, с.209].

По номинативной адекватности, Москвин разделяет перифразы на:

1. Точные – перифразы, значения которых четко отражают признаки предметов. Главной особенностью является отсутствие эмоциональной и оценочной коннотации.

2. Неточные – перифразы, которые отражают второстепенные признаки предметов, а также вступают в противовес с общими представлениями о предмете, которые фиксируются в дефинициях [8, с.14; 12, 35].

В функциональном плане выделяют:

1. Общепринятые перифрастические обороты. В их число входят фразеологизмы, крылатые выражения.

2. Ситуативные (контекстуальные, индивидуально-авторские) обороты. Значение данного вида перифраз понимается исключительно благодаря контексту [11, с.303-304].

Москвин предлагает деление перифраз согласно количеству их компонентов: двусловные (наиболее распространенный вид), трёхсловные и многословные. Также, по степени близости компоненты могут быть дистантными (описание находится отдельно от самого объекта) и присловными, т.е. объект перифразирования может быть частью сказуемого или приложением [7, с.37-38].

А.Ж. Греймас и Ж. Курте классифицируют перифразы согласно их смысловому содержанию. Выделяют:

Субститутивные (денотативные), целью которых является прямое соответствие с высказыванием.

Косвенные (частично коннотативные) перифразы используются в случае, когда необходимо выявить то значение высказывания, которое было вложено его реципиентом. Это может быть достигнуто только при помощи учета общего контекста.

Существуют также перифразы, которые не входят в число ни одной классификации:

Стилистическая перифраза: высказывание, которое было получено в результате выделения одного из признаков денотата, которое полноценно замещает его антецедент. Г.С. Розанова добавляет, что к данному виду перифразы можно так же отнести метафорические или метонимические перифразирования [10, с.90-91].

Лексическая перифраза является вспомогательным средством для объяснения каких-либо понятий, которые являются весьма распространенными в нехудожественной речи. Например: *La lumière passe à travers les différents dioptries, une surface séparant deux milieux transparents d'indices de réfraction différents.* [3, с.156].

Таким образом, классификации стилистических приёмов основываются на выявлении лингвистических особенностей, которые являются характерными для языкового явления. Несмотря на разнообразие классификаций, следует отметить, что больший интерес с позиции лексики представляют образные и необразные перифразы. В основе первых заключен существующий образ предмета, с его характерными особенностями. Целью вторых является стремление к унификации предмета в своем роде.

Большинство перифраз французского языка схожи по смыслу с выражениями русского языка, что облегчает процесс их узнавания в письменной и устной речи. Изучение перифразы с позиции разных языковых аспектов позволяет представить более общую картину функционирования данного явления, а также способствует её активному употреблению в современном литературном языке.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: «Советская энциклопедия», 2010. – 608 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство Либроком, 2014. – 376 с.
3. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
4. Грехнёва Л.В. Особенности перифрастической номинации, 2009. [[http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2009_6\(2\)/36.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2009_6(2)/36.pdf)]
5. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М.Н.Кожинной / – М. Флинта: Наука, 2006. – 696 с.
6. Макарец Ю.С. Функционально – семантическое соотношение перифразов и фразеологизмов (на материале украинской публицистики начала XXI века), 2012. [<http://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalno-semanticheskoe-sootnoshenie-perifrazov-i-frazeologizmov-na-materiale-ukrainskoj-publitsistiki-nachala-hhi-veka>]
7. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. М.: Издательство ЛКИ, 2012. – 200 с.
8. Мязина Ю.Е. К вопросу о классификации перифраз, 2013. [[http://humanities.asu.edu.ru/files/1\(45\)/12-15.pdf](http://humanities.asu.edu.ru/files/1(45)/12-15.pdf)]
9. Нормуродов Р.У. Перифразы, образуемые с помощью метафор, 2011. [<http://www.lib.csu.ru/vch/223/022.pdf>]
10. Рапаева Ю.В. Структура перифразы и ее типы, 2013. [<http://www.moluch.ru/conf/phil/archive/78/3183/>]
11. Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка М.: Флинта, 2012. – 510 с.
12. Снина А.И. Функционально-прагматические типы перифраз в англоязычной публицистике, 2012. [<http://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalno-pragmaticheskie-tipy-perifraz-v-angloyazychnoy-publitsistike>]
13. Третьякова Е.В. Типология и анализ функционирования перифраза в рекламном туристском дискурсе Германии, 2013. [<http://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-i-analiz-funktsionirovaniya-perifraza-v-reklamnom-turistskom-diskurse-germanii>]
14. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высшая школа, 1990. – 415 с.
15. Pennac D. La petite marchande de prose. Ed. Gallimard, 1989. – p.418.
16. Werber B. L'arbre des Possibles et autres histoires. Albin Michel, 2002. – p.286.

10.02.19

В.И. Миколайчик, В.В. Белоконов

ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны Российской Федерации,
кафедра средневосточных языков,
Москва, mikolai4ik@yandex.ru, vbelokon@yandex.ru

СТРУКТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ЯЗЫКА ДАРИ

Ввиду исторического разнообразия источников формирования военного подъязыка и, особенно, целенаправленного внедрения лексических единиц из структурно сильно отличающегося языка пушту военная терминология языка дари по формальному составу оказалась достаточно разнообразной. Классификация структурных типов военно-технических терминов представляет основное содержание научной статьи.

Ключевые слова: *военный подъязык, лексическая единица, пуштунизация, стандартизация военной терминологии.*

Особый интерес к обсуждаемому в этой статье вопросу обусловлен несколькими существенными факторами, оказавшими значительное воздействие на процесс формирования и развития военного подъязыка дари. В наибольшей степени на эти процессы повлияли социальные условия существования и функционирования языка дари в многонациональном государстве, где количественно доминирующим этносом являются пуштуны, говорящие на хоть генетически близком, но структурно-типологически кардинально отличающемся языке. Обладая большим культурно-историческим престижем, сыграв выдающуюся роль в культурном развитии многих этносов большого региона Центральной и Южной Азии, включая на протяжении нескольких столетий также и почти всю территорию Индии, язык дари (традиционно больше известный под названием «фарси»), в современном Афганистане оказался в условиях все возрастающей конкуренции со стороны языка ведущего этноса, представители которого, естественным образом преобладающие в государственном аппарате, стремятся поднять социальную роль и престиж своего национального языка. При этом речь вовсе не идет о каком-либо ущемлении дари, политика пуштунизации никогда не выходила за рамки некоторой рациональной целесообразности. Просто в условиях общепризнанного, всеми приемлемого естественного билингвизма пуштуны хотят поднять социальную роль и престиж своего языка до уровня выступающего языком межэтнического общения в многоплеменной стране языка дари. Государственная языковая политика направлена главным образом на достижение этой цели. В административной сфере в наименовании учреждений и организаций отдается предпочтение лексике из языка пушту. Традиционно особые возможности для осуществления политики пуштунизации существуют в военном подъязыке, который больше всего поддается официальному регулированию.

Сам по себе естественный процесс внедрения официальных терминов в данном случае имеет важную особенность, вытекающую из различий между двумя языками. В этих конкретных обстоятельствах большое значение имеют фонетические различия между двумя языками, что в полной мере проявляется именно на лексическом уровне. В большинстве внедряемых в дари пуштунизмов встречаются отсутствующие в дари звуки, а также соответствующие им буквы. Если церебральные звуки, в большом количестве характерные для пушту, относительно свободно адаптируются в дари, переходя в достаточно близкие по звучанию привычные для дари нецеребральные корреляты, то в отношении нескольких других звуков и букв возникают проблемы. К таковым принадлежат звуки «ц» и «дз»,

отсутствующие в дари как и изображающие их буквы. Буквы присутствуют в официальных терминах *цáрандой* «милиция», *цáранвâl* «прокурор», *похындзай* «факультет», а также в некоторых специальных военных терминах. Официальный термин *шâгели* «господин» включает букву, которая в кандагарском диалекте звучит как [ш], а в пешаварском – [х]. Если в произношении этих слов особой проблемы нет, то совсем не просто обстоит дело с их графическим изображением. В изданиях на языке дари приведенные слова изображаются отсутствующими в алфавите дари буквами из пушту. Но вот о включении эти букв в алфавит языка дари пока четкого и однозначного мнения не существует. Здесь не последнюю роль играет еще одно обстоятельство. А именно тот факт, что в обиходном мнении язык дари отождествляется с персидским языком Ирана, многие дариязычные авторы ориентируются на иранский фарси как на литературный эталон. А иранских языковедов с их представлением о своем языке как фарсиязычной метрополии региональные проблемы местных наречий не волнуют. Поэтому отдельные несмелые попытки поставить вопрос о включении в алфавит языка дари экзотичных букв из пушту не находят заметного отклика. Включающие не свойственные дари звуки и буквы заимствования из пушту при всей их укорененности в официально-деловом стиле современного дари на данный момент могут быть охарактеризованы не иначе как экзотизмы.

Терминами из языка пушту обозначаются названия подразделений, частей и соединений (*тулай* «рота», *гонд* «полк», *левâ* «бригада»), воинские звания (*дваhemбридман* «лейтенант», *дагарвâl* «полковник»), наименования служб и управлений (*васлатун* «управление артвооружения», «ветеринарное управление», *зирматун* «интендантское управление», *пижантун* «управление кадров»). То есть, можно сказать, что в сфере военной организации государства доминирует административная терминология пуштунского происхождения.

Значительное количество пуштунизмов в военной терминологии представлено на тактическом уровне. Это находит свое объяснение в том, что самый многочисленный контингент призывников представляют пуштуны, значительная часть которых без среднего образования не владеет языком дари. Практически все строевые и боевые команды (*тыш кай!* «Разряжай!», *дриж!* «Стой!», *прут!* «Ложись!», *ур!* «Огонь!») представляют собой короткие фразы из одного или нескольких слов на пушту со сказуемым в повелительном наклонении. Не владеющими языком пушту они воспринимаются в качестве не расчлененных звуковых комплексов наподобие монологем.

Обилие пуштунских заимствований в военной терминологии дает основания говорить о некотором проявлении в военной среде пушту-дари билингвизма, хотя в целом основным языком официального общения и специальной документации в военной сфере остается язык дари.

В целом же значительное количество официально внедренных в военный подязык пуштунизмов составляют существенный пласт специальной отраслевой терминологии, по своему звуковому облику, а некоторые и наличием особых графических знаков, довольно четко выделяющейся как на фоне исконной лексики, так и заимствований из других языков.

Если же говорить об иноязычных заимствованиях в языке дари в общем плане, то прежде всего в этом смысле следует отметить роль арабского языка, что обусловлено известными историческими обстоятельствами. Арабизмы составляет более половины лексического состава современного языка дари. Однако за длительное время существования в языке дари арабизмы настолько адаптировались, что большинство их в восприятии дариязычных жителей не отличается от привычной исконной лексики. Тем не менее, некоторые заимствования из арабского языка обладают рядом особенностей, отражающих специфику богатой и разнообразной арабской деривативной и релятивной аффиксации, что отличает в структурном плане многие арабские заимствования от исконной лексики. В этом отношении наиболее важным следует считать специфичные модели образования множественного числа имен существительных, использование ряда словоформ с признаками дифференциации по категории грамматического рода, активное использование наречий с арабским словообразовательным аффиксом *-ан*. Вся эта арабская структурная мозаика в полной мере

присуща арабским заимствованиям в военном подязыке. Среди них особого внимания заслуживает такое не известное грамматике дари явление, как грамматическая форма двойственного числа имени существительного. Она присуща всего лишь нескольким арабским словоформам, и в целом в дари практически малозаметна. А вот в военном подязыке ввиду широкой встречаемости такого понятия и термина как «фланг», форма двойственного числа слова *дженâh* – *дженâхайн* «два фланга» представляется достаточно привычной и знакомой, со всей ее четко осознаваемой семантической и структурной дискретностью.

Чрезвычайно важной спецификой военной терминосистемы языка дари является практически полное отсутствие аббревиатур. Это особенно бросается в глаза, например, при сравнении с английской военной терминосистемой, изобилующей аббревиатурами. Данная особенность военного подязыка дари целиком обусловлена спецификой арабско-персидской графики. Буква алфавита языка дари в отдельном изображении часто представляет собой графический знак довольно большого размера, в несколько раз превосходящий ее маленький комбинаторный вариант в слове в соединении с другими буквами. Если применить обычную практику образования аббревиатур из первых букв образующих сложный термин слов, то образованная привычным для нас способом аббревиатура получилась бы по размерам не только не меньше, а значительно больше полной комбинации всех составляющих сложный термин слов. По этой причине аббревиация, свойственная языкам, использующих латиницу и кириллицу, для дари не подходит. Это, однако, не означает, что языку дари вообще не свойственно стремление к сокращению сложных терминологических сочетаний. Подобная тенденция проявляется, но при этом используются другие правила. Наиболее распространенным приемом следует считать сокращение сложного наименования путем оставления ключевой номинации. Например, название учебного заведения, привычно обозначаемого в материалах на русском языке под аббревиатурой КПИ (Кабульский политехнический институт) в дари обычно именуют *политахник*. Государственное образовательное учреждение, которое согласно нашей традиции привычно обозначалось бы в виде аббревиатуры КГУ (Кабульский государственный университет) в дари обычно именуют более кратко *поһантун-е кáбол*. В других случаях для сокращения применяются старые арабизированные названия, например, *дáрâlmâ 'аллемин* «педагогический институт», «педагогическое училище».

Но именно в военном подязыке широко используется одна аббревиатура, образованная с использованием привычного для нас принципа аббревиации, состоящая из первых букв трех составляющих термин слов. Это – широко распространенное понятие «горюче-смазочные материалы». Полный термин на дари – *мавâд-е маһрукá ва руғâнийâт*. Аббревиатура состоит из начальных букв составляющих термин слов, но они пишутся вместе – *мамр*, образуя обычное по форме слово. Понятно, что подобная аббревиатура возможна лишь в узко специальном контексте, отдельно от которого она в принципе немыслима.

Определенную связь с аббревиацией можно увидеть также и в нормальном, не отличающемся оригинальностью ввиду его всеобщности процессе упорядочения и стандартизации терминосистемы. Его более активный и интенсивный характер в дари обусловлен относительной молодостью военной терминосистемы и незавершенностью процесса стандартизации. Для молодой терминосистемы характерно наличие сложных терминов описательного характера. В военном подязыке дари первоначально термин «десантные войска» имел вид достаточно длинного словосочетания *ковватһâ-йе форуд-âварда шода аз һавâ ба замин*, буквально «силы, спускаемые с воздуха на землю». В настоящее время преобразованный термин выглядит предельно лаконично: *коввфthâ-уе дисâнт*, в котором использован интернационализм *дисâнт* в значении «десантный». Достаточно показательным в этом смысле представляется также термин *кумâнду* «силы специальных операций», встречающийся сейчас также и в своем прежнем варианте *ковватһâ-йе амалийâт-е хâсс*.

Резюмируя сказанное, есть основания заявить, что военный подъязык дари и его составная часть – военно-терминологическая система – в своем становлении и развитии подчиняются общим закономерностям формирования и функционирования внутриязыковых подсистем. В то же время конкретные социальные условия существования и функционирования национального языка, факторы исторического плана могут существенно влиять на эволюционные процессы, детерминируя характер и направления изменений, общественную роль национального языка. Именно такая ситуация характерна для языка дари, условия существования и функционирования которого в современном Афганистане в значительной степени отличаются от тех, которые являются стандартными для национальных языков.

Самым специфичным фактором для языка дари выступают особенности официальной языковой политики государства, направленной на повышение социальной роли и престижа пушту, представляющего собой язык этнического большинства страны. Этим обусловлено наличие в официально-деловом стиле дари значительного количества официально внедряемых пуштунизмов. Особенно результативной государственная политика оказалась в военном подъязыке, который легче всего поддается целенаправленному регулированию. В итоге в этом подъязыке появился значительный пласт специальной лексики, по своему звуковому составу существенно отличающейся от исконных слов. Адаптация пуштунизмов на данный момент является одной из актуальных проблем, затрагивая также частично проблему реформирования алфавита.

Отдельная проблема вытекает из особенностей арабско-персидского письма, обусловивших невозможность применения правил аббревиации, обычных для языков, использующих латиницу и кириллицу.

Другие особенности процесса стандартизации военной терминосистемы, в целом менее существенные по сравнению с указанными выше, вытекают из исторически обусловленного обилия арабизмов, а также естественной активности эволюционных процессов, свойственных молодым отраслевым терминосистемам.

Список литературы

1. *Барышников А.Ф.* Лексикология и фразеология языка дари. М., 1997 г.
2. *Барышников А.Ф., Бибаев А.И., Костин Ю.В.* Учебник военного перевода. Язык дари. М., 1987 г.
3. *Киселева Л.Н., Миколайчик В.И.* Дари-русский словарь, М., «Русский язык», 1978 г.
4. *Киселева Л.Н.* Очерки по лексикологии языка дари. М., 1973
5. *Киселева Л.Н.* Язык дари Афганистана. М., 1985 г.
6. *Слинкин М.Ф.* Русско-дари военный и технический словарь. М., «Воениздат», 1981 г.

10.02.19

Е.П. Пензева

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков №2,
Иркутск, evpenzeva@yandex.ru

«ЭКСПОЗИТИВНЫЙ» СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА

В конце XX века в центре лингвистических исследований оказалось такое явление, как дискурс. В разных странах существуют самостоятельные лингвистические школы, занимающиеся исследованием дискурса и отличающиеся друг от друга своим подходом, своими научными традициями. В работе рассматривается «экспозитивный способ организации дискурса», выделяемый испанскими лингвистами. Установлено, что данное понятие коррелирует с понятием диалога.

Ключевые слова: *способы организации дискурса, коммуникативная ситуация, языковое взаимодействие, лингвистическое явление.*

Во многих источниках дискурс представляется многозначным термином ряда гуманитарных наук, прямо или косвенно изучающих функционирование языка, – лингвистики, социологии, культурологии, литературоведения, философии и др. Ввиду того, что не существует общепринятого и всеохватывающего определения «дискурса», разные исследователи трактуют это понятие по-разному. В разных странах существуют самостоятельные лингвистические школы, занимающиеся исследованием дискурса и отличающиеся друг от друга своим подходом, своими научными традициями.

Так среди современных испанских лингвистов, которые исследуют способы организации дискурса, следует упомянуть И. Санчес, Л. Баррера Линарес, А. Альварес Муро (Sánchez 2003, Barrera Linares 2004, Alvarez Muro 2004).

И. Санчес считает, что средства, состоящие в использовании некоторых языковых категорий, в дискурсивных целях акта коммуникации могут быть сгруппированы по двум основным способам организации дискурса: Нарративу и Экспозитиву (la Esposición) (дискурс, оказывающий влияние, или беседа). Отличительной чертой повествовательных текстов, по мнению автора, является то, что они обладают общим признаком: участники коммуникативного акта находятся во «внешней перспективе» по отношению к событиям, а в Экспозитиве – во «внутренней» [13].

Л. Баррера Линарес выделяет Нарратив, Дескриптив, Экспозитив, Аргументатив и Инструктив (la Instrucción) [12].

А. Альварес Муро, вслед за И. Санчес, выделяет два основных способа организации дискурса Нарратив и Экспозитив (la Esposición) и добавляет, что Дескриптив входит в состав Нарратива, образуя (un suborden del tipo narrativo) «подспособ» нарративного способа организации дискурса, а Аргументатив входит в состав Экспозитива [11].

Таким образом, все упомянутые лингвисты выделяют Экспозитив. Рассмотрим более подробно данный способ организации дискурса.

Экспозитив – это «категория дискурса, которая показывает способ реализации говорящим субъектом коммуникативного акта» [7]. Коммуникативный акт предполагает наличие определённой ситуации. Ситуация общения включает в себя, прежде всего, участников коммуникации (коммуникантов), языковое взаимодействие между которыми обычно происходит во внешней среде, составляющими которой являются различного рода предметы, явления, события, положение дел. Именно в состоянии внешней среды обычно обнаруживаются какие-то причины, делающие необходимыми коммуникативное взаимодействие людей. Так, например, довольно частым мотивом, побуждающим одного из коммуникантов к высказыванию, оказывается такое положение дел, которое может

восприниматься им как неудобное, неприятное, дискомфортное, требующее осуществить какое-либо действие, чтобы изменить ситуацию к лучшему с помощью своего собеседника. Подобного рода мотив лежит в основе формирования коммуникативного намерения. Говорящий осуществляет своё высказывание не только почему-то, но и зачем-то, с какой-то коммуникативной целью [9: 87], которую он достигает, используя определённые языковые средства, прибегая к которым адресант пытается выразить свои определённые потребности в процессе интеракции. Говоря о предпочтениях, которые делает адресант при выборе языковых средств для наиболее эффективного воздействия на собеседника, имеется в виду речевое поведение участников коммуникации.

Экспозитив тесно связан с понятием «речевое поведение». «Речевое поведение является конкретизирующей частью более общего и абстрактного понятия прагматики, управляющей универсальными законами речевой коммуникации» [4: 22]. В речевом поведении присутствует ситуативный смысл: в его основе лежат так называемые «автоматизмы» [5]. С их помощью, например, удобно оперировать типовыми ситуациями.

Термин «экспозитив» также используется в работе Дж. Остина «How to do things with words» (1962), под которым автор подразумевает группу слов, в которую входят слова типа: *сообщать, спрашивать и отвечать* [3: 272]. Данное понимание не противоречит пониманию Экспозитива как способа организации дискурса, поскольку данные слова реализуются в нём в виде тактических приёмов.

А. Альварес Муро отмечает, что Экспозитив – это диалогический дискурс, где коммуниканты представляют своё видение мира, иногда противоположное. Именно поэтому Экспозитив разворачивается «внутри» коммуникативной ситуации, в отличие от нарратива, который имеет место «вне» ситуации общения. Обязательным условием является присутствие коммуникантов, обладающих коммуникативной компетенцией вести беседу, аргументировать и повествовать о чём-либо [11]. Таким образом, термин «Экспозитивный способ организации дискурса» тождественен термину «диалог».

«...подлинное своё бытие язык обнаруживает лишь в диалоге», – утверждал Л.В. Щерба ещё в 1915 г. [6: 305]. Теоретические представления о строении и функционировании языковой системы, сформировавшиеся в 20 веке, несомненно, подтверждают мнение Л.В. Щербы. Диалог, будучи одной из форм существования языка, является наиважнейшей областью проявления языковых закономерностей.

Отличие Экспозитива от других сфер функционирования языка заключается, прежде всего, в сложной картине взаимодействия интенций коммуникантов. В качестве формальной экспликации этой особенности А. Н. Баранов и Г. Е. Крейдлин вводят отношение *иллокутивного вынуждения* [2: 84] – «реплики диалога уже на психологическом и при этом легко наблюдаемом уровне ориентированы друг на друга. Они соотносятся как стимул и реакция» [6: 305]. С ними солидарен Ю. М. Малинович, который выделяет «порождающую функцию» первичной реплики диалога [8]. «Иллокутивное вынуждение связывает речевые акты в реальном диалоге, и последние в силу этого получают новые содержательные характеристики, отражающие их функционирование в естественно-языковой коммуникации [1: 85].

Нормальный ход Экспозитива предполагает согласование иллокутивных намерений участников, которые заключаются в удовлетворении их взаимных потребностей.

Таким образом, «экспозитивный» способ организации дискурса есть диалогическое общение, закономерности (постулаты, стратегии, тактики и т.д.) которого строятся на интенциях и реакциях участников коммуникации. Именно в Экспозитиве наиболее органично выражена коммуникативная функция языка, естественно проявляющаяся в процессе языкового взаимодействия людей. Для данного способа организации дискурса характерна сиюминутность речепроизводства, быстрота и непосредственность процесса отражения явлений и ситуаций объективного мира, активность говорящих в отношении выражения своего индивидуального отношения к фактам, обилие эмоциональных реакций [10].

Список литературы

1. Баранов А.Н. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 3. – С. 84-93.
2. Баранов А.Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. – 1992 б. – № 2. – С. 84-99.
3. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 251-275.
4. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
5. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. – М.: Высшая школа, 1980. – 224 с.
6. Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога // ИАН СЛЯ. – 1982. – № 4, Т. 41. – С. 305-313.
7. Костюшкина Г.М. Современные направления во французской лингвистике (Теория высказывания и анализ дискурса): учебное пособие. – Иркутск, 2003. – 270 с.
8. Малинович Ю.М. Экспрессия и смысл предложения: проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1989. – 213 с.
9. Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения. – Тверь: ТГУ, 1989. – 170 с.
10. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1979. – 168 с.
11. Alvarez Muro A. Ordenes discursivos y tipos de texto. [http:// www.elies.rediris.es/elies15/cap61.html](http://www.elies.rediris.es/elies15/cap61.html) – (дата обращения 19.03.20).
12. Barrera Linares L. Discurso y literatura. – [http:// www.linguisticahispanica.org/am/alvarez_7.htm](http://www.linguisticahispanica.org/am/alvarez_7.htm) (дата обращения 19.03.20).
13. Sánchez I. La coherencia y los órdenes discursivos. – <http://www.ucab.edu.ve/investigacion/cill/elmo/htm> (дата обращения 19.03.20).

*10.02.19***О.И. Подкопаева**

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Институт лингвистики и мировых языков,
кафедра английского языка,
Калуга, snechkus9025@mail.ru

КОНЦЕПТ КАК МЕНТАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ С НЕЧЕТКИМИ ГРАНИЦАМИ

Статья посвящена рассмотрению существующих определений концепта. В работе рассматриваются различные подходы к определению данного термина, приводятся классификации его определений на основе разных критериев. Также систематизируются подходы к определению концепта, его исследованию.

Ключевые слова: *концепт, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, «нечеткое понятие».*

На современном этапе развития лингвистической науки в рамках антропоцентрической парадигмы возрастает интерес к проблеме взаимосвязи языковых и ментальных структур, к вопросам взаимодействия лингвистического и когнитивного аспектов в рамках языковой картины мира. Особое развитие получила лингвоконцептологическая наука, центральным понятием которой является концепт. Бурная полемика вокруг данной категории, которая ведется в отечественной гуманитарной науке уже на протяжении нескольких десятилетий, привела к многочисленным научным исследованиям в данной области. Однако, до сих пор нет четкого единого определения данного феномена, хотя он и является стержневым термином понятийного аппарата когнитивной лингвистики. Проблемность исследования концептов заключается в том, что любая попытка понять их природу ассоциируется с существующим множеством разнообразных точек зрения на основные характеристики концепта, его природу. Трудность определения концепта так же вызвана тем, что концепт, как таковой, не имеет референта в реальном мире, это ментальное образование, и, порой, может показаться, что каждый может дать ему свое собственное наполнение. Многие лингвисты до сих пор спорят о том, стоит ли вообще выделять такую категорию как «концепт».

Говоря о концепте, необходимо упомянуть и введенную в научный оборот идею «нечетких понятий». Данная идея представляет интерес для широкого круга исследователей: от специалистов в области математической логики до лингвистов. После проведения анализа элементов некоторых нечетких множеств или классов объектов выявлено, что «процессу мышления человека свойственна нечеткость, так как в основе этого процесса лежит не классическая логика, а логика с нечеткой истинностью, нечеткими связями, нечеткими правилами вывода» [2, с.22]. Как раз «такая нечеткая, еще недостаточно изученная логика играет основную роль в том, что может оказаться одной из наиболее важных сторон человеческого мышления – способности оценивать информацию, т.е. выбирать из давящего на мозг разнообразия сведений те и только те, которые имеют отношение к анализируемой проблеме» [5, с.7-8].

Идея «нечеткого понятия» или «понятия с нечеткими краями» заключается в том, что нельзя подвести черту под объемом понятия, т.е. понятие не является конструктом с четко ограниченным объемом и содержанием [2, с.22]. Очевидно, что концепт на данном развитии науки с огромным количеством разнообразных его определений подпадает под категорию «понятия с нечеткими краями».

Палитра представленных в современной лингвокогнитивной науке определений концепта действительно поражает своей пестротой – анализ литературы показывает, что концепт входит в терминологический инструментарий таких дисциплин, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвоконцептология, аксиологическая лингвистика, психолингвистика.

По мнению М.В. Пименовой неоднозначность трактовки концепта можно объяснить рядом факторов. Во-первых, концепт является, по существу, междисциплинарным образованием, так как его используют в целом комплексе наук, его изучение проходит в рамках различных направлений. По сути концепт – это зонтиковый термин, покрывающий предметные области нескольких научных дисциплин. Во-вторых, концепт вызывает трудности при дефинировании из-за своей многомерности [11, с.53-54].

Так как в задачи данного исследования входит анализ существующих определений концепта выдающихся отечественных ученых, работающих в рамках когнитивной лингвистики, с целью выявления общих характеристик и основных различий, на основе чего можно было бы систематизировать представления о концепте, то материалом как раз и будут являться предложенные учеными определения термина концепт.

Среди методов исследования можно отметить метод сравнительного анализа, сопоставительный метод, метод количественного анализа и системного анализа, что обусловлено целью и материалом исследования.

Самым очевидным критерием для группировки определений на основе их параметрических отличий является *вербализованность* концепта. Большинство ученых сходятся во мнении, что концепт – это обязательно вербализованная единица (А.П. Бабушкин: «...единица ... в вербально обозначенном виде» [2, с.5], Н.Ф. Алефиренко: «образ ... с разной степенью его эксплицирования» [1, с.9-10], С.Г. Воркачев: «культурно-отмеченный вербализованный смысл» [4, с. 17], В.А. Маслова: «образование ... планом выражения которого является совокупность языковых средств» [9, с. 47], Н.А. Красавский, Л.О. Чернейко: «охватывает всё содержание слова» [15, с. 73], В.В. Красных: «... конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию идея» [7, с.268], М.В. Пименова: «концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний ... языковых единиц-репрезентантов концепта» [10, с.10], Г.Г. Слышкин: «опредмечивается в языке» [13, с. 9], Р.М. Фрумкина: «вербализованное понятие» [14, с. 190] и др.). Однако, существует и такое мнение, что концепт – это единица, не обязательно имеющая языковое выражение (З.Д. Попова, И.А. Стернин: «концепт не обязательно имеет языковое выражение» [12, с. 24-25], В.И. Карасик: «концепт может находить выражение, даже не имея специального словесного обозначения» [6, с. 96]).

Следующим критерием разделения определений концепта может послужить такой параметр – соотносится ли концепт только с национально специфичными единицами (А.П. Бабушкин, Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачев, В.А. Маслова, Л.О. Чернейко, В.В. Красных, М.В. Пименова, Г.Г. Слышкин, Р.М. Фрумкина и др.), или же концепт может соотноситься с любым предметом реального или идеального мира (З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик, Н.А. Красавский и др.).

В основу членения определений концепта может лечь и соотношение концепта с такими абстрактными понятиями как мышление, память. В ряде определений концепт коррелирует с понятием памяти («хранится в национальной памяти», А.П. Бабушкин [2, с.5]; «оперативная единица памяти культуры», Н.Ф. Алефиренко [1, с. 9]; «оперативная содержательная единица памяти», Е.С. Кубрякова [8, с. 140] и др.), в других он признается исключительно единицей мышления («Концепты правильнее интерпретировать прежде всего как единицы мышления, а не памяти», З.Д. Попова, И.А. Стернин [12, с. 24]; «концепты ... идеальные, абстрагированные единицы, смыслами которых человек оперирует в процессе мышления... Человек мыслит концептами», Н.Н. Болдырев [3, с. 28]).

В современной лингвистике определения концепта можно так же разделить на основании методов изучения данного феномена. И здесь имеем определения концепта в рамках лингвокогнитивного, лингвокультурологического и психолингвистического подходов.

На основе краткого анализа определений термина «концепт» приходим к следующим выводам:

1) ввиду того, что исследователи трактуют концепт с разных позиций, выбирая различные его аспекты как ведущие в описании, не представляется дать его однозначное унифицированное определение;

2) исследователи, работающие в этой области знаний, предоставляют свою интерпретацию концепта в зависимости от собственного понимания природы данного феномена, его компонентов;

3) найти правильное определение концепта не представляется возможным, однако, в этом нет и острой необходимости. Единственным возможным ограничением при определении границ данного понятия ученым может быть описание концепта путем задания его характеристик.

Список литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – с.9-10.
2. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис.канд.филол.наук. – Воронеж, 1997. – 330 с.
3. *Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. М., 2001.- с.27-31.
4. *Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. - 236 с.
5. *Заде Л.А.* Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений / Пер. с англ. В.А. Горелика, С.А. Орловского, Н.И. Ранго // Математика сегодня. 1974. - № 7. – с. 5-49.
6. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. - 477 с.
7. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? - М.: ИТДК Гнозис, 2003. - 375 с.
8. *Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. - М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
9. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: учеб. пособие [Текст] / В.А. Маслова. – 2-е изд. – Мн.: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
10. *Пименова М.В.* Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику. – № 4. 2004. – с. 10.
11. *Пименова М.В.* Концептуальные исследования. Введение: учебное пособие [Текст] / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 176 с.
12. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. - 314 с.
13. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. М.: Academia, 2000. - 128 с.
14. *Фрумкина Р.М.* Психолингвистика: Учеб.для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – С.189-206.
15. *Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во МГУ, 1997. - 320 с.

10.02.19

¹Ф.К. Сагдеева канд. филол. наук, ²А.К. Булатова канд. филол. наук,
³Р.Т. Сафаров канд. филол. наук

Институт языка, литературы и искусства им. Г Ибрагимова АН РТ,
¹отдел общей лингвистики,
²отдел лексикологии и диалектологии,
³отдел лексикографии,
Казань, fauzija.sagdeewa@yandex.ru, alf_0082.82@mail.ru, safar.rinat@yandex.ru

СПЕЦИФИКА АБСТРАКТНЫХ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Данная статья посвящена абстрактным именам существительным в татарском языке. В статье рассматриваются общетеоретические положения, раскрывающие сущность абстрактных существительных в свете современной лингвистической теории.

Ключевые слова: *абстрактные имена существительные, лексико-грамматический разряд, признак, языковой, грамматический, формальный.*

Современная лингвистика всё больше пересекается с другими науками и взаимодействует с различными аспектами жизни человека. Появляется возможность расширить границы своих интересов. В настоящее время одной из её основных проблем является исследование того, как «вербализуется мир при его восприятии человеком, какие при этом выделяются единицы и сущности, какие при этом создаются когнитивные структуры (структуры знания) и в рамках каких частей речи происходит вербализация каждой из них; какой категоризации мира отвечают кардинальные части речи, и какая именно онтологическая категория ложится в основание каждой из них по отдельности» [4, с. 220].

В языковом выражении посредством отвлечённых существительных в виде отдельных предметов предстают различные признаки, а также факты, события, явления.

Абстрактные имена существительные являются мало изученным разрядом слов. Татарские исследователи больше всего внимание обращают на словообразовательную структуру производных образований [5]. Это объясняется тем, что «ярче всего категория абстрактности, именуемая также категорией отвлеченности, отражается в словообразовательных элементах языка» [2, с. 103].

В отечественной науке имеется множество работ, посвященных осмыслению абстрактного и конкретного слова. Однако, как утверждают многие исследователи, круг проблем, связанных с пониманием конкретности и абстрактности в языке, все больше расширяется. Так как само понятие «абстрактность» довольно сложное. Ими отмечается, что анализ абстрактного слова требует рассмотрения не только чисто с точки зрения лингвистики и философии, но и также когнитивистики, поскольку именно абстрактная лексика показывает связь языка и мышления.

Вслед за А. В. Бондарко, опираясь на его учение о морфологических категориях, абстрактные и конкретные слова мы относим к лексико-грамматическим разрядам (ЛГР) имени существительного. Учёный выделяет основные особенности ЛГР следующим образом: «Эти слова в рамках той иной части речи обладают общим семантическим признаком. Также данные группы слов могут, характеризоваться определённым морфемным показателем. Компонентами ЛГР являются отдельные слова или группы слов; их соотношения, находящиеся в области лексических и словообразовательных связей, естественно, отличаются от соотношения членов замкнутого ряда морфологических форм» [1, с. 140]. Выражая грамматическое значение предметности по данному признаку, имя существительное объединяет различные по семантическим и грамматическим критериям группы слов. Среди лексико-грамматических разрядов существительных в основном

рассматриваются конкретные, абстрактные, вещественные и собирательные. Существует и другая точка зрения на определение состава лексики существительных. Отдельно выделяются категории абстрактных и конкретных слов. Вещественные и собирательные являются частью категории конкретных существительных [7]. ЛГР объединяет семантическую и грамматическую составляющие. В данном случае вряд ли возможно использовать как синонимичные понятия термины «лексико-грамматический разряд» и «грамматическая категория». Только тогда абстрактная и конкретная лексика может называться категорией, когда данный вопрос рассматривается с точки зрения философских концепций. А. В. Бондарко семантический критерий определяет в качестве основного в выделении лексико-грамматических разрядов, а как проявляющийся факультативно — морфемный [1]. Однако выделение тех или иных разрядов в языкознании теоретически обосновывается по-разному, и используется одновременно несколько критериев: языковой, грамматический, формальный.

Л. В. Калинина пишет, что лексико-грамматические разряды имён «играют определенную роль в передаче информации о реальной действительности, в построении языковой картины мира, в категоризации разного рода объектов» [3, с. 241]. Исследователь считает, что четыре лексико-грамматических разряда имен существительных в языке представляют четыре уровня отражения действительности: философский, когнитивный, естественнонаучный и собственно языковой. С делением всех объектов на материальные и идеальные связан философский уровень отражения действительности.

Особенность абстрактных имен существительных заключается в том, что именно они дают имя нематериальным сущностям. К примеру, они называют: а) отвлеченный признак, присущий разным объектам действительности; б) отвлеченное действие; в) отвлеченное состояние или чувство; г) отвлеченное понятие.

В современных татарских грамматиках на основе различных принципов выделяются семантические разряды: конкретные и абстрактные, собственные и нарицательные, собирательные и вещественные [6, с. 21–22].

Семантические разряды имен существительных рассматривались в большинстве татарских грамматик. В грамматиках начала и середины XIX века написанных на русском языке и составленных по образцу русских грамматик, выделялись собственные, нарицательные и собирательные имена существительные. В грамматиках конца XIX века и начала XX, написанных на татарском языке, встречается и классификации имен существительных по другим принципам: выделяются разряды конкретных и абстрактных существительных. Начиная с середины XX века имя существительное характеризуется на основе лексико-грамматического принципа.

Семантический критерий указывает на смысловые приметы ЛГР существительных, на связь между значением слова и обозначаемым объектом.

В татарском языке в абстрактные имена входят слова, обозначающие различные отвлеченные понятия: *матурлык* ‘красота’, *тирәнлек* ‘глубина’, *усеш* ‘развитие’, *батырлык* ‘храбрость’, *тойгы* ‘чувство’ и т. д. Они появляются в результате выделения в качестве самостоятельного понятия какого-либо признака, общего для ряда предметов, или какого-либо действия (состояния). Предметность в абстрактных именах существительных представляет собой лишь общеграмматическое значение и не совпадает с общелексическим значением.

Большинство этих существительных, мотивированных прилагательными и глаголами, образованы при помощи суффиксов — *лык* /-лек, -ыш/-еш, -ма/-мә: *зурлык* ‘величина’, *төзелеш* ‘стройка, строительство’, *атыш* ‘стрельба’, *корылма* ‘сооружение’.

Отвлеченного значения имена существительные, например, *хис* ‘чувство’, *илһам* ‘вдохновение’, *фикер* ‘мысль’ и др. обычно являются арабо-персидскими заимствованиями. Они склоняются, принимают суффиксы принадлежности: *матурлыкка хэйран калдык* ‘поразились красоте’.

Обычной формой употребления отвлеченных существительных является единственное число: *чаянлык* 'бойкость', *шатлык* 'радость', *батырлык* 'героизм'. Отвлеченные существительные в форме множественного числа выражают конкретные проявления признаков, качеств, состояний, процессов.

Значение предметности объединяет конкретные и абстрактные, вещественные и собирательные имена существительные. Имена существительные тесно связаны с именами прилагательными. В словообразовании это проявляется во взаимном обогащении этих частей речи. Так, производящей основой производных существительных с отвлеченным значением являются имена прилагательные: *матурлык* 'красота', *зурлык* 'величина', а в производных прилагательных — имена существительные (*язгы* 'весенний', *акыллы* 'умный', *эшчән* 'трудолюбивый').

Отвлеченные имена существительные могут образовываться путем субстантивации: *калганнар нәрсә уйлый* 'остальные что думают'; *киләчәккә өмет белән карау* 'с надеждой смотреть в будущее'. В контексте имена прилагательные переходят в разряд имён существительных. Данное явление именуется контекстуальной субстантивацией. При контекстуальной субстантивации в отличие от устойчивой формы субстантивации в слове сосуществуют свойства двух частей речи, т.е. в предложении оно приобретает, наряду с признаками своей части речи, признаки имен существительных.

Таким образом, абстрактные (второе название — отвлечённые) имена существительные имеют особую специфику. Они образованы на стыке двух объективно и универсально противопоставленных категорий: субстанции и признака.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005. 624 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 2001. 720 с.
3. Калинина Л.В. Существительные конкретные, абстрактные, вещественные, собирательные и их роль в отражении действительности // Ученые записки Казанского государственного университета. Том 151. Кн.3. 2009. С.240–247.
4. Кубрякова Е.С. Когнитивный взгляд на природу частей речи // Словарь. Грамматика: сб.ст. М., 1996. С. 218–224.
5. Сагдеева Ф.К., Булатова А.К., Шаяхметова Л.Х. Абстрактные имена существительные (история изучения вопроса в тюркологии и татарском языкознании) // Казанская наука. 2020. № 9. С. 101–109.
6. Татарская грамматика. В 3-х томах. Т. II. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. 397 с.
7. Трофимов В.А. Современный русский литературный язык. Морфология. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1957. 283 с.

*10.02.19***И.В. Убушаева**

«Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»,
Институт гуманитарных и социальных наук,
кафедра лингвистики и переводоведения,
Санкт-Петербург. rostira@mail.ru

ПУНКТУАЦИЯ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ РАЗНОСТИЛЕВЫХ ТЕКСТАХ XX-XXI ВВ.

В работе представлены результаты изучения пунктуационного оформления бессоюзных сложносочиненных предложений с пояснением во II-ой части предложения. Материалом для исследования послужили английские и русские научные, публицистические и художественные тексты XX-XXI вв.

Ключевые слова: *пунктуация, знаки препинания, тире, двоеточие. бессоюзные сложные структуры.*

Статья посвящена пунктуационному оформлению сложных бессоюзных предложений с пояснением во II –ой части предложения. *Актуальность* данной работы обусловлена, с одной стороны, возрастающим интересом к интерпретации семантики знаков препинания, а также отсутствием полного и адекватного лингвистического описания значений узуса пунктуационных маркеров в смысловразличительной функции в сложных синтаксических структурах в современной науке, с другой, - необходимостью детального комплексного изучения вопросов сравнительно-сопоставительного анализа расстановки знаков препинания в разностилевых текстах английского и русского языков XXI в.

Целью исследования, отраженного в данной статье, является сравнительно - типологический анализ семантики знаков препинания в сложных структурах разностилевых языков с учётом стилистической специфики их употребления, выявление общих и специфических особенностей пунктуационного оформления сложных структур в письменных текстах, отражающих синтаксические преобразования в современном английском и русском языках и их стилях. *Хронологические рамки исследования* (I-я половина XX в.; II-я половина XX в.; XXI в.) соотносятся, согласно М.В. Бияновой, с изменениями в синтаксисе [2, с. 7]..

В бессоюзных сложных предложениях с пояснением во II-ой части обычно в русских художественных текстах ставилось двоеточие [1]: *Вечером козодой приходит в особое оживление: быстрым и беззвучным полетом носится он в темном воздухе* (С. Огнев). В бессоюзных сложных предложениях важны не только интонация, но и смысловые отношения. При произнесении первой части с повышением тона, предпочитается разделять части предложения с помощью двоеточия. Двоеточие ставится, если после первой части предложения мысленно можно добавить слово «а именно», перед которым ставят запятую, а после вводного слова двоеточие. В предложениях, как правило, присутствуют слова *так* и *такой*: *Так оно и было: мать уехала на праздники к родственникам* (Нагибин).

Однако на протяжении XX - начала XXI вв. двоеточие в английских, русских бессоюзных сложных предложениях с пояснением все чаще заменяется на тире. Результаты исследования показывают, что еще в I-ой половине XX в. практика замены двоеточия на тире уже существовала в английских научных текстах. Показатели частотности узуса тире перед пояснением пока еще невысокие, лишь 18 % предложений содержат тире

Для получения результатов рекуррентности узуса знаков в каждой временной зоне было отобрано по 40-50 примеров бессоюзных сложных предложений с пояснением из английских и русских разностилевых текстов. Предложения содержали разделительные знаки: либо

двоеточие, либо тире. Анализ предложений показал, что авторы в *английских научных текстах* I-ой половины XX в. предпочитали перед пояснением чаще ставить двоеточие, которое в этой временной зоне является доминирующим знаком, т.к. рекуррентность узуса двоеточия составляла 82 %.

В 50-е годы XX в. Н.А. Кобрина, Л.В. Малаховский для разделения двух сочиненных предложений с бессоюзной связью, из которых второе поясняет первое или дополняет содержащуюся в нем мысль, советовали ставить тире [4, с.80]. Анализ бессоюзных сложных структур с рассматриваемыми отношениями показывает, что во II-ой половине XX в. в *английских научных текстах* рекуррентность узуса тире значительно возрастает (37, 5 %). К XXI в. на рекуррентность двоеточия и тире в *английских научных текстах* приходится по 50 %. Как видим, в этой временной зоне авторы могли выбирать для разделения бессоюзных сложных предложений с пояснением либо двоеточие, либо тире.

Анализ предложений показал, что в *русских научных текстах* на протяжении трех временных зон в бессоюзных сложных предложениях с пояснением во II - ой части доминирует двоеточие (62,5 % - XXI в.), в то время как рекуррентность узуса тире в современный период в 40-50 примерах составляет лишь 37,5 %.

В *английских художественных текстах* в I-ой и II-ой половине XX вперед пояснением отмечается динамика роста рекуррентности узуса тире. *In the morning Nye was never communicative – he did not answer the greeting that Peter, the youth who operated the switchboard, gave him* [6, p. 108-109]. Во второй временной зоне показатели рекуррентности узуса двоеточия и тире совпадают. Тем не менее, в XXI в. узус двоеточия продолжает «побеждать» узус тире. В 40-50 отобранных примерах он составляет 57,5 %. На рекуррентность узуса тире приходится 42,5%. Разрыв в показателях знаков, как видим, незначительный.

В *русских художественных произведениях* постановка тире находит свою реализацию в трех временных периодах. Согласно показателям исследования на протяжении всего XX в и начала XXI в. наблюдается постепенное повышение рекуррентности узуса тире. Однако показатели узуса тире значительно ниже (I-я половина XX в. – 20 %; II-я половина XX в. – 30 %; XXI в. – 33,3 %) показателей узуса двоеточия. В предложениях, в которых вторая часть предложения начинается словами: *это, так, такой, только*, предпочитается ставить тире, например: *Я вдруг увидел, что-то черное движется прямо на меня – это был мой сосед по комнате. Для русских художественных текстов* в бессоюзных сложных предложениях с пояснением во II-ой части предложениях характерна постановка разделительного двойного знака (запятая с тире). В ряде примеров авторы запятую опускают: *На мне было похожее на саван одеяние, длинные рукава которого были связаны за спиной – кажется, такая рубашка называется смирительной* [5]. Для *английских художественных текстов*, как показывает анализ предложений, употребление двойного знака в подобных случаях – нехарактерно.

Вариативные знаки, двоеточие и тире, также наблюдаются в *английском публицистическом стиле* I-ой половины XX в.: *“Yes,” she said, “Miss Gray was really the course of all the trouble between my husband and myself – it has been about as great a tragedy in my life as you could imagine* [8]. На протяжении трех временных зон можно наблюдать постепенный рост рекуррентности узуса тире; в XXI в. в 40-50 примерах с пояснением в 42, 5 % авторы в *английском публицистическом стиле* предпочитают ставить перед второй частью предложения тире: *Deborah Coles of Inquest is shocked by clear link between budget pressure and the downgrading of Dean’s suicide watch: “It is absolutely scandalous – this pursuit of profit is overriding the duty of care to a vulnerable prisoner* [7]. Исследование практики пунктуационного оформления бессоюзных сложных предложений с пояснением во II-ой части показывает, что в начале XXI в. рекуррентность узуса тире становится все более активной, как в *русском языке*, так и в *английском*. Однако доминирующей в *публицистическом стиле* в двух языках остается все еще постановка двоеточия

Согласно правилам, перед прямым вопросом, включённым в состав бессоюзного сложного предложения, ставится двоеточие [3]: *Одного только я не понимаю: как она могла*

тебя укусить? (А. Чехов). Подозрительно потянул Полкан носом: не пахнет ли от хитрых мальчишек морковкой из колхозных огородов? (А. Гайдар).

Структура таких предложений обнаруживается и в английском языке: *There's a train coming – did you hear its whistle?* [9, p. 6], Исследование бессоюзных сложных предложений показывает, что в предложениях с данной структурой в двух языках тире постепенно вытесняет двоеточие из его законного места. Такая практика пунктуационного оформления отмечается на протяжении всех трех временных зон в английском и русском языках. В русском языке, как отмечалось выше, в отличие от английского, перед тире часто ставится запятая.

Список литературы

1. Бессоюзные сложные предложения с изъяснительными предложениями. - Режим доступа: <http://mydocx.ru/9-28390.html>. (дата обращения: 25.05.2021).
2. Биянова М.В. Пунктуационные системы: синхронный и диахронный аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2010. - 185 с.
3. Знаки препинания в бессоюзном сложном предложении. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://foxford.ru/wiki/russkiy-yazyk/znaki-prepinaniya-v-bessoyuznom-slozhnom-predlozhenii> (дата обращения: 18.05.2021).
4. Кобрин, Н.А., Малаховский Л.В. Английская пунктуация. - М.: Изд-во лит-ры на иностр.яз., 1959. – 110 с.
5. Пелевин В. Чапаев и пустота.1996 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: knjku.ru, свободный.
6. Cronin A.J. The northern light. - Kiev: Dnipro Publishers, 1975. - 263 pp.
7. The Guardian. Tuesday. 1 August, 2017.
- 8 The San Francisco calls. December 30, 1911:9.
9. West Virginian, December 30. 1922: 6.

10.02.19

Е.В. Янкина

Волгоградский государственный технический университет,
факультет экономики и управления,
кафедра иностранных языков,
Волгоград, schepetovaelena@mail.ru

**ЦЕННОСТИ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ
«РУКОВОДИТЕЛЬ-ПОДЧИНЕННЫЙ»
(НА ПРИМЕРЕ АНЕКДОТА)**

Статья описывает ценностные характеристики диалогического общения «руководитель-подчиненный» (на примере анекдота). Основными ценностными компонентами административного дискурса являются ценности силы и власти.

Ключевые слова: *ценности, анекдот, диалогическое общение, административный дискурс.*

Система ценностей, являясь неотъемлемой частью человеческого сознания, определяет сущность человека. «Ценность», как понятие, считают одной из основополагающих категорий сознания индивида [1], поэтому изучение этого ментального феномена привлекает внимание ученых из многих областей знания, в том числе, и исследователей-филологов.

Существующие подходы и понимания смысла ценностей не исключают, а дополняют друг друга, подчеркивая важность и многозначность данного явления. В нашей работе, мы вслед за С.И. Виноградовым будем считать, что ценность – это «идеальное образование, представляющее собой важность предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [2, с. 93].

В.И. Карасик, относя ценности к фундаментальным характеристикам культуры и высшим ориентирам поведения, подчеркивает их особую значимость в структуре языковой личности. [3]. С точки зрения лингвистики, по мнению ученого, наибольший интерес вызывают те ценности, которые зафиксированы в языке. То, что играет существенную роль в жизни человека, является ценным для него, получает в языке многостороннее обозначение.

Диалогическое общение руководителя с подчиненным выстраивается в рамках административного дискурса, под которым мы, вслед за О.А. Евтушенко, понимаем сложную социально-коммуникативную систему, обладающую типичными для административного стиля общения чертами и подразумевающую специфические действия, ориентированные на управление объектами, со стороны субъектов управления [4].

Целью данной статьи является описание основных ценностей, актуализирующихся в административном общении, в анекдотически описанных ситуациях. Выбор жанра оправдан аксиогенностью анекдотов, на что указывает В.И. Карасик, выделяя ценностно-нейтральные и аксиогенные типы ситуаций, которые реализуются в таких жанрах дискурса, как, например, пословицы, поговорки, анекдоты [5]. Материалом исследования послужили анекдоты, в которых адресанты и адресаты участвуют в административной коммуникации, определяющейся их иерархическими отношениями. Анекдоты (общее количество 53) для анализа и выявления ценностей подбирались из источников, размещенных на сайтах русскоязычного интернета [7, 8]. Далее материал анализировался на предмет актуализации ценностей.

Следует заметить, что особенности поведения участников административного общения, действительные или же вымышленные, порождают комический эффект, основными способами реализации выступают гиперболизация, каламбур, пародия и алогизм [6]. Что

касается ценностных составляющих диалогического общения лица руководящего с лицами подчиняющимися, при их анализе в анекдотических ситуациях на первый план выходят такие ценностные характеристики, как власть и сила.

Руководитель в анекдотах предстает в образе, с одной стороны, человека, обладающего властью во всей ее полноте, а с другой – самодура, требующего беспрекословного выполнения бессмысленных действий:

Начальник обращается к подчиненным:

— *Слушайте, перестаньте вы называть меня "босс", "шеф"! К чему это совершенно чуждое нам иноязычное подобострастие? Не люблю я этого...*

— *А как вас называть?*

— *Да господи! Ну, попроще как-нибудь, по-русски... Например, "кормилец".*

Властность руководителя явно проявляется в императивной форме указаний (*Слушайте, перестаньте вы называть*). Требование начальника называть себя *кормильцем* говорит о его желании быть благодетелем и радетелем для своих подчиненных. При этом, оно закамуфлировано под намерение показаться попроще в общении с работниками. Также понятно, что кормилец рассчитывает на исполнение своей просьбы. Выбор этих лексических единиц актуализируют ценность власть.

Иногда последовательность действий руководства алогична, и поэтому комична. Алогичность состоит либо в нарушении порядка действий, либо в отсутствии смысла выполнения подчиненными каких либо приказов руководителя. Бессмысленное совершение работы:

Начальник отдела вызывает сотрудника:

— *Срочно соберите все эти бумаги в порядке их поступления, пронумеруйте и прошейте!*

Через пять часов:

— *Все сделал, как вы сказали! Что дальше?*

— *А теперь свяжите их и отнесите на мусорку...*

Здесь мы видим требование выполнить действия, которые являются не просто ненужными, но и лишены значения изначально, так как в итоге результат труда руководитель требует выкинуть (*соберите, пронумеруйте и прошейте ... свяжите их и отнесите на мусорку*). Побудительные предложения актуализируют «властность», которая проявляется в желании убедиться, что любой приказ, здравый или нет, будет выполнен. Это очевидное желание подчинения своим, пусть даже и бессмысленным, приказам характеризует руководителя как авторитарного, властного человека.

Руководитель может посмеяться над подчиненным:

Сегодня начальник сказал мне: "Хочешь зарплату в 2 раза больше? Положил ее перед зеркалом". И долго смеялся. А я – нет.

Руководитель насмехается над сотрудником, давая ложную надежду на прибавку жалования, используя риторический вопрос: в данной ситуации ответ подчиненного не предусмотрен, что показывает уверенность начальника в безнаказанности, и, соответственно, способствует актуализации ценности «власть».

Также актуализации власти как ценностной составляющей административного общения способствуют прямые угрозы, выраженные восклицательным предложением:

Угроза от начальника:

— *Да я сейчас из тебя вакансию сделаю!*

Непосредственная угроза подчиненному, как мы можем предположить, за невыполненную или плохо выполненную работу характеризует руководителя как человека, требующего подчинения.

Также в анекдотах встречаются омонимы, способствующие актуализации ценности «власть».

Начальник:

– *Пни!*

– *Кого пнуть?!*

– *Вы все – пни!*

– *Николай Сергеевич, мне кажется, что Вы, как начальник, слишком старомодны, на дворе 21-й век, а Вы...*

– *Петька, ну что за ересь ты опять несешь! Прекращай это дело, а то, как в прошлый раз, снова прикажу тебя выпороть плетью! Поди вон, пока я добр!*

Прямые оскорбления (пни) и угрозы выпороть плетью показывают отсутствие права подчиненного допускать высказывания, критикующие начальство, хотя эти высказывания поступают в подчеркнуто вежливой форме. Каламбур с использованием омоформ (– *Пни!* – *Кого пнуть?! – Вы все – пни!*), а также пародийное изображение начальника барином с использованием устаревшей лексики (*Поди вон*), служат не только достижению комического эффекта, но и актуализации властности как ценности общения руководителя с подчиненными.

Анализ анекдотов показывает, что основными ценностями, актуализированными в диалогическом общении руководителя с подчиненными (на примере анекдотов), являются власть, сила. Эти ценности выражаются в следующем: начальник прав всегда, следует выполнять приказы руководителя без обсуждения, начальство может позволить себе различного рода нелицеприятные действия, подчиненный не имеет право голоса, к руководителю следует быть лояльным, приветствуется демонстрация действий начальства. Ценности силы и власти актуализируются в анекдотах (как примере диалогического общения руководителя и подчиненного) при помощи: побудительных и восклицательных предложений, риторических вопросов, омонимии.

Список литературы

1. Гибатова Г.Ф. Аксиология в языке // Вестник ОГУ. 2011. № 2 (121).
2. Виноградов С.Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2007. С. 93–97
3. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.
4. Евтушенко О.А. Административный дискурс: типы, субъекты, динамика: монография / О.А. Евтушенко. – Волгоград: ПринТерра, 2018. – 192 с.
5. Карасик В.И. Лингвокультурные ценности в дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2015. №1. С.25-35.
6. Халикова М.Л. Основные характеристики текста анекдота // Вестник Башкирского университета. Филология и языкознание, 2012. № 2: Т. 17. С. 980–982.
7. Все шуточки [Электронный ресурс]. URL: <https://vse-shutochki.ru/anekdoty-pro/> (дата обращения: 06.02.2021).
8. Анекдоты руководителей [Электронный ресурс]. URL: <https://master-class.spb.ru/hum/> (дата обращения: 06.02.2021).

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Н.В. Бараханова
К СЕМИОТИКЕ «ГОРОДСКОГО ТЕКСТА»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: город, «городской текст», семиотика.
В работе представлены результаты осмысления категории «городской текст».

N.V. Barakhanova
TO THE SEMIOTICS OF "URBAN TEXT"
IN RUSSIAN LITERATURE

Keywords: city, "urban text", semiotics.
The paper presents the results of understanding the category "urban text".

И.А. Еникеев
КРИМИНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ
РУССКОЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ ДИАСА ВАЛЕЕВА

Ключевые слова: криминальный дискурс, жанр, политический детектив, религиозность, подтекст, Д.Валеев, Ш.Идиатуллин. *В статье рассмотрены особенности криминального дискурса в творчестве русскоязычного писателя Диаса Валеева. Писатель осознавал свою принадлежность разным культурам. Эта особенность повлияла на криминальный контекст его произведений: он вводит в него элементы жанра политического детектива, философский и религиозный подтекст.*

I.A. Enikeev
CRIMINAL DISCOURSE IN THE WORKS OF THE
RUSSIAN-LANGUAGE WRITER DIAS VALEEV
Keywords: Criminal discourse, genre, political detective story, religiosity, subtext, russian-language writer, D.Valeev, Sh.Idiatullin

The article examines the features of criminal discourse in the work of the russian-language writer Dias Valeev. The writer was aware of his belonging to different cultures. This feature influenced the criminal context of his works: he introduces elements of the genre of political detective, philosophical and religious overtones into it.

Б.В. Кондаков, Чжан Юаньюань
КИТАЙСКАЯ ПОЭТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ В. ПЕРЕЛЕШИНА
Ключевые слова: Перелешин; художественный мир; китайская поэтика; образ.

В статье рассматриваются особенности восприятия В. Перелешиним поэтики китайской литературы и воздействие ее принципов на творчество поэта, исследуется художественный мир и стиль его произведений (в сопоставлении с китайской поэзией), анализируется влияние философско-религиозных размышлений китайских классических поэтов (в частности, Ван Вэя) на творчество Перелешина.

B.V. Kondakov, Zhang Yuanyuan
CHINESE POETICS IN THE WORKS BY V. PERELESIN
Keywords: Pereleshin; Chinese poetics; image; artistic world.
The article studies the peculiarities of Chinese literature's poetics in V. Pereleshin's perception and the impact of its principles on the works by the Russian poet, explores his artistic world and style (in comparison with the artistic world and style of Chinese poetry), analyzes how Chinese classical poets' (in particular, Wang Wei) philosophical and religious reflections influenced Pereleshin's theme and system of motives.

А.А. Калитник
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РОЛЬ ЗАГЛАВИЯ В ПОВЕСТЯХ
С.В.ЭНГЕЛЬГАРДТ «НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ, А ТАК
КАК БОГ ВЕЛИТ» И «НА ВСЕХ СВЕТ НЕ УГОДИШЬ»
Ключевые слова: повесть, сюжет, хронотоп, конфликт, формы повествования.

В статье рассматривается творчество С.В. Энгельгардт 50-х гг. XIX века. Анализ проводится на примере жанра повести. В качестве инструментов применяются такие категории поэтики, как жанр, сюжет, хронотоп, персонажи и формы повествования.

A.A. Kalitnik
THE CONCEPTUAL ROLE OF THE TITLE S.W.
ENGELHARDT'S STORIES: "DO NOT LIVE AS YOU WISH,
BUT AS GOD WILL" AND "YOU WILL NOT PLEASE ALL
THE WORLD"
Keywords: story, plot, chronotope, conflict, narrative.
The article considers the work of S.V. Engelhardt of the 50s. XIX century. The analysis is carried out on the example of the genre of the story. Poetics such as genre, plot, chronotope, characters and forms of storytelling are used as tools.

Ю.О. Любановская, А.А. Остапенко
ЭФФЕКТИВНЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ:
КАК УЛУЧШИТЬ РЕЗУЛЬТАТЫ? ЧАСТЬ 2

Ключевые слова: региональное телевидение, конструктивная журналистика, специальный репортаж, реципрокность, игры с ненулевой суммой, кооперация, репутация, социальная компетенция.

В статье рассматриваются способы повышения эффективности коммуникационного воздействия специального репортажа в рамках парадигмы конструктивной журналистики. В исследовании анализируются релевантность применения социологических и социобиологических методов для телевизионных практик на разных стадиях производства регионального инфопродукта: подготовки, анонсирования, работы над сценарием, вещания и организации обратной связи с аудиторией. В основе предлагаемых решений лежат публичные практики развития опыта принятия решения, кооперации, реципрокного альтруизма, преодоления пассивной агрессии и социальной депрессии.

Ju.O. Lyubanovskaya, A.A. Ostapenko
EFFECTIVE SPECIAL REPORT:
HOW TO IMPROVE RESULTS? PART 2
Keywords: regional television, constructive journalism, special reporting, reciprocity, non-zero-sum games, cooperation, reputation, social competence.

The paper discusses ways to improve the effects of the communication impact of special reporting in the aspect of the constructive journalism paradigm. The study analyzes the relevance of the application of sociological and sociobiological methods for television practices at different stages of the production of a regional information product: preparation, announcement, work on the script, broadcasting and organizing feedback from the audience. The proposed solutions are based on public practices of developing the experience of decision-making, cooperation, reciprocal altruism, overcoming passive aggression and social depression.

Ф.Х. Миннуллина, Л.Ш. Гарипова, Г.А. Хуснутдинова
ИСТОРИЯ ТАТАРСКОГО КИНО: «КИНОСЦЕНАРИЙ
«КОМЕТА» И ЕЕ АНАЛИЗ НА СТРАНИЦАХ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ»

Ключевые слова: Ахмет Тажетдин Рахманкулов, история, кинематография, наследие, киносценарий.

В статье рассматривается творчество А. Рахманкулова в контексте татарской периодической печати. Особое внимание в статье уделено фильму "Комета". Освещаются ранее опубликованные работы на данную тему.

F.H. Minnullina, L.Sh. Garipova, G.A. Khusnutdinova
HISTORY OF TATAR CINEMA: «THE FILM SCRIPT
«COMET» AND ITS ANALYSIS ON THE PAGES OF THE
PERIODICAL PRESS»

Keywords: Akhmet Tazhetdin Rakhmankulov, history, cinematography, heritage.

The article examines the work of A. Rakhmankulov in the context of the Tatar periodical press. Special attention is paid to the film "Comet". Previously published works on this topic are covered.

А.Р. Дадаева

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ СОВЕСТЬ/ЧЕСТЬ
НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: концепт, лингвокультура, метафора, фразеологизмы, лексема.

В данной статье проведен анализ концептов СОВЕСТЬ/ЧЕСТЬ в русском и чеченском языках, автором выделены сходства и отличительные особенности в лингвокультуре данных языков. Автор приходит к выводу о том, что репрезентация метафорического видения совести, чести позволяет утверждать о концептуальной сущности нравственного концепта и многообразной форме лексических средств его воплощения.

A.R. Dadaeva

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONSCIENCE/HONOR
CONCEPTS BASED ON RUSSIAN AND CHECHEN
LANGUAGES

Keywords: concept, linguistic culture, phraseologisms, lexem

This article analyses the concepts of CONSCIENCE/HONOR in the Russian and Chechen languages, the authors are distinguished by similarities and distinctive features in the linguistic culture of these languages. The author concludes that the representation of a metaphorical vision of conscience, honor allows us to assert the conceptual essence of a moral concept and the rich repertoire of lexical means of its implementation.

З.М. Дударева, С.В. Минабаева, А.В. Кривицкая
УРБАГРАФЕМЫ В ИДИОСТИЛЕ ГОРОДА

Ключевые слова: язык города; урбанонимы; идиостиль города; языковой портрет города.

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы формирования языкового портрета города. Авторы рассматривают язык города как феномен, специфика которого определяется лексико-семантическими, грамматическими и графическими особенностями. Акцент в данной работе сделан на специфике визуального восприятия городских вывесок. Новизна исследования заключается в изучении и описании языкового портрета провинциального города Стерлитамак Республики Башкортостан.

Z.M. Dudareva, S.V. Minibaeva, A.V. Krivitskaya
URBAN GRAPHEMES IN THE CITY'S IDIOSTYLE

Keywords: language of the city; urbanonyms; idiosstyle of the city; language portrait of the city.

The article deals with the formation of the linguistic portrait of the city. The authors consider the language of the city as a phenomenon, the specificity of which is determined by lexical-semantic, grammatical and graphic features. The emphasis in this work is made on the specifics of the visual perception of city signs. The novelty of the research lies in the study and description of the language portrait of the provincial city of Sterlitamak in the Republic of Bashkortostan.

А.А. Качанова, С.В. Сабурова
СПЕЦИФИКА ЭТИКЕТНЫХ НОРМ РЕЧИ В ЦИФРОВОЙ
СРЕДЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Ключевые слова: онлайн-обучение, русский язык, цифровая среда, этикетные формулы, этические нормы речи.

В статье описываются особенности коммуникативно-этической грамотности студентов и преподавателей в связи с переходом на масштабное онлайн-обучение в вузах России. Актуальность исследования объясняется фактором трансформации устойчивых формул и выражений в принятых и предписываемых обществом ситуациях вежливого контакта с собеседником в начале XXI века. Студенты, перешедшие на масштабное онлайн-обучение в связи с пандемией 2020-2021 года, испытывают проблемы овладения нормами сетевого этикета, правилами речевого поведения в цифровой среде. Основным методом при рассмотрении вопроса специфики этикетных норм в цифровой среде начала XXI века стал описательный метод с элементами контекстуального анализа. В перспективе результаты анализа предполагают разработку практических упражнений, направленных на развитие грамотности в использовании этикетных норм и формул в письменной речи студентов вузов.

A.A. Kachanova, S.V. Saburova
PECULIARITIES OF THE RULES OF ETIQUETTE IN THE
DIGITAL ENVIRONMENT AT THE BEGINNING OF THE
XXI CENTURY

Keywords: online learning, Russian, digital environment, etiquette formulas, ethical norms of speech.

The article describes the features of communicative and ethical literacy of students and teachers in connection with the transition to large-scale online education in Russian universities. The relevance of the study is explained by the factor of transformation of stable formulas and expressions in the situations of polite contact with the interlocutor accepted and prescribed by society at the beginning of the XXI century. Students who have switched to large-scale online training in connection with the 2020-2021 pandemic are experiencing problems mastering the norms of network etiquette, the rules of speech behavior in the digital environment. The main method when considering the issue of the specifics of the etiquette norms in the digital environment of the beginning of the XXI century was the descriptive method with elements of contextual analysis. In the future, the results of the analysis suggest the development of practical exercises aimed at developing literacy in the use of etiquette norms and formulas in the written speech of university students.

А.Н. Печенюк

СПОСОБЫ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТНО-
ОРИЕНТАЦИОННЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ
ФЕНОМЕНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: прецедентный феномен, ценностно-ориентационное пространство, социокультурная память, художественный дискурс.

Ключевым условием в сознание всех членов русскоязычного

A.N. Pechenyuk

VERBAL REPRESENTATION MEANS OF VALUE-
ORIENTATIONAL COMPONENTS OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR PRECEDENT PHENOMENA

Keywords: precedent phenomenon, value-orientational space, sociocultural memory, artistic discourse.

The key condition for implementing special components of precedent phenomena in the mind of the entire Russian-speaking

сообщества особых компонентов прецедентных феноменов является ценностно-ориентационное пространство в рамках прецедентного мира «Великая Отечественная война». Модификация смыслов в рамках выражения архетипической дихотомии «хорошо – плохо» строится на возможности взаимодействия компонентов эпизодической и социокультурной памяти. Ценностно-ориентационное пространство прецедентного мира может быть определено как сфера приложения интенциональной рефлексии над изменяющимся вместе с объективной реальностью полем оценочности. В статье автор приходит к выводу о разграничении ценностной категории в контексте и пространстве специфической реальности осознания субъектно-объектной мировоззрения и мировосприятия.

П.А. Якимов

ЭККЛЕЗИОНИМЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Ключевые слова: религиозные ономы, экклезионимы, русская поэзия.

В данной статье рассматриваются особенности употребления экклезионимов, названий храмов, в поэтических текстах. В качестве отправной точки для классификации собранного материала взято сопоставление состава данного онома в поэзии и в общеязыковом и/или религиозном представлении.

Т.С. Аникян

РОЛЬ ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В УСИЛЕНИИ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: функция воздействия, политический дискурс, президентская риторика, инаугурационная речь, просодия.

Настоящая статья посвящена анализу экспрессивного потенциала просодических средств в инаугурационной речи президента (на материале выступления Д. Трампа в 2017 году). Выразительные способности сверхсегментных средств в политическом дискурсе представляют интерес для науки, так как способствуют осуществлению важнейшей в нем функции – воздействия на воспринимающую аудиторию, – однако по-прежнему недостаточно изучены в контексте жанровой специфики произведения. Целью исследования стал комплексный анализ модификаций просодических параметров инаугурационного обращения в их взаимодействии с содержанием текста на различных синтаксических уровнях.

Н.Е. Бажайкин

ПЕРСУАЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ А. БЕРБОК)

Ключевые слова: предвыборная речь, адресат, апеллатив, пафос, прецедентные феномены, персуазивный потенциал.

Статья посвящена изучению персуазивного потенциала прецедентных феноменов на материале речи кандидата на пост сопредседателя партии «Союз '90/Зеленые» Аннелены Бербок. Анализ речи позволяет сделать вывод о том, что включение прецедентных феноменов в текст предвыборного выступления обусловлено стремлением сформировать соответствующее посткоммуникативное поведение адресата.

Е.Ю. Баженова, Н.М. Залесова

МЕДИЙНЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА В США

Ключевые слова: медийный образ, образ, полевая структура образа.

Цель данной работы – представить результат проведенного исследования образа женщины-политика, складывающегося в современных СМИ США. Изучаемый образ целесообразно описывать, исходя из полевого принципа, при котором в ядерной части расположены универсальные характеристики женщины-политика, а в периферийной – уникальные, индивидуальные характеристики.

community is the value-orientational space within the framework of "The Great Patriotic War" precedent world. The modification of meanings within the expression of the archetypal "good vs. bad" dichotomy relies on possible interaction between the components of episodic and socio-cultural memory. The precedent world's value-orientational space can be defined as a sphere for applying intentional reflection over the evaluation field, which changes along with the objective reality. In this article, the author comes to the conclusion implying differentiation of the value category within the context and the space of the specific reality of realizing the subject & object vision and world perception.

P.A. Yakimov

ECCLESIONYMS IN RUSSIAN POETRY

Keywords: religious onyms, ecclesionyms, Russian poetry.

This article considers the features of the use of ecclesionyms, the names of temples, in poetic texts. As a starting point for the classification of the collected material, a comparison of the composition of this onym in poetry and in the common language and/or religious representation is taken.

T.S. Anikyan

THE ROLE OF PROSODIC MEANS IN INTENSIFYING THE EXPRESSIVENESS OF THE INAUGURAL ADDRESS

Keywords: function of impact, political discourse, presidential rhetoric, inaugural address, prosody.

This paper analyzes the expressive potential of suprasegmental means in the presidential inaugural address (based on Donald J. Trump's speech of 2017). The expressive capacity of prosody is of interest for academic studies as it helps to exert impact on the audience, thus fulfilling the most crucial function of political discourse; however, the subject has not yet received all the attention it deserves in terms of the specific genre features of the text. The main goal of the research is to thoroughly analyze prosodic modifications of the inaugural speech within the framework of their interaction with the content of the text on different syntactic levels.

N.E. Bazhaykin

THE PERSUASIVE POTENTIAL OF PRECEDENT PHENOMENA BASED ON BAERBOCK'S SPEECH

Keywords: pre-election speech, addressee, appellative, pathos, precedent phenomena, persuasive potential.

The article examines the persuasive potential of precedent phenomena based on the speech of the candidate for the co-chair of the Alliance 90/The Greens Germany Annalena Baerbock. The study has revealed that the inclusion of precedent phenomena in the speech is caused by the desire to form the appropriate post-communicative behavior of the addressee.

E.Y. Bazhenova, N.M. Zalesova

THE MEDIA IMAGE OF A FEMALE POLITICIAN IN THE USA

Keywords: image, media image, field structure of the image.

The aim of this paper is to present the result of research of the female politician image developed by the U.S. mass media. The image under study should be described as a field structure with its nucleus encompassing universal characteristics of a female politician while its periphery bearing individual ones.

Р.В. Гатауллина, Р.И. Мухаметзянова, В.В. Тарасова
 ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ,
 СО ЗНАЧЕНИЕМ РАДОСТЬ
 В НЕМЕЦКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: немецкий и татарский языки
 фразеологическая единица образность, семантическая группа,
 радость.

В статье в психолингвистическом аспекте исследуются фразеологические единицы, со значением радость на немецком и татарском языках. В работе исследуются вербализация радости, описаны образность фразеологических единиц на примере двух генетически неродственных языков.

А.В. Гончарова, А.Ю. Команова, Д.М. Костина
 СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ
 В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
 НАПРАВЛЕННОСТИ

Ключевые слова: англоязычный медиадискурс,
 референциональное манипулирование, аргументативное
 манипулирование, языковая игра, манипулятивные номинации,
 «психологическое айкидо».

В данной работе представлены основные способы осуществления манипулирования в англоязычном медиадискурсе политической направленности: референциональный и аргументативный. Данные виды манипулирования достигаются посредством использования в медийных отрывках политической направленности метафор, эвфемизмов, языковой игры, манипулятивных номинаций и «психологического айкидо». Использование данных приемов и фигур речи в англоязычном медиадискурсе политической направленности способствует возникновению в сознании реципиентов иллюзий и заблуждений, побуждающих их думать и действовать так, как выгодно манипулятору.

Е.В. Гусева, Е.В. Стрельцова
 ДИС КУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК СРЕДСТВО
 ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗАГЛАВИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО
 ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: дискурсивный анализ, заглавие,
 художественный текст, интерпретация.

В работе представлены результаты изучения заглавия художественного текста как элемента дискурса. Анализ проведен на материале произведений английской классики XX столетия на трех уровнях: собственно текстовом, мировоззренческом (концептуальном), интертекстуальном. Сделан вывод о возможности символической интерпретации заглавий исследуемых текстов.

А.А. Смирнов
 АВТОРСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-
 ЗООНИМОМ В РАССКАЗАХ ДЭВИДА МИТЧЕЛЛА
 (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА BLACK SWAN GREEN)

Ключевые слова: лингвистика, фразеология, авторские
 окказионализмы.

Современная лингвистика интересуется исследованием национальных особенностей языка и их выражением в речи носителей языка. В настоящей статье представлены результаты анализа особенностей авторских окказиональных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в рассказе Дэвида Митчелла, виды подобных фразеологизмов, а также примеры использования подобных окказионализмов.

Е.В. Третьякова, С.А. Хахалова
 ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
 ИНТЕГРАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕКЛАМНОГО
 ТУРИСТСКОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: метафора, рекламный туристский дискурс,
 концептуальная метафора, концепт, Германия.

Цель исследования - провести лингвистический анализ метафор, организующих рекламный туристский дискурс. В статье рассматриваются способы метафорической

R.V. Gataullina, R.I. Mukhametzyanova, V.V. Tarasova
 PHRASEOLOGICAL UNITS,
 DENOTING THE JOYANCE, IN GERMAN AND TATAR
 LANGUAGES

Keywords: German and Tatar languages, phraseological units,
 figurativeness, semantic group, joyance.

The authors of the article research the figurativeness of phraseological units, characterizing the joyance on the material of German and Tatar languages. It is analyzed similarity and difference between phraseological units, characterizing the joyance in the researched languages.

A.V. Goncharova, A.Yu. Komanova, D.M. Kostina
 MANIPULATION MEANS IN ENGLISH MEDIA
 DISCOURSE OF POLITICAL ORIENTATION

Keywords: English media discourse, referential manipulation,
 argumentative manipulation, language game, manipulative
 nominations, "psychological aikido".

This paper presents the main language manipulation means in the English media discourse of political orientation: referential and argumentative. These types of manipulation are achieved through the use of metaphors, euphemisms, language games, manipulative nominations and "psychological aikido" in media excerpts of political orientation. The use of these techniques and figures of speech in the English media discourse of political orientation contributes to the emergence of illusions and delusions in the minds of the recipients, prompting them to think and act as beneficial to the manipulator.

E.V. Guseva, E.V. Streltsova
 DISCOURSE ANALYSIS AS MEANS OF INTERPRETING
 ENGLISH LITERARY TEXT TITLE

Keywords: discourse analysis, title, literary text, interpretation.
 The paper features the results of the literary text title analysis as a part of discourse. The analysis is carried out on three levels: textual, author's view point on the world (conceptual) level, intertextual level. It is concluded that the most probable interpretation of the titles of the texts under discussion is the symbolic one.

A.A. Smirnov
 AUTHORIAL OCCASIONALISMS WITH A ZOONIM
 COMPONENT IN DAVID MITCHELL'S BOOKS
 (BASED ON THE STORY BLACK SWAN GREEN)

Keywords: linguistics, phraseology, authorial occasionalisms.
 Modern linguistics studies national peculiarities of language and their usage in the speech of native speakers. This article deals with the peculiarities of occasional idioms with the component-zoonym in David Mitchell's books, explores the types of such idioms, as well as the examples of such occasionalisms.

E.V. Tretyakova, S.A. Khakhalova
 LINGUISTIC AND AXIOLOGICAL
 COMPREHENSION OF INTEGRATIVE ADVERTISING
 TOURIST DISCOURSE SPACE

Keywords: metaphor, advertising tourism discourse, cognitive
 metaphor, concept, Germany.

The aim of research is to analyze metaphors of the advertising tourist discourse. The article deals with metaphorical conceptualization patterns of tourism entities in Germany,

концептуализации туристских объектов Германии. Научная новизна исследования заключается в описании концептуальной метафоры DEUTSCHLAND IST EIN PARADIES (ГЕРМАНИЯ – ЭТО РАЙ). В результате выявлено, что сфера-источник метафоризации представлена своеобразным «контейнером» в виде блэнда ментального пространства, организованного концептами-синонимами PARADIES, SCHLARAFFENLAND, ELDORADO, который идентифицируется с концептом СЧАСТЬЕ и способствует формированию положительного отношения к объектам внутреннего туризма.

М.М. Аюпов, А.Р. Гатиатуллин,
Н.А. Прокопьев, Д.Ш. Сулейманов
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ ФРЕЙМОВОГО
ТИПА ДЛЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: семантический фрейм, лингвистическая база данных, тюркские языки.

В статье представлены результаты создания моделей и лингвистических баз данных с ситуационными фреймами для тюркских языков. Актуальность разработки в том, что предлагаемые модели и лингвистические базы данных имеют большое практическое значение, они являются ресурсной базой для разных лингвистических процессоров. Для тюркских языков это особенно актуально, так как они в большинстве своем относятся к типу малоресурсных языков, именно по причине недостатка лингвистических баз разного типа. Научная новизна предлагаемых ресурсов и моделей заключается в том, что они разрабатываются на основе прагматически-ориентированного подхода с учетом структурно-функциональных особенностей тюркских языков. Таким образом, полученные лингвистические модели и электронные корпусы с семантико-синтаксической разметкой позволяют повысить эффективность их использования в исследовательской деятельности и служат информационно-справочной базой для специалистов тюркологов.

С.В. Богдашкина, О.И. Налдеева,
Г.А. Натуральнова, В.А. Маскаева
МЕТАФОРА КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МОКШАНСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Ключевые слова: метафора, метафоризация, языковая картина мира, художественный текст, троп, средство художественной выразительности.

В данной статье анализируется метафора как один из способов создания языковой и художественной картины мира в художественных произведениях мокшанских писателей. Приводятся мнения выдающихся философов, а также русских лингвистов относительно вопроса сущности метафоры. Делается попытка анализа основных функций метафор в художественном тексте.

А.Д. Большеченко, А.Д. Романова, П.Н. Сафонова
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ И МЕТОДИК
ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: методики обучения, английский язык, лексический подход, метод коммуникативных заданий.

В статье рассмотрены основные подходы и методики обучения английскому языку, проведена их классификация на устаревшие и современные. Авторами составлен сравнительно-сопоставительный анализ наиболее востребованных на сегодняшний день методик Task based learning method (метод коммуникативных заданий) и Lexical approach (лексический подход), сделан вывод об их интеграции в современный учебный процесс.

resulting in cognitive metaphor GERMANY is a PARADISE. The source of cognitive metaphor is shown to be associated with a container similar to the mental space blend, including synonymic concepts such as PARADIES, SCHLARAFFENLAND, ELDORADO playing an increasing role to identify the concept HAPPINESS forming a positive image of German domestic tourism entities.

М.М. Ayupov, A.R. Gatiatullin,
N.A. Prokopyev, D.Sh. Suleymanov
FRAME TYPE LINGUISTIC DATABASES FOR TURKIC
LANGUAGES

Keywords: semantic frame, linguistic database, Turkic language. This article presents the results of developing models and linguistic databases with situational frames for Turkic languages. Relevance of this development is that proposed models and linguistic databases have great practical importance, they provide a resource base for linguistic processors. This is especially important for Turkic languages, since they belong to low-resource languages, precisely from lack of linguistic databases of various type. Scientific novelty of the proposed resources and models is that they are developed on basis of the pragmatically-oriented approach, taking into account structural and functional features of Turkic languages. Thus, the obtained linguistic models and electronic corpora with semantic markup will allow to improve the efficiency of research activities serving as information and reference system for turkologists.

С.В. Bogdashkina, O.I. Naldeevea,
G.A. Naturalnova, V.A. Maskaeva
METAPHOR AS A BASIS FOR CREATING IMAGES
IN THE WORKS OF MOSHAN WRITERS

Keywords: metaphor, metaphorization, linguistic picture of the world, artistic text, trope, means of artistic expression.

This article analyzes the metaphor as one of the ways to create a linguistic and artistic picture of the world in the works of art by Moksha writers. The opinions of prominent philosophers, as well as Russian linguists on the issue of the essence of metaphor are given. An attempt is made to analyze the main functions of metaphors in a literary text.

А.Д. Bolshechenko, A.D. Romanova, P.N. Safonova
COMPARATIVE ANALYSIS OF MODERN APPROACHES
AND METHODS OF TEACHING ENGLISH

Keywords: teaching methods, English, lexical approach, task based learning.

The article considers the main approaches and methods of teaching English, classifies them into outdated and modern. The authors have compiled a comparative analysis of the most popular methods: Task based learning method and Lexical approach, concluded how they are integrated into the modern educational process.

В.И. Волчкова, С.Г. Каримова, В.В. Теганюк
РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНТОВ ГОСТИНИЧНО-
ТУРИСТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ В БИЗНЕС-
КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПРОЕКТА
«PROFENGLISH»

Ключевые слова: речевое поведение, коммуникативная компетенция, речевая интенция.

В работе представлены результаты изучения речевого поведения студентов гостинично-туристического профиля в бизнес-коммуникации в условиях проекта «ProfEnglish», а также организационно-педагогические условия оптимизации учебного процесса для формирования правильного речевого поведения студентов, способствующего их социальной мобильности и устойчивости на рынке труда.

В.Р. Габдуллина
АКТУАЛИЗАЦИЯ РАЗНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
ПОЛИСЕМАНТИЧНЫХ СЛОВ В АССОЦИАТИВНЫХ
ЭКСПЕРИМЕНТАХ

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, значение слова, разнотипные языки, родственные языки, татарский язык, башкирский язык, русский язык, испытуемый.

В статье анализируются некоторые результаты свободных ассоциативных экспериментов, проведенных автором на материале родственных и разнотипных языков. Приводится анализ таких количественных параметров, как количество значений, актуализировавшихся в процессе опознавания слова детьми разных возрастов в татарском, башкирском и русском языках.

А.Н. Гарипова
ЗНАКОВАЯ ПРИРОДА ЯЗЫКА

Ключевые слова: лингвистика, языковой знак, лексема, денотация, морфема, полисемия, фонема, лингвистическая единица, языковая система.

В статье исследуется типология языкового знака, актуальным является понятие "полисемии" и роль метафоры в многозначности слова. Знаковый характер языка составляет одну из его универсальных черт и основных особенностей; не случайно к понятию знака издавна обращались представители разных научных направлений в целях более глубокого проникновения в сущность языка. На понятии знака со времен Жюльена Лайонзи Ф. де Соссюра держатся многие значимые теории языка в современной лингвистической науке.

Г.З. Дарзаманова
РОЛЬ КОМПОНЕНТА АТРОПОНИМА В ФОРМИРОВАНИИ
СЕМАНТИКИ РУССКИХ, ТАТАРСКИХ И АНГЛИЙСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Ключевые слова: фразеологическая единица, семантика, компонент, символ, антропоним, личное имя собственное, многозначность.

В статье рассматриваются фразеологизмы с антропонимами в русском, татарском и английском языках с целью определения влияния ономастического компонента на их значение. Согласно результатам проведенного исследования, антропонимы-символы, а также личные имена собственные, за которыми стоит историческое лицо, играют решающую роль в формировании семантики данных фразеологизмов. Кроме того, раскрываются причины многозначности изучаемых единиц. Новизна работы заключается в том, ранее подобного исследования не проводилось.

А.В. Кулешова, И.С. Марченкова
ПЕРИФРАЗА В ЛЕКСИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ЯЗЫКА

Ключевые слова: перифраза, классификация, критерий.

Статья посвящена особенностям использования перифраз во французском языке. В данной статье предлагается классификация перифраз с лексической точки зрения. В основу классификации могут быть положены разные критерии: лексические особенности, объект номинации, номинативная адекватность, функциональность, количество компонентов и смысловое содержание.

V.I. Volchkova, S.G. Karimova, V.V. Teganiuk
SPEECH BEHAVIOUR OF HOSPITALITY AND TOURISM
STUDENTS IN BUSINESS COMMUNICATION IN THE
PROJECT «PROFENGLISH»

Keywords: speech behavior, communicative competence, speech intention.

This paper presents the results of the study of the speech behaviour of hospitality and tourism students in business communication in the project «ProfEnglish», as well as organizational and pedagogical conditions of the optimisation of the educational process to build the appropriate speech behaviour of students contributing their social mobility and competitiveness in hospitality and tourism market.

V.R. Gabdullina
ACTUALIZATION OF DIFFERENT POLYSEMANTIC
WORDS' MEANINGS IN THE ASSOCIATION
EXPERIMENTS

Keywords: association experiment, the word meaning, the different systems languages, the cognate languages, the Tatar language, the Bashkir language, the Russian language, examinee. The article analyses the results of the association experiments, carries out in the cognate and different systems languages. The analysis of such quantitative characteristics as the number of meanings which were actualized while identifying the word by children of different ages in the Tatar, Bashkir and Russian languages is shown.

A.N. Garipova
THE SYMBOLIC NATURE OF LANGUAGE

Keywords: linguistic sign, lexeme, denotation, morpheme, polysemy, phoneme, linguistic unit, language system.

The article examines the typology of a linguistic sign, the concept of "polysemy" and the role of metaphor in the polysemy of a word are relevant. The symbolic character of the language is one of its universal features and basic features; it is no coincidence that representatives of different scientific directions have long been turning to the concept of a sign in order to penetrate deeper into the essence of the language. Since the time of John Lyons F. de Saussure, all significant theories of language in modern linguistic science have been based on the concept of a sign.

G.Z. Darzamanova
THE ROLE OF THE ANTHROPONYM COMPONENT IN THE
FORMATION OF THE SEMANTICS OF RUSSIAN, TATAR
AND ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS

Keywords: phraseological unit, semantics, component, symbol, anthroponym, personal proper name, polysemy.

The article examines phraseological units with anthroponyms in Russian, Tatar and English languages in order to determine the influence of the onomastic component on their meaning. According to the results of the study, anthroponyms-symbols, as well as personal proper names of a historical figures, play a decisive role in the formation of these phraseological units semantics. In addition, the reasons for the ambiguity of the studied units are revealed. Such study has not been conducted before.

A.S. Kouleshova, I.S. Martchenkova
PERIPHRAIS IN THE LEXICAL ASPECT OF LANGUAGE

Keywords: periphrasis, classification, criterion.

The article is devoted to the peculiarities of the use of periphrases in the French language. This article offers a classification of periphrases from the lexical point of view. The classification can be based on different criteria: lexical features, the object of the nomination, nominative adequacy, functionality, the number of components and semantic content.

В.И. Миколайчик, В.В. Белоконов
СТРУКТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ЯЗЫКА ДАРИ

Ключевые слова: военный подъязык, лексическая единица, пуштунизация, стандартизация военной терминологии.

Ввиду исторического разнообразия источников формирования военного подъязыка и, особенно, целенаправленного внедрения лексических единиц из структурно сильно отличающегося языка пушту военная терминология языка дари по формальному составу оказалась достаточно разнообразной. Классификация структурных типов военно-технических терминов представляет основное содержание научной статьи.

Е.П. Пензева
«ЭКСПОЗИТИВНЫЙ» СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА

Ключевые слова: способы организации дискурса, коммуникативная ситуация, языковое взаимодействие, лингвистическое явление.

В конце XX века в центре лингвистических исследований оказалось такое явление, как дискурс. В разных странах существуют самостоятельные лингвистические школы, занимающиеся исследованием дискурса и отличающиеся друг от друга своим подходом, своими научными традициями. В работе рассматривается «экспозитивный способ организации дискурса», выделяемый испанскими лингвистами. Установлено, что данное понятие коррелирует с понятием диалога.

О.И. Подкопаева
КОНЦЕПТ КАК МЕНТАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ С
НЕЧЕТКИМИ ГРАНИЦАМИ

Ключевые слова: концепт, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, «нечеткое понятие». Статья посвящена рассмотрению существующих определений концепта. В работе рассматриваются различные подходы к определению данного термина, приводятся классификации его определений на основе разных критериев. Также систематизируются подходы к определению концепта, его исследованию.

Ф.К. Сагдеева, А.К. Булатова, Р.Т. Сафаров
СПЕЦИФИКА АБСТРАКТНЫХ ИМЁН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Ключевые слова: абстрактные имена существительные, лексико-грамматический разряд, признак, языковой, грамматический, формальный.

Данная статья посвящена абстрактным именам существительным в татарском языке. В статье рассматриваются общетеоретические положения, раскрывающие сущность абстрактных существительных в свете современной лингвистической теории.

И.В. Убушаева
ПУНКТУАЦИЯ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ
РАЗНОСТИЛЬНЫХ ТЕКСТАХ XX-XXI ВВ.

Ключевые слова: пунктуация, знаки препинания, тире, двоеточие, бессоюзные сложные структуры.

В работе представлены результаты изучения пунктуационного оформления бессоюзных сложносочиненных предложений с пояснением во II-ой части предложения. Материалом для исследования послужили английские и русские научные, публицистические и художественные тексты XX-XXI вв.

Е.В. Янкина
ЦЕННОСТИ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ
«РУКОВОДИТЕЛЬ-ПОДЧИНЕННЫЙ»
(НА ПРИМЕРЕ АНЕКДОТА)

Ключевые слова: ценности, анекдот, диалогическое общение, административный дискурс.

Статья описывает ценностные характеристики диалогического общения «руководитель-подчиненный» (на примере анекдота). Основными ценностными компонентами административного дискурса являются ценности силы и власти.

V.I. Mikolaichik, V.V. Belokon
STRUCTURAL SPECIFICS OF THE MILITARY-TECHNICAL
TERM SYSTEM OF THE DARI LANGUAGE

Keywords: military sublanguage, lexical unit, Pashtonization, standardization of military terminology.

Due to the historical diversity of the formation sources of the military language and, especially, purposeful introduction of the lexical units from the structurally very different Pashto language the military terminology of the Dari language turned out to be quite diverse in its formal composition. The classification of structural types of military-technical terms represents the main content of the scientific article.

E.P. Penzeva
"EXPOSITIVE" WAY OF ORGANIZING DISCOURSE

Keywords: ways of organizing discourse, communicative situation, language interaction.

At the end of the twentieth century, such a phenomenon as discourse turned out to be at the center of linguistic research. In different countries, there are independent linguistic schools engaged in the study of discourse and differing from each other in their approach, their scientific traditions. The work examines the term "an expositive way of organizing discourse", allocated by Spanish linguists. It was found that this concept correlates with the concept of dialogue.

O.I. Podkopayeva
CONCEPT AS A MENTAL PHENOMENON WITH
INDISTINCT BORDERS

Keywords: concept, cognitive linguistics, linguistic and cultural studies, psycholinguistics.

This paper touches upon the problem of the variety of the definitions of "concept". There is a number of scientific schools which are interested in studying the "concept". There is an attempt to systematize the whole range of the existing definitions of the given term.

F.K. Sagdeeva, A.K. Bulatova, R.T. Safarov
THE SPECIFICS OF ABSTRACT NOUNS

Keywords: abstract nouns, lexical and grammatical category, feature, language, grammatical, formal.

This article is devoted to abstract nouns in the Tatar language. The article deals with general theoretical provisions that reveal the essence of abstract nouns in the light of modern linguistic theory.

I.V. Ubushaeva
PUNCTUATION IN ENGLISH AND RUSSIAN DIFFERENT
STYLES OF THE XX – XXI CENTURIES

Keywords: punctuation, punctuation marks, dashes, colon, non-union complex structures.

The paper presents the results of studying the punctuation of non-union compound sentences with an explanation in the second part of the sentence. The material for the research was taken from English and Russian scientific, journalistic and artistic texts of the XX-XXI centuries.

E.V. Yankina
VALUES OF DIALOGICAL COMMUNICATION BETWEEN
MANAGERS AND SUBORDINATES
(ILLUSTRATED BY ANECDOTES)

Keywords: values, anecdote, dialogical communication, administrative discourse.

This paper presents the value characteristics of the dialogical communication "manager-subordinate" (using the example of an anecdote). The main value components of the administrative discourse are the values of strength and power.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№6 2021

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 15.07.2021

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 15.07.2021

8,7 усл.печ.л. 9,1 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 4250.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»